

ИЗ *В. Н. Сидоров*
ИСТОРИИ
ЗВУКОВ
РУССКОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

В. Н. Сидоров

ИЗ ИСТОРИИ
ЗВУКОВ
РУССКОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1966

От автора

Работа «Из истории звуков русского языка» явилась результатом моих многолетних занятий по изучению фонетического строя русского языка древнейших периодов. Она представляет собой ряд очерков, между которыми на первый взгляд кажется трудно уловить связующее их единство. Однако каждый из этих очерков и все они в своей совокупности объединяются вокруг одной общей проблемы, которая здесь не решается, но решение которой возможно только после рассмотрения вопросов, поставленных в данной работе. Эта объединяющая все эти очерки проблема, одна из центральных и вместе с тем наиболее сложных проблем исторической фонетики русского языка, — переход *e* в *'o* перед твердыми согласными.

Этой проблеме мной была посвящена специальная работа, в которой пересматривалась традиционная точка зрения на нее и развивалось положение, которое сводилось в кратких словах к следующему.

Вопреки общепринятому мнению, в свое время обоснованному академиком А. А. Шахматовым, что переход *e* в *'o* был общерусским процессом доисторической поры, мной развивалась точка зрения об относительно поздней хронологии этого процесса. Основанием для этой точки зрения было положение, что в древнерусском языке с исключительной последовательностью проводился принцип слогового сингармонизма, а поэтому в нем не было условий для изменения *e* в *'o*, которое порождало многочисленные слоги, противоречащие сингармонической слоговой модели. Естественно поэтому было предположить, что наиболее благоприятные условия для изменения *e* в *'o* сложились именно в то время, когда в русском языке

разрушилась традиционная слоговая модель, когда он утратил открытые слоги, подчиненные принципу слогового сингармонизма. Поскольку такое разрушение слоговой модели было связано с падением глухих, то естественно, что переход *e* в *'o* следует относить ко времени после утраты редуцированных гласных.

Эту работу мне в свое время по ряду причин напечатать не удалось. Однако в 1945 г. мной был сделан доклад на данную тему в Московском городском педагогическом институте им. В. П. Потемкина¹.

По прошествии ряда лет, когда я вернулся к решению проблемы о переходе *e* в *'o*, мне стало ясно, что для более полного и серьезного обоснования положения о позднем (после падения глухих) действии процесса перехода *e* в *'o* необходимо решить ряд частных, но тесно связанных с данным процессом вопросов исторической фонетики русского языка. Этим вопросам и посвящена настоящая книга.

В заключение хотелось бы сказать, что в противовес развившейся за последние годы манере изложения лингвистических трудов, осложненной обилием вновь вводимых терминов, делающих работу нередко трудно читаемой даже для специалистов, я старался следовать примеру покойного проф. В. А. Богородицкого, писавшего с исключительной простотой. Хотя его учитель проф. И. А. Бодуэн де Куртенэ писал, что В. А. Богородицкий пишет просто до приторности, я был бы очень рад, если бы мне удалось достигнуть этой простоты.

Пользуюсь случаем выразить благодарность П. С. Кузнецову и О. А. Князевской, прочитавшим работу в рукописи и сделавшим ряд ценных замечаний, которые содействовали ее улучшению.

¹ На этот доклад ссылается проф. П. С. Кузнецов в кн.: В. И. Борковский и П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 130.

Редуцированные гласные *ѣ* и *ѡ* в древнерусском языке XI в.

Так называемое «падение глухих» в древнерусском языке, т. е. утрата редуцированных гласных (передаваемых на письме буквами *ѣ* и *ѡ*) как самостоятельных фонем, безусловно, является наиболее значительным по своим результатам фонетическим процессом в истории русского языка. Следствием его была радикальная перестройка звуковой системы, перестройка, которая существенным образом определила дальнейшие пути языкового развития. Достаточно хотя бы вспомнить о том, что большая часть фонетических черт, различающих современные восточнославянские языки и их говоры, представляет собой развитие тех фонетических возможностей, которые возникли в древнерусском языке в результате «падения глухих». Поэтому с известным правом историю звуковой системы русского языка можно подразделить на два основных периода — до и после «падения глухих». Отсюда ясно, какое значение приобретает для историка русского языка вопрос о времени утраты редуцированных гласных *ѣ* и *ѡ*, а следовательно, и о времени, когда эти гласные еще имелись в русском языке.

Вряд ли можно сомневаться в том, что в XI в. редуцированные гласные существовали в древнерусском языке как самостоятельные фонемы с собственным звучанием. Достаточно убедительные доказательства этому были приведены А. А. Шахматовым в его «Очерке древнейшего периода истории русского языка»¹.

¹ См. главу «Доказательства в пользу существования *ѣ* и *ѡ* в древнерусском языке XI и XII века», посвященную специально этой теме («Энциклопедия славянской филологии», вып. 11₁. Пг., 1915, стр. 203—216).

По мнению А. А. Шахматова, доказательством того, что в древнерусском языке XI—XII вв. редуцированные гласные сохранялись, т. е. что в это время сильные редуцированные еще не переходили в *о* и *е*, а слабые не исчезали, прежде всего служат показания памятников. Об этом говорит та последовательность в употреблении букв *ѣ* и *ь* согласно этимологии, которая отличает старославянские памятники древнерусского извода (редакции) до середины XII в. от их оригиналов болгарского извода того же или более раннего времени.

Вот что по этому поводу писал А. А. Шахматов: «Главным. . . основанием для положения о том, что в русском языке XI—XII вв. сохранялись полукраткие гласные (т. е. *ѣ* и *ь* в «слабом» положении. — *В. С.*) и что краткие *ѣ* и *ь* (т. е. в «сильном» положении. — *В. С.*) не переходили еще тогда в *о* и *е*, служат показания памятников. Имеем ряд памятников XI—XII вв., в которых употребленные *ѣ* и *ь* выдерживаются правильно. Правда, при обсуждении вопроса о судьбе глухих в русском языке ссылки на эти памятники во главе с Остромировым евангелием могут казаться неубедительными, так как все они или большая часть их представляются копиями с древнеболгарских оригиналов: выдержанное употребление в них *ѣ* и *ь* можно отнести на счет языка составителей этих оригиналов и на счет внимательной переписки их русскими писцами. При этом, однако, решающими оказываются следующие соображения. Русские писцы, при всей своей внимательности, копируя древнеболгарские рукописи, не могли справиться с теми буквами, которым не было прямого соответствия в живом русском языке; так, писец Остромирова евангелия смешал написания *ж* и *оу*, *л* и *ла* своего оригинала, ибо в русском языке букве *ж* соответствовал тот же звук, что букве *оу*, а букве *л* тот же звук, что букве *ла*; он не мог выдержать даже употребления *ѣ* и писал вместо него *ла* (*л*) там, где в живом языке слышался звук *а* (*камлѣ*). Следовательно, отсутствие случаев опущения *ѣ* и *ь* в Остромировом евангелии. . . , равно как отсутствие случаев замены *ѣ* и *ь* через *о* и *е*, там, где *ѣ* и *ь* обозначали краткие, а не полукраткие гласные, — все это доказывает, что *ѣ* и *ь* существовали в живом говоре самого писца»².

² А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 203—204.

Другим «немаловажным доказательством в пользу существования глухих в XI и первой половине XII века», правда только для «южнорусского наречия», служит то, что в южных памятниках этого времени отсутствуют указания на изменение гласной *е* в *ѣ* (*ѣ*) в слоге перед выпавшим редуцированным. В «южных памятниках того времени мы не найдем указаний на изменение *е* (закрытого полудолгого) в *ie* (*ѣ*) в слоге, предшествующем слогу, утратившему полукраткую гласную; ср. здесь написания *камень*, *шесть*, *учитель*, *творение*. Между тем, одновременно с появлением определенных данных в пользу надежды на упомянутое изменение»³.

Наконец, А. А. Шахматов упоминает «мельком о тех доказательствах, которые имеют случайный и единичный характер». К ним принадлежит, с одной стороны, подпись французской королевы Анны, дочери Ярослава Мудрого, на грамоте 1063 г. Эта «подпись сделана частью кирилловскими, частью латинскими буквами АНА РЪИНА, т. е. Ана гейна; таким образом, французский звук *э*, т. е. звук среднего ряда неполного образования (совр. *e muet*), передан здесь буквой *ѣ*», возможность чего, очевидно, основывалась на живом произношении⁴. Кроме того, А. А. Шахматов указывает, что «могут иметь значение показания тех заимствованных из русского в латышском, литовском и финском языке слов, которые относятся к христианской терминологии и, следовательно, восходят к эпохе XI—XII вв. Среди них есть такие, в которых *ѣ* и *ь* передаются через *и* и *i*»⁵.

К доводам А. А. Шахматова в пользу существования редуцированных гласных в древнерусском языке XI и первой половины XII в. можно прибавить еще другие, причем, как мне кажется, доводы, не менее убедительные, чем те, которые приводит он.

Прежде всего я имею в виду общеизвестный факт, заключающийся в том, что в русских памятниках XI—XII вв. у имен мужского и среднего рода окончания

³ Там же, стр. 216.

⁴ Там же, стр. 203; см. также: П. Черных. К вопросу о подписи французской королевы Анны Ярославны. «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», 1947, вып. 3, стр. 27—31; Е. И. Мельников. О языке и графике подписи Анны Ярославны 1063 г. «Славянское языкознание». М., 1959, стр. 113—119.

⁵ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 203.

творительного падежа единственного числа *-омь*, *-емь*, характерные для старославянских памятников болгарского извода, заменялись на письме окончаниями *-ъмь* и *-ьмь*. Такие написания окончаний творительного падежа с буквами *ѣ* и *ь* вместо *о* и *е* «уже в некоторых рукописях XI века становятся орфографическими нормами; в обоих почерках Остромирова евангелия написания *-ъмь* составляют 96% всех случаев употребления формы instr. sg. от основ на *-о* и на *-и*, а в обоих почерках Архангельского евангелия — все 100% и т. д.»⁶.

Написание букв *ѣ* и *ь* в окончании творительного падежа единственного числа у имен с основой на *-о* и *-и*, безусловно, отражает действительное произношение этих окончаний в древнерусском языке. На то, что в этом окончании древнерусский язык имел редуцированные фонемы *ѣ* и *ь*, а не гласные полного образования *о* и *е*, убедительно указывает дальнейшая судьба окончания *-омь* в восточнославянских языках (ср. *-ом*, а не *-им* в украинском языке; *-ом* с *о* открытым в русских говорах, различающих *о* открытое и *ѵ* закрытое; наконец, произношение *с'илѵм* или *с'елѵм* при *с'алѵ* в южнорусских говорах с архаическим типом диссимилятивного яканья). Понятно, что заменять окончания *-омѣ*, *-емь* оригиналов болгарского извода древнерусскими окончаниями *-ъмь*, *-ьмь* возможно было только в том случае, если в это время редуцированные *ѣ* и *ь* существовали в языке в качестве особых фонем, отличных по своему звучанию в сильном положении от гласных *о* и *е*. Иначе бы, т. е. если бы в языке XI в. редуцированных уже не было, окончание творительного падежа имело гласные *о* и *е*, во что изменялись *ѣ* и *ь* в сильном положении. В этом случае, следовательно, произношение окончаний творительного падежа полностью соответствовало бы болгарским написаниям, которые и сохранились бы, поскольку для их замены не было бы никаких оснований. Между тем, такая замена не только наблюдается в памятниках XI в., но окончания *-ъмь*, *-ьмь* становятся даже орфографической нормой старославянских памятников русского извода⁷.

⁶ Н. Дурново. Славянское правописание XI—XII вв. «Slavia», 1933, год. XII, себ. 1—2, стр. 64.

⁷ Н. Дурново. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов. «Byzantoslavica». Sv. I. Prague, 1929, стр. 18—19.

Русский извод старославянского языка, представляющий собою ответвление от болгарского извода, как правило сохранял те черты древнеболгарского языка, которые не противоречили фонетической системе древнерусского языка, хотя бы эти черты и отличались от древнерусских. Окончание творительного падежа как раз и было такой чертой, которая отличала древнерусский язык от старославянского языка болгарского извода, и в то же время болгарское окончание по своему звучанию не противоречило фонетической системе древнерусского языка. Кажется бы, болгарское окончание имело все возможности утвердиться на письме в древнерусских памятниках. Однако этого не произошло. Естественно задать вопрос о причине этого явления. Объяснить его нетрудно, если признать существование в древнерусском языке редуцированных фонем.

Как уже указывалось, А. А. Шахматов считал главным доказательством существования редуцированных в древнерусском языке их последовательное написание в русских памятниках XI в. Эта последовательность, согласно этимологии, осуществлялась вопреки оригиналам болгарского извода, в которых такой последовательности не было. Ее не было, с одной стороны, потому, что в болгарских оригиналах X и XI вв. уже нашел отражение процесс «падения глухих», происшедший у южных славян раньше, чем у восточных; с другой стороны, потому, что в болгарских памятниках, кроме того, отражались различные фонетические изменения, которые вели к смешению на письме букв *ѣ* и *ь*. Все эти явления не проводились на письме в болгарских памятниках как орфографическая норма. Естественно, что они не могли быть подведены под какие-нибудь нормы и русскими писцами. В результате отсутствие норм в написании букв *ѣ* и *ь*, которые для русских писцов XI в. были знаками редуцированных фонем, при наличии противоречия между употреблением этих букв в болгарских оригиналах и живым произношением редуцированных гласных в древнерусском языке, повело к тому, что русские писцы стали руководствоваться при обозначении редуцированных гласных на письме своим живым произношением. Так они поступали и по отношению к окончанию творительного падежа единственного числа у имен с основой на *-о* и *-и*, в котором они производили редуцированные *ѣ* и *ь*, а не гласные полного обра-

зования *о* и *е*. Болгарские написания окончания творительного падежа с буквами *о* и *е* для русского писца стояли в одном ряду с другими написаниями, не отвечавшими живому употреблению редуцированных гласных.

Такое же несоответствие между написанием букв *ѣ* и *ь* в болгарских памятниках и своим произношением русские писцы встречали еще в окончании 3-го лица единственного и множественного числа настоящего времени глаголов. Болгарскому окончанию *-тъ* соответствовало русское *-тъ*. Русские писцы и эти случаи подчинили общей тенденции писать *ѣ* и *ь* в соответствии с употреблением редуцированных фонем в своем языке. В результате написание в 3-м лице глаголов русского окончания *-тъ* вместо болгарского *-тъ* становится «нормой во всех русских рукописях XI—XIV вв.»⁸, в том числе и в тех, которые по своему языку являются памятниками старославянского языка. Окончание 3-го лица глаголов *-тъ* стало одним из наиболее показательных признаков русского извода старославянского языка. Так, по наблюдению М. Козловского, «в Остромировом евангелии окончание *тъ* совершенно поглотило южнославянское *тъ*», так что в нем имеются всего только «четыре случая с окончанием настоящего времени *тъ*, вместо обыкновенного *тъ*, это: *знаютьъ* 244, *идетьъ* 86, *сѣсетъ* (*спасетъ*) 224, *отъпоуцаютьъ* сд 67»⁹. В. Н. Щепкин отмечает еще одно, пятое, написание окончания *-тъ*: *отъпоуцаютьъ* сд 130 в¹⁰, пропущенное М. Козловским. В Архангельском евангелии 1092 г. окончание *-тъ* представлено всего одним случаем: *въсхититъ* 7¹¹.

Наконец, таким же образом можно объяснить замену в русских памятниках XI—XII вв. болгарских написаний *ръ*, *рь*, *лъ*, *ль*, обозначающих слоговые плавные, русскими написаниями *ѣр*, *ѣр*, *ѣл*. Такие написания последовательно проводятся уже во 2-м почерке Остромирова

⁸ Н. Дурново. Славянское правописание X—XII вв., стр. 65.

⁹ М. Козловский. Исследование о языке Остромирова евангелия. «Исследования по русскому языку ОРЯС», 1886, т. I, вып. 1, стр. 116.

¹⁰ А. Леский. Грамматика старославянского языка. М., 1890, см. «Дополнение по языку Остромирова евангелия», стр. 185.

¹¹ М. А. Соколова. К истории русского языка в XI веке. «Известия по русскому языку и словесности АН СССР», 1930, т. III, стр. 128.

евангелия¹² и становятся языковой нормой, особенно в текстах, «предназначавшихся для публичного произнесения, как, например, в списках евангелия»¹³.

Факт замены болгарских написаний, обозначающих слоговые плавные, безусловно, указывает на то, что в древнерусском языке болгарским слоговым плавным соответствовали какие-то иные звучания. В противном случае у русских писцов XI в. не было бы оснований отказываться от написаний, которые удовлетворяли болгарских писцов, несмотря на известные неудобства, вытекающие из совпадения этих написаний с написаниями, передававшими несколько иные звучания.

Создавая в XI в. славянскую азбуку и письмо, Кирилл Философ для обозначения слоговых плавных использовал написания, которыми передавал сочетания плавных с последующими редуцированными гласными между согласными, т. е. сочетания типа **trzt* (например, *крѣвь*). Он поступил так потому, что эти сочетания, когда они были в слабом положении, в котором редуцированные имели тенденцию к исчезновению, по своему звучанию были очень близки к слоговым плавным. При фонетическом характере старославянского письма такая передача слоговых плавных была вполне естественна. Позднее она поддерживалась тем, что с утратой слабых редуцированных в сочетаниях типа **trzt* образовывались слоговые плавные, которые совпадали с существовавшими уже ранее в языке.

Подобные же фонетические условия, облегчавшие передачу слоговых плавных посредством написаний, которыми обозначались плавные с последующими редуцированными в сочетаниях типа **trzt*, существовали и в языке древней Руси XI в. Правда, эти условия, возможно, не были одинаковыми для всей территории древнерусских говоров. Однако, по крайней мере в южной части этих говоров, т. е. в тех, из которых позднее образовались украинский и белорусский языки, слабые редуцированные в сочетаниях типа **trzt* имели тенденцию к исчезновению, в связи с чем плавные становились затем слоговыми. Следует при этом напомнить, что XI в. и в особенности вторая его

¹² Ф. Ф. Фортунатов. Состав Остромирова евангелия. «Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому», ч. 2. СПб., 1908, стр. 1418—1419.

¹³ Н. Дурново. Указ. соч., стр. 68.

половина, о которой по существу всегда идет речь, когда судят по данным русских памятников о языке XI в., для южных говоров древнерусского языка — это самый канун «падения глухих». В этом отношении он соответствует IX в. в истории болгарских говоров, в которых «падение глухих» происходит в X в., т. е. к тому времени, когда Кирилл создает алфавит и письмо для славян. И если старославянский язык болгарского извода удерживает введенное Кириллом одинаковое написание *рѣ* для двух очень близких, но все же не тождественных звучаний, для *г* и *рѣ* со слабой редуцированной, то этого можно было бы ждать и в русском языке, если бы в нем, в соответствии с болгарскими слоговыми плавными, были тоже слоговые плавные.

Некоторые историки языка, правда, полагают, что в древнерусском языке были собственно не слоговые плавные, а сочетания неслоговых редуцированных со слоговыми плавными, т. е. сочетания типа *ѣг*. Однако, как мне кажется, это различие между *г* и *ѣг* с фонетической точки зрения — чистая фикция. Действительно, что могла представлять собой неслоговая редуцированная гласная перед слоговой плавной как реальное фонетическое образование?

Как показали наблюдения над слоговыми плавными в современных славянских языках, их образование сопровождается кратчайшим гласным элементом, который является при переходе или от плавной к следующей согласной, или от предшествующей согласной к плавной. Такую переходную гласную наблюдал В. А. Богородицкий после слогового *г* в сербском языке (*врѣло*, *дрѣвета*)¹⁴. Методами экспериментальной фонетики наличие такого гласного элемента установил аббат Руссло для того же сербского языка, а для чешского — С. Хлумский¹⁵. По-видимому, неслоговая редуцированная гласная перед слоговыми плавными, которую предполагают для древнерусского языка его историки, не могла быть чем-то другим, кроме именно такого переходного гласного элемента между плавной

¹⁴ В. А. Богородицкий. Из наблюдений над сербско-хорватским литературным произношением. — РФВ, 1912, т. LXVII, № 1—2, стр. 205.

¹⁵ О. Пужег. Úvod do dějin jazyka českého. Vyd. 2. Praha, 1924, стр. 10.

и соседней согласной. А стало быть, и сочетание *ѣг* представляло собой не что иное, как слоговое *г* обычного образования.

Поэтому, если даже предположить, что в древнерусском языке XI в. существовали такие слоговые плавные, при образовании которых переходная гласная являлась между плавной и предшествующей ей согласной, то и в этом случае было бы трудно себе представить, чтобы именно наличие этой гласной вызвало стремление заменить болгарские написание типа *рѣ* написаниями типа *ѣр*. Да и вряд ли можно предположить, чтобы русские писцы XI в. могли выделить на слух в слоговой плавной такой краткий гласный элемент, который в наше время могут уловить лишь специалисты-фонетисты, причем главным образом при помощи соответствующих инструментов.

Отказ от болгарских написаний типа *рѣ*, обозначающих в памятниках болгарского извода слоговые плавные, мог произойти в русской письменности только потому, что эти написания достаточно резко противоречили тем звучаниям, которые слышались в древнерусском языке в соответствии с болгарскими слоговыми плавными. Если к тому же учесть, что русские писцы при написании *ѣ* и *ь* руководствовались своим собственным употреблением редуцированных звуков, то замена болгарских написаний типа *рѣ* русскими типа *ѣр* может быть объяснена, как мне кажется, только тем, что в древнерусском языке перед плавными находились обычные слоговые редуцированные гласные. Именно их, а не гласный элемент в приступе слоговых плавных передавали в написаниях *ѣр*, *ьр*, *ѣл* между согласными буквы *ѣ* и *ь*, являвшиеся графическими знаками редуцированных фонем. Для русских писцов болгарские написания *рѣ*, *рѣ*, *лѣ*, *лѣ*, когда им в произношении соответствовали русские сочетания *ѣр*, *ьр*, *ѣл*, были проявлением такой же непоследовательности в обозначении редуцированных гласных, какую они находили во многих других случаях. И как в этих других случаях они следовали за своим произношением, так они следовали за своим произношением и при передаче на письме сочетаний *ѣр*, *ьр*, *ѣл*.

Судьба древнерусских сочетаний *ѣр*, *ьр*, *ѣл* между согласными подтверждает существование перед плавными слоговых редуцированных гласных, т. е. сочетаний *ѣ*, *ь* с последующими плавными, а не слоговых плавных, хотя

бы и с гласным элементом в их приступе (экскурсии). В этом отношении особенно показательны факты украинского и белорусского языков.

В этих языках слабые редуцированные в сочетаниях типа **trət* при «падении глухих» исчезали, а плавные становились слоговыми; так, например: **dr̥va* > **dr̥va*, **sl̥'za* > **sl̥'za* и т. д. Позднее слоговость плавных утрачивалась, параллельно с чем при плавных образовывались гласные: в белорусском языке после плавных — *дрыва*, *слыза*, в украинском в одних говорах также после плавных — *дрива*, *слиза*, но в других — перед плавными: *дрива*, *силза*. Мало правдоподобно, чтобы одновременно с образованием в языке слоговых плавных в сочетаниях типа **trət* со слабыми *ѣ* и *ь* происходила утрата старых слоговых плавных, некогда образовавшихся в сочетаниях типа **tr̥rt*, причем утрата, которая привела к тому, что перед плавными развивались те же гласные, какие получились из сильных редуцированных. Кстати сказать, утрату слоговости слоговыми плавными в сочетаниях типа **tr̥rt* никак нельзя объяснять собственно процессом «падения глухих», коль скоро при плавных не было редуцированных гласных.

Появление в языке новых слоговых плавных скорее должно было поддерживать существование уже имевшихся слоговых плавных, чем способствовать их исчезновению. Но если бы старые слоговые плавные действительно удержались в языке, то в дальнейшем, когда происходила общая утрата слоговых плавных, старые слоговые должны были изменяться таким же образом, как и новые, образовавшиеся в сочетаниях типа **tr̥rt*. Этого, однако, не случилось: в соответствии с предполагаемыми слоговыми плавными, образовавшимися в исконных сочетаниях типа **tr̥rt*, во всех восточнославянских говорах возникли сочетания, состоящие из гласных *о*, *е* с последующими неслоговыми плавными. Такой результат, как мне кажется, противоречит представлению о наличии в древнерусском языке слоговых плавных, образовавшихся из сочетаний редуцированных гласных с плавными между согласными.

Замену болгарских написаний с *ѣ* и *ь* после плавных, т. е. *рѣ*, *рь*, *лѣ*, *ль*, русскими с *ѣ* и *ь* перед плавными, т. е. *ѣр*, *ѣр*, *ѣл*, а также изменение сочетаний, передаваемых этими написаниями, при процессе «падения глухих» в сочетании с гласными *о* и *е* перед плавными правдо-

подобнее и проще всего объяснить тем, что в древнерусском языке до времени «падения глухих» существовали сочетания типа **tr̥rt*, в которых сохранялись редуцированные гласные фонемы *ѣ*, *ь* перед плавными *r*, *r'*, *t*. Из таких сочетаний легче всего вывести те звуковые явления, которые наблюдаются в восточнославянских говорах после «падения глухих» в соответствии с сочетаниями типа **tr̥rt*.

Предположение, что в древнерусском языке существовали сочетания типа **tr̥rt* с слоговыми редуцированными гласными *ѣ*, *ь* обычного образования, как будто бы противоречит общепринятому представлению, что в это время все слоги слова в языке были открытыми. Действительно, сочетания типа **tr̥rt*, если считать, что в них редуцированные были слоговыми, а плавные неслоговыми, конечно, образовали закрытые слоги. Наличие таких сочетаний в языке, в котором все прочие слоги были открытыми, было бы нарушением обязательной слоговой модели слова, причем нарушением единичным. В известной мере именно это обстоятельство заставляло исследователей предполагать, что в сочетаниях типа **tr̥rt* редуцированные гласные с плавными изменялись в слоговые плавные, благодаря чему слоги становились открытыми.

Однако то обстоятельство, что сочетания типа **tr̥rt*, образуя закрытые слоги, были бы исключением по отношению к общей модели слога древнерусского языка, само по себе не может служить доказательством, что в языке не могло быть закрытых слогов. Вместе с тем нет никакой необходимости подвергать сомнению реальность действия тенденции к открытости слога, той тенденции, которой наряду со многими другими фонетическими изменениями обычно объясняется и образование слоговых плавных в сочетании типа **tr̥rt*.

Тенденция к открытости слога, действовавшая в древних славянских говорах, не представляла собой звукового закона, однократное действие которого в определенных языковых границах распространялось одновременно на все звуковые явления, удовлетворявшие фонетическим условиям, в которых происходило звуковое изменение. Она есть то общее, что объединяло разновременные и качественно различные фонетические изменения, определяемые звуковой системой языка и в свою очередь определяющие общее в разновременных изменениях этой системы.

Тенденция к открытости слога исторически сложилась в общеславянском языке в результате ряда случайных по отношению к ней самой фонетических изменений. Эти изменения увеличивали число открытых слогов, благодаря чему слоговая модель слова стала строиться все в большем количестве случаев по типу открытого слога. В результате в какой-то момент возникла тенденция к изменению оставшихся в славянских говорах закрытых слогов в открытые. Следствием ее был ряд фонетических изменений, которые затрагивали различные в фонетическом отношении звуковые явления и, что особенно важно подчеркнуть, которые протекали в разное время. Поэтому, пока тенденция к открытости слога была в действии, в говорах существовали противоречащие господствующей слоговой модели закрытые слоги, к устранению которых вела эта тенденция, так как она могла осуществляться только в течение того времени, пока в языке сохранялись закрытые слоги. Таким образом, нет ничего невероятного в том, что при почти последовательном проведении в древнерусском языке XI в. модели открытого слога, как результата длительного действия тенденции к открытому образованию слогов, в нем имелись еще закрытые слоги в сочетаниях типа **tǫrt*. Они были возможны в языке, потому что XI в. в истории русского языка мог быть еще временем действия тенденции к открытости слога, а не временем, когда она уже завершила преобразование закрытых слогов в открытые. Такое завершение могло бы быть делом будущего, если бы процесс «падения глухих», разрушивший модель открытого слога и прекративший действие соответствующей тенденции, не был бы так близок.

Однако отсюда не следует, что сочетания типа **tǫrt* со слоговыми редуцированными перед плавными обязательно образовали закрытые слоги. Более правдоподобным представляется то, что тенденция к открытости слогов все же распространила свое действие и на эти сочетания. Конечно, сочетания типа **tǫrt*, раз они включали в себе слоговые редуцированные и неслоговые плавные, не могли образовывать открытых слогов. Но совсем не обязательно считать, что плавные после слоговых редуцированных были именно неслоговыми. Устранение закрытого слога в сочетаниях типа **tǫrt* происходило, можно думать, путем изменения неслоговых плавных в слоговые (**tǫrt > *tǫrt*), благодаря чему со-

четанье **tǫrt* из однослогового становилось двуслоговым, т. е. **tǫrt* с одним слогоразделом после неслоговой плавной изменялось в **tǫ|rt* с двумя слогоразделами — после слоговой редуцированной и после слоговой плавной, например: **tǫrt|gǫ > *tǫ|rt|gǫ*, **z'br'no > *z'b|r'|no*, **pǫl'nǫ > *pǫ|l'nǫ* и пр.

В пользу такого предположения об изменении сочетаний типа **tǫrt* в древнерусском языке можно привести несколько соображений.

К XI веку древнерусский язык представлял собой систему, в которой с наибольшей последовательностью проводился принцип построения слоговой модели слова по типу слогового сингармонизма и открытого слога. В этом отношении сочетания типа **tǫrt*, если они образовали закрытые слоги, как уже говорилось, выделялись как совершенно исключительные. Поэтому более вероятным представляется, что и они все же подчинялись общей модели построения слога, образуя слоги открытые. А так как по показаниям памятников древнерусского письма редуцированные гласные, предшествующие плавным в этих сочетаниях, были слоговыми, то открытость слога в сочетаниях типа **tǫrt* могла образоваться только путем изменения неслоговых плавных в слоговые, в результате чего получились двуслоговые сочетания типа **tǫ|rt*.

Дальнейшая судьба сочетаний типа **tǫrt* в восточнославянских языках наиболее легко объясняется именно при предположении, что слоговыми были в них не только редуцированные гласные, но и следующие за ними плавные согласные, т. е. что это были сочетания типа **tǫ|rt*.

Схематически судьбу этих сочетаний можно изобразить следующим образом.

Процесс «падения глухих» не мог не затронуть и тех редуцированных, которые произносились перед слоговыми плавными в сочетаниях типа **tǫ|rt*. Однако судьба этих редуцированных отличалась от судьбы редуцированных в других фонетических положениях. Последние, как известно, были «сильными» или «слабыми», т. е. более долгими или более краткими, в зависимости от долготы гласной следующего слога. Этим и определялась судьба редуцированных, когда происходила их утрата. «Слабые» редуцированные исчезали, «сильные» изменялись в глас-

ные полного образования *о* и *е*. Положение редуцированных перед слоговыми плавными было иным. Слоговые плавные не представляли собой самостоятельных фонем в системе согласных древнерусского языка. Они были лишь вариациями неслоговых плавных, слоговое произношение которых определялось их положением в исходе слога. Таким образом, редуцированные *ъ* и *ь* в сочетаниях типа **tъ|r|t* находились в положении перед позиционно обусловленным слогом. Это положение не отвечало тем условиям, которыми создавалось различие между «слабыми» и «сильными» редуцированными, и они при «падении глухих» изменялись одинаковым образом. Во всех восточнославянских говорах *ъ* и *ь* изменялись перед слоговыми плавными в *о* и *е*, т. е. в те же гласные, в которые в других фонетических положениях изменялись «сильные» *ъ* и *ь*.

Совпадение в результатах изменения редуцированных *ъ* и *ь*, находящихся в положении перед слоговыми плавными, с «сильными» редуцированными не было случайностью. Одним из следствий «падения глухих» было разрушение господствовавшей в древнерусском языке модели открытого слога. В языке возникло огромное число закрытых слогов. С разрушением старой слоговой модели уничтожались фонетические условия, которые вызывали слоговое произношение плавных в сочетаниях типа **tъ|r|t*, и плавные, сокращаясь, утрачивали свою позиционно обусловленную слоговость. Сокращение слоговых плавных в свою очередь вызывало удлинение находящихся перед ними редуцированных *ъ* и *ь*, которые изменялись, подобно «сильным» *ъ* и *ь*, в гласные полного образования *о* и *е*.

Так происходило изменение *ъ* и *ь* перед плавными, когда за сочетаниями типа **tъ|r|t* следовал слог с гласной полного образования. Сами плавные при этом примыкали в слоговом отношении к предшествующим гласным, образуя закрытые слоги, например: **tъ|r|ga* > **tor|ga*, **z'ъ|r|no* > **z'er|no*, **pъ|ǰ|na* > **po|ǰ|na* и др.

Несколько сложнее обстояло дело в тех относительно немногочисленных случаях, когда за сочетанием типа **tъ|r|t* следовал слог с исчезавшими «слабыми» *ъ* и *ь*. В этом положении плавные были не только слоговыми, но, как можно полагать, и долгими. Их долгота вызывалась «ослаблением», сокращением редуцированных *ъ*

и *ь* следующего слога, приводившим в конце концов к их утрате. Следовательно, слоговые плавные удлинялись перед слогом со «слабыми» *ъ* и *ь* подобно тому, как в этом же положении удлинялись и другие слоги, что привело к изменению во всех говорах древнерусского языка «сильных» *ъ* и *ь* в гласные *о* и *е*, а в говорах — предках современного украинского языка — исконных *о* и *е* в конечном итоге в *i* (*кинъ*, *лид*). При «падении глухих» долгие слоговые плавные утрачивали и свою слоговость, и долготу. Благодаря этому не только предшествующие плавным *ъ* и *ь* изменялись в *о* и *е*, но и после них развивались гласные *о* и *е*, т. е. образовалось так называемое второе полногласие, например: **tъ|r|grъ* > **tъ|r|grъ* > *torog*, **z'ъ|r|nrъ* > **z'ъ|r|nrъ* > *z'er'en*, **pъ|ǰ|nrъ* > **pъ|ǰ|nrъ* > *połon*.

Как известно, второе полногласие проводится в современных говорах восточнославянских языков очень непоследовательно. Обычно это объясняют тем, что во многих словах оно было утрачено в результате обобщения основ тех форм, где полногласия не было. Действительно, в подавляющем большинстве случаев основы с полногласными сочетаниями чередовались в формах одного и того же слова с основами, где были неполногласные сочетания. Поскольку большая часть форм имела основу с неполногласными сочетаниями, то естественно, что эта основа легко могла обобщаться и в той единичной форме, где фонетически закономерно образовалось второе полногласие. Так, в форме именительного падежа единственного числа *torog* обобщалась основа косвенных падежей *torg-* (*торга*, *торгу* и пр.), ср. современное *торг*; в форме родительного падежа множественного числа *v'er'est* — основа *v'erst-* (*верста*, *версты* и пр.), ср. современное *вѣрст* и т. д. Следовательно, отсутствие полногласных сочетаний в формах, где они, казалось бы, должны были быть, объясняется обобщением основ.

Однако, как мне кажется, нет никакой необходимости представлять себе так прямолинейно образование и утрату сочетаний второго полногласия — сначала они образуются, потом возникает тенденция к обобщению основ, после чего полногласные сочетания исчезают. Если обобщение основ действительно было причиной, устранявшей второе полногласие, то эта причина с наименьшей силой могла действовать не только тогда, когда

полногласные сочетания уже образовались, но и в самый момент их образования. Обобщение основ не устраняло сочетания второго полногласия, а препятствовало их возникновению. Это приводило к тому, что звуковой закон, согласно которому образовалось второе полногласие, ограничивался в своем действии¹⁶. Результатом такого ограничения было то, что полногласные сочетания образовались не во всех словах, где потенциально могли возникнуть, и в различном количестве по отдельным говорам. Наиболее широко, как известно, второе полногласие в настоящее время представлено в севернорусских говорах¹⁷.

Наконец, вероятность изменения сочетаний типа **tǫrt* в древнерусские **tǫ|r|t* подтверждается еще тем, что такое изменение оказывается параллельным измене-

¹⁶ Другим примером подобного же рода ограничительного воздействия морфологического обобщения (аналогии) на фонетический процесс может служить отвердение мягких губных на конце слова в русском языке. Это изменение, по-видимому, общее для всех говоров русского языка, проявляется в них двойным образом. В одних говорах оно охватывает все случаи, где мягкие губные произносились на конце слова: *гблуп*, *крѣф*, *с'ѣм*, *с'ѣлѣм*, *ч'ѣм*, *о тѣм*, *дѣм*, *ѣм* и т. д., в других — только конечные губные окончаний: *с'ѣлѣм*, *ч'ѣм*, *о том*, *дам*, *ѣм*, не затрагивая их мягкости на конце основ: *гблуп'*, *крѣф'*, *с'ѣм'*.

Ограничение отвердения конечных губных определенными морфологическими категориями как будто бы говорит о нефонетической природе этого явления во второй группе говоров. Однако крайне трудно представить себе, какой именно морфологический процесс мог здесь действовать, в особенности учитывая большую неоднородность форм, на которые распространялось его действие.

Проще всего поэтому все же принять, что в этих говорах происходило чисто фонетическое изменение — утрата мягкости, позиционно обусловленное концом слова. Это изменение беспрепятственно осуществлялось в окончаниях. В основах же, в которых мягкость конечных губных поддерживалась мягкостью губных тех форм, где они были не на конце слова, например: *гблуп'* — *гблуп'а*, *гблуп'у*; *крѣф'* — *крѣв'и*, *ф кров'и*; *с'ѣм'* — *с'ѣм'и*, фонетический процесс столкнулся с противодействием стремления к возможно большему звуковому (фонематическому) единству основы в парадигме слова. Последнее победило, и отвердения конечных мягких губных в основах не произошло.

¹⁷ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 274 и 277—278; Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, стр. 159; см. также: Н. П. Гринькова. О случаях второго полногласия в северо-западных диалектах. «Труды Ин-та русского языка АН СССР», 1950, т. II.

нию сочетаний типа **tort* с гласными полного образования *o*, *e* перед плавными, сочетаний, из которых затем образовались восточнославянские полногласные сочетания типа **torot*. Сочетания типа **tǫrt* и **tort*, еще до того, как они стали изменяться под действием тенденции к открытости слога, переживали в восточнославянских говорах некоторые общие изменения. Таким было, например, изменение в сочетаниях типа **tǫlt* и **telt* гласных *ь* и *e* перед *t* в *ъ* и *o*, ср. **pylnъ* > **pylnъ* и **pelnъ* > **poInъ*, откуда современные русские *полн* и *полн*.

Можно полагать, что общим для обоих сочетаний было также смягчение *r* по прогрессивной ассимиляции (аккомодации) с предшествующими *ь* и *e*, т. е. **tǫrt* > **tǫr't* и **tert* > **ter't*, например: **zbrno* > **zbr'no*, **vbrchъ* > **vbr'chъ* и **perdъ* > **per'dъ* (русс. *перед*); **bergъ* > **ber'gъ* (русс. *берег*) и т. д.¹⁸

Предположением о смягчении *r* после *e*, параллельном такому же смягчению после *ь*, проще всего объясняется, почему из **tert* образовалось полногласное сочетание **ter'et* с гласной *e* после *r*, а из **tort*, **tolt* — сочетание *torot*, *tolot* с гласной *o* после *r*. Это различие было обусловлено мягкостью и твердостью *r* в соответствующих сочетаниях. В **ter't* плавная *r'* была мягкой, и потому после нее развилась гласная *e*: **bergъ* > **ber'gъ* > *b'er'egъ*, а в **tort*, **tolt* плавные были твердыми, что привело к образованию после них гласной *o*: **gordъ* > *gorodъ*, **soldъ* > *solodъ*, **peInъ* > **poInъ* > *poInъ*.

Такая же зависимость качества гласной от мягкости и твердости предшествующей согласной наблюдается

¹⁸ Параллелизм смягчения *r* в сочетаниях типа **tǫrt* и **tert* предполагает и А. А. Шахматов. Однако он ограничивает условия смягчения положением *r* не перед твердыми зубными согласными. Основанием для такого ограничения послужили ему, по-видимому, показания русского, польского и верхнелужицкого языков, в которых следы мягкости *r'* в сочетаниях типа **tǫrt* наглядно обнаруживаются только перед губными, задненёбными и мягкими зубными согласными (см. его «Очерк древнейшего периода истории русского языка», § 80, 83, 235 и 251). Данные истории русского языка и современных говоров показывают, однако, что *r* в сочетаниях типа **tǫrt* в русском языке некогда было мягким и перед твердыми зубными согласными. Обоснование этого положения посвящен следующий очерк (см. ниже, стр. 38).

позднее в древнерусском языке при образовании «второго полногласия». Из **tъr't* с мягким *r'* образовалось **ter'et*, ср. севернорусские: *верѣх*, *вдерень*, *жерѣдья*, *зереньѣ*, *перѣс* (перст), *сѣрен*, *скатереть*, *скатерѣтка* и др.; из **tъrt*, **tъrt* с твердым *r* образовались *torot*, *tolot*, ср. севернорусские: *зборн* (пригорок), *кѣромщик*, *кѣром* и *кѣрбм*, *доложно* и *дбложно*, *молонья* и *мблонья*, *ѹсолонь*, *ѹсолонье* (место, не освещаемое солнцем) и др.

Обычному объяснению, согласно которому в полногласных сочетаниях после плавных развивалась гласная такого же качества, что и находившаяся перед плавными, противоречат случаи вроде *шеломъ*, *желобъ*. Однако они легко объясняются, если принять высказанное предположение, что в полногласных сочетаниях после твердых развивалась гласная *o*, а после мягких — гласная *e*. Так как в словах **šelmъ*, **želbъ* плавные были твердыми, то после них возникла гласная *o*, а не *e*, чего следовало бы ожидать, если бы качество гласной после плавной определялось качеством гласной, стоящей перед плавной.

Вполне естественно, что сочетания типа **tъrt* и **tort*, столь близкие по своему звуковому строению, что уже ранее могли переживать общие изменения, — когда подчинились тенденции к открытости слога, стали изменяться одинаковым образом. В сочетаниях типа **tort* устранение закрытости слога происходило, как можно думать, путем изменения плавных согласных в слоговые звуки, т. е. **tort* > **tort* (*torrt*), например: **gor|dъ* > *go|r|dъ*, *ber|gъ* > **b'e|r|gъ*, **pol|nъ* > **po|f|nъ*, **šel|mъ* > **šel|f|mъ* и др. Дальнейшее изменение сочетаний с слоговыми плавными в полногласные сочетания уже не связано с действием тенденции к открытости слога, так как слоги в этих сочетаниях были уже и без того открытыми. Если полагать, что в этих сочетаниях типа **tъrt* образование открытых слогов произошло тем же путем, то из них должны были получиться сочетания типа **tъr|t*. Таким образом, совершенно естественное предположение о том, что структурно сходные сочетания под действием одних и тех же фонетических условий должны были единообразно измениться, приводит к заключению об изменении сочетаний типа **tъrt* в сочетания типа **tъr|t*, в сочетания, которые были мною предположены для древнерусского языка XI в. на совершенно иных основаниях.

К чисто языковым доказательствам слогового свойства плавных в древнерусских сочетаниях типа **tъrt* можно присоединить еще одно — орфографического порядка. Оно принадлежит В. С. Голышенко, которая обнаружила в «Слове св. Ипполита об антихристе» (из собрания Чудова монастыря) чрезвычайно интересные особенности в передаче **tъrt* при переносе и предложила для них, как мне кажется, простое и убедительное истолкование¹⁹.

Рукопись «Слова св. Ипполита об антихристе» В. С. Голышенко на основании анализа «со стороны палеографии и языка (фонетики)» считает написанной одним писцом «в северо-восточной, скорее всего в Ростово-Суздальской Руси во второй половине XII века». Она характеризуется «последовательным согласно этимологии» употреблением букв *ъ* и *ь*, «свидетельствующим о существовании в языке ее писца редуцированных гласных *ъ* и *ь*»²⁰. При этом сочетаниям типа **tъrt* в «Слове св. Ипполита» как правило соответствуют «написания с исконным порядком» элементов, т. е. с глухими перед плавными.

Всего в рукописи 229 слов с сочетаниями типа **tъrt*. Большая их часть, а именно 166, употреблена «в строке». К ним, как мне кажется, следует присоединить те не уместившиеся на строке слова, у которых место разрыва при переносе приходится между глухой и плавной сочетаний *ър*, *ьр*, *ъл*, например: *къ|рмиль* 58б, *оскъ|рби* 115в, *въвъ|ржени* 90г, 104а, *нънъ|льнающи* 84г и др. Хотя в этом случае слова с **tъrt* пишутся и не в «строке», однако они объединяются с пишущимися «в строке» в том, что их передача в переносе не вступает в противоречие с орфографической традицией оканчивать строку буквой для гласной. Подобных написаний в рукописи 33.

Таким образом, «Слово св. Ипполита» имеет 194 (161 + 33) слова с сочетаниями типа **tъrt*, написание которых было свободно от воздействия положения «на конце строки, при переносе». Из них в 191 случае глухая пи-

¹⁹ В. С. Голышенко. К вопросу о качестве плавного в корнях, восходящих к **tort*, **tъrt*, **tъl* в древнерусском языке XII—XIII вв. (На материале рукописи Чудовского собрания № 12). — В сб.: «Историческая грамматика и лексикология русского языка». М., 1962, стр. 20—28.

²⁰ В. С. Голышенко. Из истории русского языка XII века (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Чудовского собрания № 18 ГИМ). (Автореф. канд. дисс.). М., 1963, стр. 23 и 21.

пется впереди плавной, в одном (*исплънь* 34б) — после нее и в двух (*пърьси* 77б и *напъльндаючи* 84) — по обе стороны плавной.

Совсем иное соотношение орфографических вариантов у остальных 35 примеров. Все они пишутся на конце строки с переносом на соседнюю строку части, следующей за плавной. Следовательно, это тот случай написания слов с **tъrt*, когда их орфография приходит в столкновение с «традиционным орфографическим правилом кончать строку гласной буквой»²¹.

Писец «Слова св. Ипполита об антихристе» «стремится последовательно соблюсти» это «правило конца строки». Поэтому, когда для переноса ему приходилось делить слово между согласными, то он прибегал к «приему постановки в конце строки... этимологически не оправданных букв ъ и ь: *анъ|тихристъ* 10б, *анъ|тихристово* 20г, *при анъ|тиосѣ* 121г» (стр. 25).

Естественно, что этот же самый прием писец использовал и при написании сочетаний *ѣр*, *ѣр*, *ѣл* на конце строки. Так возникло здесь два типа передачи: один — с глухим ъ и ь по обе стороны плавных *л* и *р* — *ѣр|*, *ѣр|*, *ѣл|*, например: *ѣвъръ|жени* 98г, *дъръ|жить* 58г, (всего 10 случаев) и другой — с глухой после плавной, т. е. по типу болгарских написаний *ръ*, *рь*, *лъ*, например: *исплъ|нь* 13б, *црь|къвь* 60а (4 случая). «Буквы ъ и ь после *р* и *л* в этих написаниях не обозначают гласного звука» (стр. 27). Это условные, искусственные написания, для которых «истинной причиной появления в данной рукописи, очевидно, является место их употребления, а именно — конец строки, при переносе» (стр. 24).

Обусловленность их именно положением на конце строки убедительно показывает количественное соотношение соответствующих написаний. Действительно, сочетания *ѣр*, *ѣр*, *ѣл* на конце строки пишутся 35 раз, а не на конце строки — 194 раза. Между тем ъ и ь после плавной встретились не на конце строки всего 3 раза, т. е. в 1,5% случаев от общего числа 194 написания в этом положении, тогда как на конце строки — целых 14 раз, т. е. в 40% случаев из 35 возможных. Описанное соотношение показывает табличка:

	Число ѣр, ѣр, ѣл	Число ъ и ь после р и л	% ъ и ь после р и л
Не на конце строки	194	3	1,5
На конце строки	35	14	40

Огромный скачок от 1,5 до 40% в частоте употребления после *ѣр*, *ѣр*, *ѣл* на конце строки букв ъ и ь проще всего, без сомнения, объясняется тем, что «появление написаний *ръ*, *рь*, *лъ*, *ръ*, *ръ*, *лъ* в данной рукописи вызвано тенденцией кончать строку гласной буквой» (стр. 25). Это тем более вероятно, что на графический характер сочетаний *ѣр|*, *ѣр|*, *ѣл|* на конце строки помимо всего прочего указывают искусственные написания *ѣръ|* (вместо *ѣръ*), которым в устной речи не могло быть реального звукового соответствия.

Самое любопытное, однако, в рукописи «Слова св. Ипполита об антихристе» это то, что хотя ее писец и подчинил сочетания *ѣр*, *ѣр*, *ѣл* «правилу конца строки», сделал он это все же очень непоследовательно. А именно, в 60% случаев из 35 возможных, т. е. 21 раз, писец написал их с согласной на конце строки — *ѣр|*, *ѣр|*, *ѣл|*, например: *сѣл|ньца* 17б, *оскър|бити* 49б, *пър|сты* 78в и др.

Такое большое число отклонений от орфографической нормы тем более удивительно, что «написания *ѣр|*, *ѣр|*, *ѣл|* являются почти единственными примерами нарушения традиционного правила конца строки». Если бы не эти написания, то можно было бы говорить «о последовательном, строго выдержанном соблюдении» в «Слове св. Ипполита» этого правила, так как кроме них в рукописи «всего лишь три случая», когда на конце строки пишется согласная²².

Чем же можно объяснить, что запрет оканчивать строку согласной постоянно нарушают именно сочетания *ѣр*, *ѣр*, *ѣл*? Разгадку, очевидно, следует искать прежде всего в их фонетической структуре.

²¹ В. С. Голышенко. К вопросу о качестве плавного в корнях, восходящих к **tъrt*, **tъrt*, **tъlt*, в древнерусском языке XII—XIII вв., стр. 25.

²² В. С. Голышенко. К вопросу о качестве плавного в корнях, восходящих к **tъrt*, **tъrt*, **tъlt*, в древнерусском языке XII—XIII вв., стр. 25.

В основе орфографического правила, допускающего при переносе на конце строки только гласную, лежала естественная тенденция переносить по слогам. При таком переносе само собой получалось, что строка оканчивалась гласной, поскольку слоги в древнерусском языке были открытыми. Как показывает «Слово св. Ипполита», сочетания *ѣр, ѣр, ѣл* в этом отношении представляли исключение. Они допускались на конце строки, несмотря на то, что из-за этого строка замыкалась согласной, а не гласной. Однако противоречие с «правилом конца строки» в данном случае было только видимым. «Употребление букв *р, л* наряду с гласными и на месте гласных в конце строки, — по словам В. С. Голышенко, — позволило предположить, что *р, л* в этом случае обозначают такие плавные *р, л*, которые в произношении писца данной рукописи еще не были согласными (в современном понимании). Эти плавные обладали свойством, приближавшим их к гласным звукам, но которое ими впоследствии было утеряно, а именно: они являлись слоговыми *р, л*. Только обозначая слоговые плавные *р, л*, буквы *р, л* могли в данной рукописи стоять в конце строки наряду с гласными и на месте последних»²³.

После несколько затянувшегося отступления вернуться к прерванной теме. Как уже говорилось, древнерусские памятники XI в. показывают исключительно последовательное, согласно этимологии, написание букв *ѣ* и *ь* в соответствии с редуцированными фонемами *ѣ* и *ь*. Это, как совершенно правильно указал А. А. Шахматов, доказывает, что в древнерусском языке XI в. редуцированные фонемы были еще живым явлением фонетической системы. Такая последовательность в написании *ѣ* и *ь* никак не может быть объяснена точным следованием за болгарским оригиналом. И не только потому, что болгарские памятники старославянского языка XI в. и даже более раннего времени не обнаруживают такой последовательности. Ее не оказалось в памятниках, которые сохранились, но она могла быть в памятниках, до нас не дошедших, и именно с этих последних могли быть списаны русские памятники XI в. Последовательность в написании редуцированных гласных русскими писцами XI в. не может быть обязана болгарским оригиналам прежде всего потому,

²³ В. С. Голышенко. К вопросу о качестве плавного в корнях, восходящих к **tǣrt, *tǣrt, *tǣlt*, в древнерусском языке XII—XIII вв., стр. 26.

что эта последовательность отражает употребление редуцированных, которое свойственно именно древнерусской фонетической системе, а не болгарской.

В употреблении редуцированных между болгарскими и восточнославянскими, древнерусскими говорами существовало определенное различие, сказавшееся в ряде явлений. Эти говоры различались, во-первых, тем, что болгарскому окончанию творительного падежа единственного числа *-омь, -емь* соответствовало в тех же именах древнерусское окончание *-ѣмь, -ѣмь*, во-вторых, тем, что в болгарских говорах формы 3-го лица единственного числа глаголов оканчивались на *-тъ*, а в древнерусских — на *-тъ*, и, наконец, тем, что болгарским сочетаниям типа *рѣ (*trǣt)* в древнерусском языке соответствовали сочетания типа *ѣр (*tǣ | r | t)*. И вот во всех этих случаях, в которых древнерусский язык расходился в отношении употребления редуцированных с болгарским, русские писцы XI в. с большим или меньшим постоянством следовали за своим собственным употреблением редуцированных и писали *рабѣмь, конѣмь, идѣтъ, идоуть, тѣргѣ, зѣрно, пѣмь* и т. д., заменяя болгарские *рабомь, конемь, идетъ, идѣтъ, трѣжище, зѣрно, плѣнь* и т. д. Эта замена болгарских написаний русскими — наиболее убедительное свидетельство существования редуцированных гласных в древнерусской фонетической системе XI в.

Доказательная сила замены отдельных элементов, которыми различались болгарские и древнерусские говоры, не одинакова. В частности, замена на письме болгарского окончания 3-го лица глаголов *-тъ* русским *-тъ* сама по себе еще не говорит о сохранении редуцированных в языке, так как могла осуществиться и после «падения глухих» из-за стремления обозначить мягкость конечного *t'*. Однако, поскольку замена *-тъ* на *-тъ* происходит одновременно с заменой *-омь, -емь* на *-ѣмь, -ѣмь* и *рѣ* на *ѣр*, которая могла произойти только, так сказать, при жизни редуцированных, то и она должна быть объяснена той же причиной. Становясь же в ряд других, мена *-тъ* на *-тъ* приобретает значение дополнительного доказательства существования редуцированных фонем в XI в.

В истории русской письменности XI в. — это время, когда в правописании древнерусских памятников вырабатываются собственные орфографические нормы, отличные от норм южнославянских. Тогда же складывается

и древнерусский извод (редакция) старославянского языка, в котором, как указывает Н. Н. Дурново, «проявляется тенденция к последовательному проведению некоторых особенностей правописания, связанных с особенностями самого языка и несвойственных правописанию южнославянских текстов, а именно: 1) написания ѣ и ѥ перед плавными или по обе стороны плавных: эта черта последовательно проведена уже в первом почерке Остромирова евангелия; 2) написание ж вместо жд из *dj*; правда, ни в одном из памятников, сохраняющих ж, эта особенность еще не проведена последовательно; тем не менее подобные написания настолько многочисленны, что не похожи на простые ошибки писцов, а свидетельствуют о зарождении новой орфографии; 3) *instr sg. m.* на -ѣмь, -ѣмь, как и в текстах чешско-моравской редакции; 4) 3-е лицо глаголов на -тъ; 5) а или ѧ в суффиксе прилагательных -ан вместо южнославянского -ѣн»²⁴.

Чрезвычайно показательно, что из пяти черт, о которых Н. Н. Дурново говорит как о признаках древнерусского извода старославянского языка, т. е. из черт, которыми древнерусский извод отличается от южнославянского, или, точнее, болгарского, три (п. 1, 3, 4) связаны с написаниями, отражающими русское употребление редуцированных гласных. Это, конечно, не случайно.

Действительно, если замена болгарских написаний, противоречащих фонетическим нормам древнерусского языка, была вполне естественна и именно по этому пути в первую очередь шел процесс создания местных изводов старославянского языка, то на первый взгляд оказывается не совсем понятным, почему же в древнерусском изводе были заменены три типа болгарских написаний, каждое из которых в отдельности никак не противоречило произносительным нормам древнерусского языка и потому, казалось бы, имело все шансы удержаться на письме, становясь, подобно неполногласным сочетаниям вроде *градъ*, *брѣгъ*, *млѣно*, характерными элементами письменного, книжного языка. Древнерусскому языку никак не были чужды ни конечные сочетания -омь, -емь (ср. хотя бы окончания местного падежа местоимений: *ѣмь*, *томь*), ни конечные -тъ (ср. местоимение *тѣтъ*, окончание супина

на -тъ), ни сочетания типа *рѣ*, *рѣ*, *лѣ*, *лѣ* с редуцированными после плавных. Болгарские слова, такие, как *трѣжище*, *плѣнѣ*, русские писцы могли произносить подобно своим словам с редуцированными после плавных вроде *крѣвь*, *блѣха*, *слѣза*, осмысляя различие между болгарским *плѣнѣ* и своим *плѣнѣ* таким же образом, как различие между болгарским *градъ* и своим *городъ*.

И однако так не случалось. Не случалось потому, что болгарские написания -омь, -емь, -тъ, рѣ, лѣ, хотя и не противоречили произносительным навыкам русских XI в., представляли для них такие же непонятные отклонения от «правильного» употребления букв ѣ и ѥ, какие они встречали в большом числе и в других случаях, так как в болгарском письме этого времени на употреблении букв ѣ и ѥ отразился целый ряд звуковых изменений, разрушивших более старую систему употребления редуцированных фонем. Напротив, в древнерусском языке еще сохранилось старое употребление редуцированных. Поэтому для сознания русских писцов болгарские написания представлялись беспорядочными, непонятными, написаниями, в которых было трудно разобраться, выделить отдельные категории, подвести их под какие-нибудь правила. Им не оставалось ничего другого, как руководствоваться в написании букв ѣ и ѥ своим собственным употреблением редуцированных. И вполне естественно, что они так поступали и тогда, когда им приходилось писать окончания творительного падежа единственного числа имен, окончания 3-го лица глаголов и, наконец, сочетания на месте сочетаний типа **tѣrt*.

Таким образом, русский извод старославянского языка создавался не только путем устранения болгарских написаний, противоречащих древнерусской звуковой системе, но также путем установления своих собственных норм в том случае, когда болгарские написания, хотя бы и не противоречившие этой системе, не могли быть осмыслены русскими писцами, так как резко расходились с употреблением соответствующих звучаний в собственном языке.

Поэтому в перечне тех особенностей древнерусского извода старославянского языка, которые приводит Н. Н. Дурново, три пункта (1, 3, 4), касающиеся написаний, связанных с употреблением редуцированных, могут быть объединены в один, который может быть выражен в общей

²⁴ Н. Дурново. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов, стр. 18—19.

форме, обнимающей все случаи написания *ъ* и *ь*. А именно, древнерусский извод старославянского языка, в отличие от болгарского извода, при последовательном согласно этимологии обозначении редуцированных гласных отражает звуковые явления, свойственные восточнославянским говорам.

Хотелось бы еще обратить внимание на одну характерную черту, связанную с написаниями, которые передавали окончания творительного падежа единственного числа у имен с *о*- и *и*-основами, окончания 3-го лица глаголов, а также сочетания, соответствующие исконным сочетаниям типа **tǫrt*. Я имею в виду тот факт, что эти написания не одновременно утверждались по их русскому произношению в качестве нормы. В этом отношении различалась судьба, с одной стороны, написаний *-ѣмь*, *-ѣмь* и *-тъ* и, с другой, — написания сочетаний типа **tǫrt*. Первые два, т. е. написания окончаний творительного падежа единственного числа *-ѣмь*, *-ѣмь* и окончаний 3-го лица глаголов на *-тъ*, очень рано становятся нормой древнерусской редакции старославянского языка. Окончания 3-го лица на *-тъ*, как говорилось, последовательно проводятся уже в Остромировом евангелии (болгарское написание на *-тъ* встречается всего пять раз). Почти то же самое можно сказать и о написании окончаний *-ѣмь*, *-ѣмь*, которое, по подсчетам Н. Н. Дурново, встречается в Остромировом евангелии в 96% всех случаев употребления формы творительного падежа единственного числа у имен с основой на *-о* и *-и*.

Совсем иначе обстоит дело с написаниями *ѣр*, *ѣр*, *ѣл* между согласными в сочетаниях типа **tǫrt*. Они редко в каком памятнике проводятся с полной последовательностью. В одних памятниках больше, в других меньше, но в любом из них, наряду с древнерусскими написаниями, имеются болгарские. В том же Остромировом евангелии, в котором написания *-тъ*, *-ѣмь*, *-ѣмь* уже стали нормой, русские написания *ѣр*, *ѣр*, *ѣл*, *ѣл*, соответствующие болгарским *ръ*, *ръ*, *лъ*, *лъ*, последовательно проведены только у первого писца, которому принадлежат первые 23 листа текста (лл. 1—24). Здесь из 42 случаев написания сочетаний типа **tǫrt* 41 соответствует русскому звучанию: *сърдьце*, *тържъникомъ*, *испълнь* и др. и одно при переносе на другую строку имеет *ѣлъ: сълньцю* 18а. В отличие от первого писца, у второго (диакона Григория),

который писал остальную часть евангелия (лл. 25—294), «старославянские написания в большей части случаев сохранены без изменения, как *ръ*, *ръ*, *лъ*, например, *сърдьце*, *мрътъ* и *мрътъ*... , *тържъникомъ*, *скъръбъ*, *сѣвлъкъше*, *испълнь*, *слньце* и др. . . . В другой, меньшей части случаев... русский писец, основываясь на своем произношении, изменял эти написания, но обыкновенно не так, как изменили они в О. Е¹. (т. е. у первого писца. — В. С.), а именно, он писал или *ѣр*, *ѣр*... , *ѣр*, *ѣл*, например, *ѣръцоу*, *ѣръно*, *мрътъвѣихъ*, *скъръбъ*, *напѣлньена*, *тѣлъцѣте*... , или еще чаще *ѣр*, *ѣр*, *ѣл*, например, *сѣмръти*, *скъръбъ*, *напѣлньенъ*... ; только изредка пишется в О. Е². (т. е. у второго писца. — В. С.) так же и *ѣр*, например, *сърдьцьмъ* 212б, *ѣѣръгоуть* (242а)»²⁵.

Если воспользоваться материалом, который приводит М. Козловский в своей работе об Остромировом евангелии²⁶, и перевести эту общую характеристику употребления различных написаний сочетания типа **tǫrt* вторым писцом Остромирова евангелия на язык цифр, то получится следующее. Всего у второго писца 454 случая написаний, передающих сочетания типа **tǫrt*. Из этого числа написаний с *ѣ* и *ь* перед *р* и *л* — 10% (6 слов), с *ѣ* и *ь* перед *р* и *л*, над которыми стоят надстрочные знаки — 26% (119 слов), с *ѣ* и *ь* по обе стороны *р* и *л* — 11% (49 слов) и болгарских написаний с *ѣ* и *ь* после *р* и *л* — 62% (280 слов).

Писцы других памятников XI в., так же как и писцы Остромирова евангелия, обнаруживают различное отношение к написанию таких сочетаний. В Святославе изборнике 1073 г., по наблюдению А. Розенфельда²⁷, «предпочтение» отдается болгарским сочетаниям, в которых глухая следует за плавной. Написание группы с глухой впереди *р* и *л* встречается реже. К сожалению, А. Розенфельд не указывает, как количественно выражается «предпочтение» болгарских написаний. Кроме русских написаний с глухим впереди плавного, «Святослав изборник дает довольно большое количество примеров» на написания *ѣлъ*, *ѣлъ*, *ѣр*, *ѣр* (51 пример)²⁸.

²⁵ Ф. Ф. Фортунатов. Указ. соч., стр. 1419—1420.

²⁶ М. Козловский. Указ. соч., стр. 107—111.

²⁷ А. Розенфельд. Язык Святослава изборника 1073. — РФВ, 1899, т. XLII, №1, стр. 173.

²⁸ Там же, стр. 172—183.

В Ноябрьской минее 1097 г., если принять вслед за С. П. Обнорским²⁹, исследовавшим этот памятник, что его списывали два писца, из которых один писал «приблизительно» первые 108 (или 112) листов, а другой — остальные 66, можно заметить значительное различие в отношении этих двух писцов к передаче на письме сочетаний типа **tъrt*. У первого писца на 471 случай передачи этого сочетания написаний с *ъ, ь* перед *р, л* — 44⁰/₀, с *ъ, ь* перед *р, л*, над которыми стоят надстрочные знаки, — 1⁰/₀, с *ъ, ь* по обе стороны *р, л* — 12 % и с *ъ, ь* после *р, л* — 43⁰/₀. У второго соответственно на 373 случая сочетаний типа **tъrt* написаний с *ъ, ь* перед *р, л* — 10⁰/₀ с *ъ, ь* перед *р, л* с надстрочными знаками — 76⁰/₀; с *ъ, ь* по обе стороны *р, л* — 2⁰/₀ и, наконец, с *ъ, ь* после *р, л* — 12⁰/₀. Следовательно, если у первого писца болгарских написаний с *ъ и ь* после плавных — 43⁰/₀, то у второго — только 12⁰/₀, причем параллельно написаний с *ъ и ь* по обе стороны плавных у первого — 12⁰/₀, у второго — 2⁰/₀.

Иначе распределяются написания, передающие сочетания типа **tъrt*, в Октябрьской минее 1096 г. По наблюдениям В. Л. Комаровича, «праславянские группы **tъrt* — **tъrt*, **tъlt* — **tъlt* встречаются в памятнике в различных отражениях всего 520 раз. Но чаще всего они передаются... написаниями...: „глухой + плавный + глухой“ (*ъръ, ьръ, ълъ*). На долю таких написаний из общего числа случаев (520) приходится 280 случаев (*ъръ, ьръ* — 217 раз, *ълъ* — 63 раза). Однако «написания „глухой + плавный“ (*ър, ьр, ъл*) встречаются почти так же часто, как и написания с двумя глухими (*ър, ьр* — 209 раз, *ъл* — 13 раз)»³⁰. Таким образом, на долю собственно болгарских написаний приходится всего лишь 18 случаев передачи сочетаний типа **tъrt*, в число которых В. Л. Комарович включает 5 случаев пропуска глухого: *почрпе* 41¹¹, *сѣмрът* 42²², *проначртанаго* 60², *сѣмрътноу* 65¹², *сѣмрътї* 61¹⁶. Если приводимые В. Л. Комаровичем цифровые данные выразить в процентах, то получится, что в Октябрьской минее написаний с *ъ, ь* перед плавным — 43⁰/₀, с *ъ, ь* по обе

²⁹ С. П. Обнорский. Исследование о языке Минее за ноябрь 1097 года. «Известия Отделения языка и словесности АН СССР», 1924, т. XXIX, стр. 198—208.

³⁰ В. Л. Комарович. Язык служебной Октябрьской минее 1096 года. «Известия Отделения языка и словесности АН СССР», 1925, т. XXX, стр. 28—29.

стороны плавного — 54⁰/₀ и болгарских написаний с *ъ, ь* после плавных — всего лишь 3⁰/₀.

По характеру передачи сочетаний типа **tъrt* с частью Ноябрьской минее 1097 г., писанной вторым писцом, сближается Чудовская псалтырь XI в., в которой эти сочетания передаются «в огромном большинстве слычаев в виде *търт, тьрт* и под., причем «во всех написаниях *търт* и *тьрт* и под. плавный снабжен надстрочным знаком (единичные случаи без надстрочного знака — *ньрътъ* 36а (*тъ* лигатура), *тълна* 72в, *одържатъ* 106в)»³¹. Напомню, что и у второго писца Ноябрьской минее преобладающими написаниями являются написания с *ъ и ь* перед плавными, снабженными надстрочными знаками, — 76⁰/₀ от всех случаев употребления сочетаний типа **tъrt* при 10⁰/₀ таких же написаний, но без надстрочного знака.

Можно думать, что по характеру передачи сочетаний типа **tъrt* писец второй части Ноябрьской минее и писец Чудовской псалтыри принадлежали к одной орфографической школе. В этой школе надстрочные знаки ставились над плавными для указания на их слоговость, чем они отличались от плавных в других положениях. При фонетическом характере древнерусского письма это было вполне возможно.

Как в свое время указал И. В. Ягич³², надстрочные знаки в древнерусской письменности ставятся над плавными обычно при русских написаниях *ър, ьр, ъл, ьл*, но не болгарских *ръ, ьр, ъл, ьл*. Возможно, что это различие между русскими и болгарскими написаниями в употреблении надстрочных знаков над плавными объясняется тем, что болгарские написания читались русскими так же, как написания, соответствовавшие исконным сочетаниям типа **trъt* (*кръвъ, слъза*), в которых, конечно, не было слоговых плавных. Передавая же на письме свои сочетания типа **tъrlt*, русские писцы, поскольку в этих сочетаниях были слоговые плавные, обозначали их слоговость надстрочным знаком. Древнерусские написания *ър, ьр, ъл, ьл* с надстрочными знаками над плавными, как на это указывал И. В. Ягич, безусловно,

³¹ С. П. Обнорский. К истории глухих в Чудовской псалтыри XI века. — РФВ, 1912, т. LXVIII, № 4, стр. 359 и 368.

³² V. Jagić. Über einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus. «Archiv für slavische Philologie», 1876, Bd I, H. 3, стр. 337—412.

не могли быть средством передачи полногласных сочетаний (второго полногласия), так как иначе бы эти сочетания передавались на письме и болгарскими написаниями *ръ, рь, лъ, ль* с надстрочными знаками над плавными.

В Чудовской псалтыри всего 601 случай передачи сочетаний типа **tъrt*. Если исключить три примера *тъ|поу* 79г, *поскръ|бить* 90б, *мь|лвы* 104г, как не показательные, поскольку они написаны при переносе, и один — *портъ* 106б, как явно ошибочный, то на оставшиеся 597 случаев передачи сочетаний типа **tъrt* болгарских написаний с *ъ* и *ь* после плавных оказывается 16%. Написаний с глухими по обе стороны плавного — всего 4: *зълъчъ* 90в, 91г, *търъна* 154в, *оутвъридиѣ* 97а (с опечаткой), т. е. менее 1%. Таким образом, русских написаний с *ъ* и *ь* перед плавными в Чудовской псалтыри — 84%.

От указанных памятников резко отличается Архангельское евангелие 1092 г., которое по написанию сочетаний типа **tъrt* сближается с первой частью Остромирова евангелия. В нем за исключением двух болгарских написаний *накръмихомъ* 74 об. и *цръкъвъ* 118 и пяти с *ъ* и *ь* по обе стороны плавных, из которых три при переносе: *цръкъвъ* 102, 168 об., *църръ|зоутъса* 61 об., *вълъси* 144 об., 147, все прочие сочетания типа **tъrt* передаются через написания с *ъ* и *ь* перед плавными, т. е. русских написаний в Архангельском евангелии можно считать 100%³³.

Приведенные сведения можно пополнить из работы Л. Н. Карягиной, рассматривающей употребление редуцированных в Июльской служебной минее конца XI—начала XII века³⁴. По ее наблюдениям, рукопись Июльской минеи — «результат труда двух писцов» (стр. 6). Отношение обоих к написанию сочетаний типа **tъrt* прямо противоположно друг другу. «Первый писец предпочитает чисто русское обозначение (согласно этимологии и древнерусскому произношению): *гърдо*, *дълго*, *жъртва*; второй писец — старославянское: с буквой редуцированного после *р*, *л*» (стр. 53).

Всего Июльская минее содержит 279 случаев написания сочетаний типа **tъrt*. Из них на долю второго писца

приходится только 16, и все они следуют болгарскому образцу, например: *скръби* 51, *исплънь* 50, *чрътогъ* 52 и др. Основная масса написаний сочетания падает на первого писца. У него их 263, из которых написаний с глухими перед плавными — 235, или 89%, и написаний с глухими после плавных — 28, или 11% (стр. 52—53). Обращает на себя внимание полное отсутствие и Июльской минее написаний с глухими по обе стороны плавных. Этим она сходствует с Ноябрьской минеей (в особенности с частью, принадлежащей второму писцу) и Чудовской псалтырью.

Соотношение в употреблении различных написаний сочетаний типа **tъrt* в рассмотренных памятниках XI в. (кроме Святослава изборника 1073 г., для которого нет данных в работе А. Розенфельда) представлено в следующей таблице:

Памятники	Написания (в %)				Число написаний
	ър	ърь	ъръ	ръ	
Остромирово евангелие 1056 г.					
1-й писец	100	—	—	—	42
2-й писец	1	26	11	62	454
Октябрьская минее 1096 г.	43	—	54	3	520
Ноябрьская минее 1097 г.					
1-й писец	44	1	12	43	471
2-й писец	10	76	2	12	373
Чудовский псалтырь XI в.	—	84	—	16	601
Архангельское евангелие 1092 г.	100	—	—	—	—
Июльская минее к. XI—нач. XII в.					
1-й писец	89	—	—	11	263
2-й писец	—	—	—	100	16

Приведенные данные, как мне кажется, достаточно наглядно показывают, что в XI в. русские написания с *ъ* и *ь* перед плавными еще не установились в качестве постоянной, последовательно проводимой нормы. Наряду с ними в том или ином количестве встречаются и болгарские написания с *ъ*, *ь* после плавных. На почве такого существования двойных написаний, русских и болгарских, возникают контаминированные написания с *ъ*

³³ М. А. Соколова. Указ. соч., стр. 111.

³⁴ Л. Н. Карягина. Редуцированные гласные в языке Июльской служебной минее конца XI—начала XII в. «Мат-лы и исслед. по истории русского языка». М., 1960, стр. 5—58.

и ъ по обе стороны плавных, написания, в которых «надо признавать, конечно, комбинацию русского произношения со старославянским письмом, как это указывали уже Ягич («Archiv f. slav. Phil.», I, 365) и другие»³⁵.

Постоянство передачи окончаний творительного падежа единственного числа у имен с о- и и-основами и окончаний 3-го лица глаголов именно в их древнерусских написаниях, наряду с отсутствием последовательности в проведении таких же написаний при передаче сочетаний типа **tъrt*, конечно, объясняется тем, что эти написания передавали неоднородные в языковом отношении явления. Первые передавали формальные грамматические элементы слова, тогда как вторые — элементы основы, причем в большинстве случаев корневые морфемы (точнее, их части). Следовательно, написание сочетаний типа **tъrt* связано с лексикой, и естественно, что в области лексики влияние болгарских элементов на древнерусский извод старославянского языка должно быть значительнее, чем на грамматические части слова.

Нельзя к тому же не учитывать, что среди слов с сочетаниями типа **tъrt* в основе были такие, которые если не по корню, то по своему образованию или значению были для древнерусских писцов словами книжного языка, чуждыми их речи. Такие слова с неизбежностью должны были требовать к себе особого внимания у лица, списывавшего текст, и, естественно, они передавались на письме с болгарскими написаниями *рѣ*, *рѣ*, *лѣ*, *лѣ*, согласно оригиналу.

Ярким примером такого отношения к книжному слову служит написание основы *исплѣн-* в Июльской минее конца XI—начала XII в. Ее первый писец пишет эту основу по болгарскому образцу с ѣ после л 14 раз; *исплѣни* 20п, 41п, 42п, *исплѣн(и)* 35, *исплѣнена* 20п, 42, *исплѣнение* 35п, 41, *исплѣнения* 48, *исплѣнитель* 41, *исплѣнь* 8, 18п, 41, *исплѣндема* 32п и только 3 раза в русском облики с ѣ перед л: *исплѣнена* 3, *исплѣни* 14, *исплѣнь* 8п³⁶. Следовательно, книжная основа *исплѣн-* пишется в пять раз чаще с лѣ, чем с ѣл. Убедительность иллюстрации станет еще большей, если вспомнить, что

первый писец Июльской минее вообще передает сочетания типа **tъrt* по-болгарски с ѣ, ѣ после л, р всего только 28 раз, тогда как по-русски с ѣ, ѣ перед л, р — 235, т. е. у него болгарские написания встречаются реже русских более чем в восемь раз.

Болгарские написания выделялись в качестве книжных элементов письменного языка, которые в том или ином количестве употреблялись на письме. Они не стали нормой письменного языка, подобно неполногласным сочетаниям, так как этому препятствовала общая тенденция древнерусской письменности в написании ѣ и ѣ следовать за своим употреблением редуцированных гласных. Поэтому болгарские написания *рѣ*, *рѣ*, *лѣ*, *лѣ* проводились в древнерусских памятниках очень неравномерно, что зависело от школы письма или даже от личной манеры списывателя.

³⁵ Ф. Ф. Фортунатов. Указ. соч., стр. 1421.

³⁶ Л. Н. Карягина. Указ. соч., стр. 53 и 52.

Из истории сочетаний типа **tbrt* в русском языке

(Возникновение мягкости *r'* перед заднеязычными и твердыми губными согласными)

Произношение мягкого *r'* перед заднеязычными и твердыми губными согласными в старых сочетаниях типа **tbrt*, т. е. в таких словах, как *верх*, *зеркало*, *церковь*, *четверг*, *верба*, *первый*, *стерва*, *серп*, *черпать* и др., в настоящее время сохраняется многими русскими говорами и почти полностью утрачено современным литературным языком. Говоря о почти полной, а не просто полной утрате этой фонетической черты в современном литературном языке, я имею в виду то, что в двух-трех словах мягкое *r'* нередко еще произносится на сцене¹, а также москвичами старшего поколения². По моим наблюдениям, у «исконных» москвичей среднего возраста (сорока—пятидесяти лет) довольно широко распространено произношение мягкого *r'* в слове *церковь* (*цэр'кѣф'*), а у некоторых лиц этого поколения оно встречается кроме того в слове *четверг* (*ч'ит'в'эр'к*).

Однако все это, конечно, лишь ничтожные остатки произносительной категории, которая еще относительно недавно была представлена в литературном языке значительно более широким кругом лексики и вместе с тем была гораздо более распространена в среде носителей литературного языка. Показательно, что в работах, посвященных описанию норм современного литературного произношения, языковеды или без каких-либо оговорок категорически утверждают, что в сочетаниях *ер* между

¹ С. И. Бернштейн. Назревший вопрос (Русское литературное произношение). «Русский язык в школе», 1936, № 5, стр. 117.

² См. вводную статью Вл. Филиппова «К вопросу нарушений произносительных норм в сценической речи» в кн.: Г. Винокур. Русское сценическое произношение. М., ВТО, 1948, стр. 7 и след.

согласными перед *в*, *б*, *к*, *г*, *х* «в настоящее время» следует признать норму с твердым *r*: *первый*, *верба*, *зеркало*, *церковь*, *четверг*, *верх* и т. д.³, или же считают возможным вовсе не упоминать об этой звуковой черте⁴.

Процесс разрушения рассматриваемого явления коснулся не только литературного языка, но захватил также многие современные русские говоры. И можно думать, что как в литературном языке, так и в говорах он протекал примерно одним путем: и там и тут постепенно сокращалось число слов (или основ), в которых произносилось мягкое *r'* из сочетания **tbrt* перед заднеязычными и твердыми губными. К сожалению, мы не располагаем материалами, которые позволили бы нарисовать конкретную картину постепенной утраты мягкости *r'* в соответствующих словах. Трудно поэтому говорить и о причинах, вызвавших эту утрату.

По-видимому, это не было следствием действия фонетического закона, вроде ассимиляции по твердости следующей согласной, так как в словах, где мягкость *r'* была много происхождения, она сохранялась и в литературном языке и в говорах, ср. *збр'кѣ*, *бар'ба*. С другой стороны, в определенных случаях отвердение *r'* совершенно явно вызывалось нефонетическими причинами. Например, во многих говорах, сохраняющих без изменения мягкое *r'*, в глаголе несовершенного вида *дергать* обобщилось сочетание 'ор с твердой согласной, представленное у парного глагола совершенного вида *дёрнуть*: *д'брегѣт'* — *д'орнут'*.

Для литературного языка, как мне кажется, нельзя не считаться с книжным влиянием на устную речь, воздействием орфографии на орфоэпию. Книжное влияние

³ А. А. Реформатский. Методические указания и руководство по современному русскому языку для студентов-заочников. М., Литературный ин-т им. А. М. Горького при ССР СССР, 1950, стр. 33.

⁴ Д. Н. Ушаков. Русская орфоэпия и ее задачи (О правильном произношении). — Сб. «Русская речь». Новая серия, III. Л., «Academia», 1928, стр. 5—37; Он же. Вводная статья. «Толковый словарь русского языка», т. I. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1934, стр. XXX—XXXVI; Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. Изд. 2. М., 1954, стр. 183; «Русское литературное ударение и произношение». Опыт словаря-справочника. Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1955.

на произношение, говорит В. А. Богородицкий, «обусловливается привычкой произносить слова соответственно их написанию, т. е., например, в группе согласных предыдущий согласный произносится твердо, если в правописании мягкость его не отмечена буквой *ь* (срв. *спелый*, *вместе* и т. д.)»⁵. То, что В. А. Богородицкий говорит о сочетаниях мягких согласных с необозначенной на письме мягкостью первой согласной, вполне применимо и к сочетаниям мягкого *р* с последующими заднеязычными и твердыми губными согласными.

По правилам правописания в словах типа *церковь*, *первый* в силу традиционности нашего письма после мягкого *р* мягкий знак не ставился, но его писали и пишут в словах типа *горько*, *борьба*; где он соответствует исчезнувшей гласной *ь*. Такое различие в написании одной и той же фонемы в одних и тех же фонетических условиях не могло не отразиться на произношении.

Влияние правописания на произношение вполне могло быть основной причиной постепенной утраты литературным языком мягкости *р'* в словах типа *церковь*, *первый*. В говорах аналогичный процесс утраты можно было бы объяснить влиянием литературного языка. Это предположение тем более правдоподобно, что такое влияние затрагивало бы лишь лексику говоров, не вступая в противоречие с их фонетической системой. Однако все же не решаюсь категорически утверждать, что указанной причины достаточно, чтобы объяснить современное состояние говоров в отношении рассматриваемой звуковой черты.

Процесс утраты мягкости согласной *р* из старого сочетания **trt*, наблюдаемый в русском языке, — это завершение, конец длительной истории этой согласной, истории, начало которой восходит к доисторическому прошлому. И вот что парадоксально: заключительный

⁵ В. А. Богородицкий. Диалектологические заметки. VII. К диалектологии общерусского произношения: о смягчении согласных под влиянием следующих мягких согласных. «Изв. ОРЯС», 1906, т. XI, кн. 2, стр. 289. — Любопытен маленький эксперимент, проведенный В. А. Богородицким: «N обычно произносит *ǰs' l' i* (если), но когда я предложил ему билетик с написанным орфографически тем же словом и попросил его прочитать это слово, то он произнес уже *ǰs l' i*, т. е. с твердым *s*, очевидно, потому, что в орфографическом написании после *s* отсутствует начертание *ь*» (стр. 289).

процесс, протекающий, можно сказать, на наших глазах, при тех данных, которыми располагает в настоящее время историк языка, не может по-настоящему, с соответствующей полнотой и обоснованностью, быть освещен. Его можно изобразить лишь в общих чертах, причем с неизбежностью здесь много будет гадательного. В этом отношении его противоположностью является начальный этап истории мягкого *р'* из сочетания **trt*, самый процесс смягчения этой согласной. Хотя этот этап и отстоит от нашего времени, по-видимому, более чем на тысячу лет, он более легко поддается историческому изображению и толкованию. Многое здесь уже сделано, и на мою долю остается лишь внести некоторые дополнения и уточнения в те построения, которые были предложены моими предшественниками.

Не буду останавливаться на истории вопроса. Укажу лишь, что по обстоятельности изложения и аргументированности внимания заслуживают две точки зрения: Ф. Ф. Фортунатова⁶ и А. А. Шахматова. И та и другая достаточно правдоподобно объясняют возникновение в русском языке мягкости *р* в словах типа *цѣр'къѣ'*, *п'ѣр'вѣ'*.

Ф. Ф. Фортунатов относит смягчение *г* после *ь* между согласными к общеславянскому языку. В «эпоху распада» общеславянского языка *г* (*г*) после *ь* (*ь*) «под влиянием этой мягкой гласной» было полумягким «в положении перед согласными не зубными», так что «*г* твердое после *ь* известно было, по-видимому, лишь перед твердой зубной согласной»⁷.

На общеславянский характер изменения *г* после *ь* в полумягкую согласную, по мнению Ф. Ф. Фортунатова, указывают следы этого изменения, находимые во всех трех группах славянских языков. Из западносла-

⁶ Е. Ф. Будде считает, что смягчение *г* в сочетании **trt* обусловлено «фонетическим законом, найденным Ф. Ф. Фортунатовым» («К истории великорусских говоров». Казань, 1896, стр. 92—93). Так же называет «фонетическим законом Фортунатова» определяемые им условия смягчения *г* в **trt* Г. А. Ильинский («Историческая грамматика». Нежин, 1916, § 106, стр. 111).

⁷ Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительная фонетика индоевропейских языков, — Избранные труды, т. I. М., 1956, стр. 329—330.

вянских языков различие между **br̥*^a и **br̥*^os «ясно отражается», например в польском: «*martwy* — „мертвый“, *czarny* — „черный“ из **mbr̥^atvujb*, **čbr̥^anyjь* (ст.-сл. мрѣтъвѣи, чрнѣи), при *wierzch* — „верх“, *wierzba* — „верба“, *pierscien* — „перстень“ из **vbr̥^oxъ*, **vbr̥^oba*, **pr̥^ostєnъ* (ст.-сл. крахъ крава, прѣстєнъ)».

Представителем восточной группы, у которого «общеславянские **br̥*^a и **br̥*^o имели различную судьбу», является русский язык. В нем «как показывает, например, в русском литературном наречии сопоставление таких случаев, как *мёртвый*, *зёрна* из **mbr̥^atvujb*, **zbr̥^ana*, где русская гласная из *ь* после русской мягкой (о. <бще>-слав.<янской> полумягкой) согласной перед твердой согласной изменилась в гласную *о* под ударением, с такого рода случаями, как *верх*, которое произносится с *р'* мягким из **vbr̥^oxъ* или, например, *первый* с *р'* частью мягким, частью отвердевшим (но не со старой твердостью, так как иначе мы имели бы *пѣрвѣи*), из **pr̥^osvujь*».

Наконец, Остромирово евангелие свидетельствует, что и среди южнославянских «были такие диалекты (или такой диалект), в которых (или в котором) эти о.<бще>-слав.<янские> звуковые сочетания (**br̥*^a и **br̥*^o. — В. С.) не совпали в результате их изменений, как совпали они в других диалектах, по свидетельству, между прочим, того же памятника». Эти свидетельства Ф. Ф. Fortunatova усматривает в некоторых единичных отклонениях написаний от общих норм передачи сочетаний типа **br̥t* в Остромировом евангелии⁹.

Параллельно со смягчением *р'* в общеславянском языке, по мнению Ф. Ф. Fortunatova, происходило после *ь* смягчение *l*. Однако это смягчение осуществлялось в несколько иных фонетических условиях и, возможно, не одинаково по диалектам общеславянского языка. Кроме того, и в дальнейшем судьба сочетаний **br̥* и **bl̥* между согласными была различной. В частности, такой она была в русском языке, где «еще в общерусскую эпоху» сочетания **br̥* и **bl̥*^o «совпали в одном

⁸ *r̥*^a — твердое, *r̥*^o — полумягкое в транскрипции Ф. Ф. Fortunatova.

⁹ Ф. Ф. Fortunatov. Указ. соч., стр. 329—334.

**bl̥* (через посредство *čl̥*), откуда *ol̥*, например, в *волк* из **vbr̥^okъ*, полный из **pr̥^onyjь*»¹⁰.

Таким образом, согласно Ф. Ф. Fortunatovu, в русском языке мягкость *р'* в словах типа *цѣр'кѣф'*, *п'ѣр'вѣ* образовалась в результате двух последовательных процессов смягчения. Первый процесс был общеславянским. Тогда *г* после *ь* изменялось до полумягкости. Это — «прогрессивное» смягчение, действие которого обнаруживалось в положении *г* перед губными и задненебными.

Ф. Ф. Fortunatov указывает, правда, еще на положение перед полумягкими и мягкими зубными, где также наблюдалось смягчение согласной *г*. Однако здесь ее мягкость можно объяснить «влиянием» не предшествующего *ь*, а последующей мягкой или полумягкой зубной согласной. Действительно, если ассимилятивное воздействие на *г* стоящих за ней твердых зубных было сильнее, чем смягчающее влияние предшествующего *ь*, в результате чего перед твердыми зубными произносилось несмягченное, твердое *г*, то с меньшей вероятностью смягчение *г* перед мягкими и полумягкими зубными можно объяснить именно регрессивной ассимиляцией с такими зубными, а не влиянием *ь*. Во всяком случае, если в объяснении возникновения мягкости *г* в сочетании **br̥t* стоять на точке зрения Ф. Ф. Fortunatova, было бы неосторожным для рассматриваемого явления отождествлять позицию перед губными и задненебными, с одной стороны, и позицию перед мягкими и полумягкими зубными, с другой.

Позднее, после «эпохи распада общеславянского языка», в котором *г* после *ь* перед губными и задненебными стало лишь полумягким, произошло новое, второе смягчение (или второй этап смягчения) этой согласной, в результате чего она из полумягкой стала мягкой.

К какому моменту истории русского языка относится это смягчение, Ф. Ф. Fortunatov прямо не говорит. Но судя по тому, что «русское мягкое» *г* после *ь*, по его словам, возникло до перехода *е* в *о* после мягких согласных перед твердыми, а А. А. Шахматов, как известно, относил его к эпохе общерусского языка, то к тому времени должно относиться и окончательное смягчение *г* в сочетании типа **br̥t*.

¹⁰ Там же, стр. 330.

Взгляды А. А. Шахматова на процесс смягчения *r* в сочетаниях типа **trt*, несмотря на известное сходство, весьма существенно отличаются от взглядов Ф. Ф. Фортунатова. Оба они, и Ф. Ф. Фортунатов, и А. А. Шахматов, считают, что в процессе смягчения *r* после *ь* наблюдалось две стадии — в первой *r* становилось полумягким, а во второй — это полумягкое *r* изменялось в мягкое. При этом первую стадию процесса (смягчение до полумягкости) оба одинаково относят к общеславянскому языку, где он был общеязыковым, а не диалектным явлением, вторую же стадию (смягчение до полной мягкости) — к общерусскому.

Совсем по-разному, однако, представляют себе Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов самый характер и результат обоих процессов — и общеславянского, и общерусского. По Ф. Ф. Фортунатову, по существу, все уже определилось в общеславянскую эпоху и в общерусской произошло лишь усиление мягкости полумягкого *r*.

В отличие от Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматов полагает, что «*r* в общеславянском сочетании *ьr* было вообще палатально», т. е. оно было полумягким в любом положении вне зависимости от того, какая согласная следовала за *r*. В этом, по его словам, не оставляют сомнений «показания великорусского языка, некоторых малорусских говоров, а также польского и верхнелужицкого языков», в которых в соответствии с общеславянским *r* из **trt* находим мягкое *r'* «не только перед мягкими согласными, где мягкость *r* можно было бы объяснить, как явившуюся позднее, но также перед твердыми губными и задненебными, где мягкость может быть вызвана только предшествующей гласной; ср. великорусск. *верьх*, *серьп*, *верьба*, *зерькало*, *первьий*, *стерьва*, *черьпачь*, *церьковь* и т. д., верхнелуж. *šer̃ba*, *wjer̃ba*, *wjyr̃ch*, *pr̃ečac̃*, *šer̃pnyč* (оцепенеть), *čer̃pac̃*, польск. *wierzch*, *wierzba*, *pierzchnąc̃*».

Твердость *r* перед твердыми зубными в этих языках — явление вторичное, возникшее позднее «уже на почве отдельных славянских языков, в силу ассимиляции зубного *r* следующей твердой зубной».

Общеславянский процесс смягчения *r* в сочетаниях типа **trt* приводил, по мнению А. А. Шахматова, к появлению не мягкого, а полумягкого *r*: «Едва ли однако, — говорит он, — в общеславянском праязыке *r* в со-

четании *ьr* было мягко, как оно мягко в русском и верхнелужицком; вероятнее думать, что оно было полумягко: это легче объяснило бы нам его твердость в отдельных славянских языках»¹¹.

Естественно задать вопрос, почему А. А. Шахматов относит смягчение *r* в сочетаниях типа **trt* именно к общеславянскому языку. Ведь следы этого смягчения обнаруживаются лишь в некоторых западно- и восточнославянских языках, где оно могло возникнуть позднее и независимо в каждой из групп или даже в каждом языке. Кстати, наблюдения Ф. Ф. Фортунатова над правописанием Остромирова евангелия, из которого он извлек данные в пользу того, что мягкое *r* после *ь* было известно и южной группе славянских языков, А. А. Шахматов обходит молчанием, по-видимому, считая их неубедительными.

Возникает вопрос и о том, почему А. А. Шахматов в отличие от Ф. Ф. Фортунатова полагает, что смягчение *r* после *ь* происходило в общеславянском языке в любом положении, вне зависимости от того, какая согласная следовала за *r*, а не только перед задненебными и твердыми губными.

Дело, однако, в том, что с точки зрения А. А. Шахматова в общеславянском языке смягчение согласной *r* в сочетании **trt* не представляло собой изолированного явления. Оно стояло в ряду целой серии фонетических процессов, общей чертой которых являлось то, что все они были обусловлены «взаимным влиянием гласных и согласных в пределах одного слога»¹². Это «взаимное влияние» приводило к тому, что соседние «тавтосиллабические» звуки становились или «палатализованными» или «лабиовеляризованными».

Другими словами и в иных терминах, по А. А. Шахматову по существу говорит здесь о том же явлении общеславянского языка, которые позднее Р. Якобсон очень удачно называет тенденцией к «слоговому сингармонизму»¹³. Действие этой тенденции распространя-

¹¹ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода русского языка. «Энциклопедия славянской филологии», вып. 11. Пр., 1915, § 83, стр. 47.

¹² А. Шахматов. Указ. соч., § 108 и след.

¹³ R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. «Travaux du

лось на согласную *r* в сочетании типа **tbrt*, так как в слоговом отношении примыкала к предшествующей редуцированной гласной *ь*.

Поскольку согласная *r* становилась полумягкой после «тавтосиллабической» гласной *ь* в силу действия в общеславянском языке общей тенденции к «слоговому сингармонизму», смягчающее действие *ь* на *r* не должно было ограничиваться качеством следующей согласной, так как эта согласная принадлежала следующему слогу, была «гетеросиллабической». Поэтому в общеславянском языке полумягкое *r* произносилось в любом сочетании типа **tbrt*, в том числе и перед твердыми зубными согласными.

Иное, чем у Ф. Ф. Fortunatova, понимание первой, общеславянской стадии смягчения *r* после *ь*, естественно, вынуждает А. А. Шахматова несколько по-иному изображать вторую, общерусскую стадию. А именно, так как «в общерусском языке произошел общий переход полумягких согласных в мягкие»¹⁴, то в связи с этим изменялось из полумягкого в мягкое и *r* в «дифтонгическом сочетании» *ьr*, которое перешло в *ьr'*. Однако «этот переход не имел места перед твердой зубной (точнее перед лабиализованной); можно думать, *r* в таком положении успело отвердеть (лабиализоваться) до действия или одновременно с действием рассматриваемого закона». Так вместо **zbrno* явилось **zbrno* и далее **zbrno*. Переход полумягкого *r* в мягкое *r'* в сочетании *ьr* «имел, таким образом, место в положении перед мягкими зубными, мягкими и твердыми губными, а также перед задненебными согласными: *vьrba*, *sьrьrь*, *vьrчьrь*, *zьr'kalo*, *čьr'ti* перешли в *v'ьr'ba*, *s'ьr'ьrь*, *v'ьr'чьrь*, *z'ьr'kalo*, *čьr't'i*.

Cercle Linguistique du Prague», 2. Prague, 1929, стр. 8, 20; В. Ф. Мареш (F. V. Mareš. Vznik slovanského fonologického systému a jeho vyvoj do konce období slovanské jazykové jednoty. «Slavia», 1956, год. XXV, seš. 4, стр. 450) приписывает «открытие» закона слогового сингармонизма (harmonie slabiky) Н. Ван-Вейку, ссылаясь на его «Geschichte der altkirchenslavischen Sprache», I (Berlin und Leipzig, 1931, стр. 46; русск. перев.: Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр. 64, 99 и след.). Однако Н. Ван-Вейк говорит здесь лишь о «тенденции к палатализации», т. е. явлении более узком, чем то, которое значительно ранее было «открыто» А. А. Шахматовым и обозначено термином «слоговой сингармонизм» Р. Якобсоном.

¹⁴ А. А. Шахматов. Указ. соч., § 212, стр. 126.

Наличие в общерусском языке мягкого *r'* «перед указанными выше согласными доказывается как великорусским языком, так и угрорусскими говорами. Ср. южно-великор. и северновеликор. *верьба*, *верьх*, *серьп*, *цьрькофь*, *перьвой*, *стерьва*, *зерькало*, *цьрьпать*, *цьверьк*, *терьнит*, *верьчен*, *цьрти*, *перьси*, *жерьть* (жердь); в литературном наречии сохранилось *r* перед мягкими согласными, но кроме того *цьрькофь*, *цьверьх*, *верьх*. В угрорусском отмечено: *перьвий*, *верьх*, *мерьва*, *серьця*, *теперь* из *теперьва*, *верьхом*, *верьба* и *верьба*, *цьверьк*, *цьверьга* (I. Верхратский. Знадобы для пізнання угорско-руських говорів, I, 30, Львів, 1899), *серьп*, *верьх*, *серьце*, *перьгач* (летучая мышь) (Верхр. Знад. II, 39, Льв. 1901), *vьr'ba*, *vьr'x*, *na vьr'xu*, *sьr'p*, *čьr'pati*, *cьr'kьdь*, *čьtvьr'*, *tьr'x*, *zьr'kalo*, *vьr'hьdьu* (Брок, Угрор. наречие с. Убли)»¹⁵.

Таковы взгляды А. А. Шахматова на возникновение мягкости *r* в сочетании **tbrt*. Он рассматривает смягчение *r* после *ь* в качестве одного из частных процессов внутри общего процесса уподобления по мягкости и твердости соседних звуков в слоге. Его при этом не останавливает то, что в результате приходится строить более сложную схему истории смягчения *r*, чем ту, которую предложил Ф. Ф. Fortunatov. Чьей же точке зрения все же следует отдать предпочтение? Мне кажется, что можно, не соглашаясь ни с той, ни с другой, предложить иное решение вопроса.

При рассмотрении истории возникновения мягкости *r* в сочетаниях типа **tbrt* ни Ф. Ф. Fortunatov, ни А. А. Шахматов, по-видимому, не обратили внимания на одно, как мне представляется, весьма важное обстоятельство. А именно, в русском языке как в литературном, так и в говорах, положение перед задненебными и твердыми губными, где произносится мягкое *r'* из **tbrt* является положением, где вообще могут произноситься мягкие зубные. В отличие от этого в положении перед твердыми зубными мягкие зубные произноситься не могут. Говоря иначе, первое положение является для зубных фонем позицией их различения по мягкости и твердости, а второе — позицией неразличения. Такое соотношение в различении зубных согласных по мягкости

¹⁵ Там же, § 213, стр. 129.

и твердости образовалось в русском языке после «падения глухих», т. е. утраты редуцированных гласных фонем ъ и ь.

Мягкость согласных, обусловленная положением их перед передней редуцированной ь, сохранялась и после того, как редуцированные гласные в восточнославянских говорах были утрачены. Следствием этого было то, что в этих говорах возникли сочетания согласных, в которых мягкие зубные стояли перед различными твердыми согласными: *b'éd'noj (<*b'éd'ьнѣѣ), *plot'noj (<*plot'ьнѣѣ), *kras'noj (<*kras'ьнѣѣ), *gr'áz'noj (<*gr'ez'ьнѣѣ), *m'et'ly (<*m'et'ьly), *s'ed'ta (<*s'ed'ьta), *d'rat'i (<*d'rat'ьi), *t'ru (<*t'ьrŭ), *r'éd'ka (<*r'éd'ьka), *d'en'ga (<*d'en'ьga), *svat'ba (<*svat'ьba), *kos'ba (<*kos'ьba), *t'ma (<t'ьma), *vos'moj (<*vos'ьmѣѣ), *voz'mi (<*voz'ьmŭ) и др. Позднее в говорах, на основе которых сложился русский язык, перед твердыми зубными мягкие зубные свою мягкость утратили, ср., например: б'ѣднѣѣ, плѣтнѣѣ, краснѣѣ, гр'азнѣѣ, м'ѣтлы, с'ѣдлы, драг', тры и др., но сохранили ее в положении перед заднеязычными и твердыми губными, ср. р'ѣм'ка, д'ен'га, свад'ба, каз'ба, т'ма, вас'моѣ, ваз'му и др. В числе мягких согласных, которые отвердели перед твердыми зубными согласными и остались мягкими перед заднеязычными и твердыми губными, была и согласная *p*, получившая свою мягкость от следовавшей за ней ранее слабой редуцированной ь, — ср., с одной стороны, м'ирнѣѣ (<*m'ir'ьнѣѣ), в'ѣрнѣѣ (<*v'ěr'ьнѣѣ) и, с другой, обр'ка (<*gorьko), бар'ба (<*bor'ьba).

Таким образом, фонетическое положение, где в русском языке может произноситься мягкое *p* из **ьrt*, тождественно с положением, где вообще могут произноситься мягкие зубные и в том числе согласная *p* с мягкостью иного происхождения.

Что это — случайное совпадение, или между указанными явлениями существует генетическая связь?

С точки зрения Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова, здесь может быть лишь случайное совпадение. Действительно, если произношение мягкого *p* из **ьrt* не перед твердыми зубными определилось еще в доисторическую эпоху (в общеславянском языке по Ф. Ф. Фортунатову и в общерусском — по А. А. Шахматову), а произношение в том же положении прочих мягких зубных,

безусловно, возникло много веков спустя, после «падения глухих» ъ и ь, то о какой же связи между этими явлениями могла идти речь? Однако такое решение не обязательно. Ничто не мешает нам, напротив, предположить, что между рассматриваемыми явлениями существует прямое отношение — единство происхождения, и, исходя из этого предположения, построить достаточно простую схему возникновения мягкости согласной *r* в сочетании **ьrt*.

Можно согласиться с положением А. А. Шахматова, что смягчение *r* в сочетании **ьrt* было следствием действия общей тенденции к слоговому сингармонизму. Вместе с тем нет никакой необходимости считать, что действие этой тенденции ограничивалось лишь временем общеславянского языка, в котором она достигла своего предела, так что все слогги языка подчинились принципу сингармонизма. Следует, напротив, согласиться с тем, что писал Н. Ван-Вейк о «действовавших к концу праславянского периода» тенденциях «к восходящей звучности» (открытости слога) и «к палатализации». «Действие этих двух тенденций, — говорит он, — не закончилось в праславянский период; оно продолжалось в отдельных языках». И далее: «Можно предположить, а иногда даже и точно установить, что некоторые процессы закончились только после расхождения языков, причем в развитии последних наблюдается примечательный параллелизм»¹⁶.

К числу звуковых явлений, к которым можно применить приведенные положения, принадлежит, как мне представляется, и процесс смягчения *r* в сочетании **ьrt*. С одной стороны, его можно с весьма большой вероятностью рассматривать в качестве одного из процессов, вызванных к жизни тенденцией к слоговому сингармонизму, а с другой, можно считать, что он происходил не в общеславянском языке, а позднее уже, после его распада в отдельных группах славянских говоров, а именно в восточнославянских и в части западнославянских.

Можно согласиться с А. А. Шахматовым также и в том, что смягчение *r* в сочетании **ьrt* до степени полной мягкости происходило в общерусском языке одновременно со смягчением согласных перед гласными

¹⁶ Н. Ван-Вейк. История старославянского языка, стр. 64.

переднего ряда. Но если признавать, что это смягчение определено действием тенденции к слоговому сингармонизму, то следует допустить, что мягкость *r* в **tbrt* возникала в общерусском языке перед любой согласной следующего слога, в том числе перед твердыми зубными. Напомню, что на том же основании подобное допущение делает и А. А. Шахматов, изображая течение общеславянского процесса смягчения *r* в **tbrt* до полумягкости.

Процесс «падения глухих», протекавший в восточнославянских говорах в XII—XIII вв., разрушил сложившуюся ранее слоговую модель и прекратил действие тенденций к открытости слога и к слоговому сингармонизму. В языке образовались многочисленные группы согласных и среди них много таких, в которых вследствие утраты слабой редуцированной переднего ряда *ь* мягкие согласные (в том числе и мягкие зубные) оказались в положении перед твердыми согласными (*t'bt > t't*). С этими группами совпали старые группы согласных, в которых мягкое *r'* из сочетания типа **tbrt* также произносилось перед различного рода твердыми согласными.

В дальнейшем судьба этого *r'* была связана с звуковыми изменениями, которые переживали в русском языке группы согласных.

Одним из фонетических процессов, затронувшим группы согласных, был процесс ассимиляции мягких зубных согласных непосредственно следующим за ними твердым зубным: *b'ed'noj > b'ednoj*, *m'et'ty > m'etty > m'otly*, *d'rat'i > drat'i* и др. (см. выше, стр. 48). Вместе с другими мягкими зубными согласными теряет свою мягкость перед твердыми зубными и мягкое *r'*, причем теряет ее, естественно, безотносительно к тому, была ли эта мягкость ранее вызвана следующей за *r* редуцированной гласной *ь*: **v'er'no > *v'er'no > v'er'no* или предшествующей, т. е. в сочетании типа *tbrt: *z'br'no > *z'er'no > *z'erno > z'orno*. Именно в это время складывается то соотношение в произношении мягкого и твердого *r* в словах со старым сочетанием типа **tbrt: цѣр'коф', н'ѣр'вьѣ*, но *з'брны*, которое еще сохраняется во многих говорах и следы которого можно наблюдать в литературном языке.

Таким образом, в истории смягчения *r* из **tbrt* перед задненебными и твердыми губными в русском языке

выделяются два этапа. На первом, «общерусском», в восточнославянских говорах происходило общее смягчение *r* из **tbrt* в силу действия тенденции к слоговому сингармонизму. На втором этапе при ассимиляции мягких зубных согласных следующим твердым зубным, которая происходила в русских говорах после «падения глухих», мягкое *r'* из **tbrt* отвердевает перед твердыми зубными, сохраняя свою мягкость перед задненебными и твердыми губными.

Не берусь судить, есть ли необходимость в предположении, которое делает А. А. Шахматов, что в общеславянском языке предварительно *r* в **tbrt* смягчалось до полумягкости. Во всяком случае, как уже говорилось выше, вряд ли это можно обосновывать ссылкой на интенсивность действия тенденции к слоговому сингармонизму в общеславянском языке. Напомню, кстати, что действие этой тенденции не распространялось в общеславянском языке на параллельное сочетание **tblt*. Оно подверглось изменению (иному по сравнению с **tbrt*): **tblt > *tblt* позднее, уже в восточных славянских говорах, где его изменение, также как и сочетания **tbrt*, было аналогичным с изменением сочетаний **tert* и **telt*¹⁷:

$$\begin{array}{l} *tbrt > *t'br't \\ *tblt > *tblt \end{array} \quad \begin{array}{l} *tert > *t'er't \\ *telt > *tolt \end{array}$$

В пользу предлагаемого здесь решения вопроса о происхождении в русском языке мягкости *p* в словах типа *цѣр'кѣф, н'ѣр'вьѣ* можно было бы привести еще некоторые соображения. Так, его подтверждением может еще служить то обстоятельство, что при образовании из **tbrt* сочетаний «второго полногласия» после *r* возникала обязательно гласная *e*, в том числе и перед твердыми зубными согласными, см. сев.-рус. *перѣс* (перст), *скатерѣтка*, о чем уже говорилось в первом очерке (см. выше, 21). Однако если при этом ограничиваться теми же фактическими данными, на которые и ранее опирались при его решении, то оно все равно останется весьма гипотетичным. Чтобы сделать это решение более достоверным, нужно ввести в научный оборот новые языковые факты. В особенности важно было

¹⁷ А. А. Шахматов. Указ. соч., § 80, 83, 235 и 251; см. также выше в первом очерке стр. 20 и след.

бы найти хотя бы единичное свидетельство того, что в русском языке после «падения глухих» перед твердыми зубными произносилось мягкое *r* из **trt*.

Действительно, по мнению Ф. Ф. Фортунатова, мягкая согласная *r* вообще никогда не произносилась в сочетании **trt* перед твердыми зубными; по мнению же А. А. Шахматова, эта согласная, ставшая полумяжкой в общеславянском языке, отвердела перед твердыми зубными еще в общерусском языке. Поэтому, с точки зрения как того, так и другого, позднее в русском языке согласная *r* из **trt* никак не могла быть мягкой перед твердыми зубными. Если бы вопреки этому такая мягкая согласная была бы обнаружена, то тем самым были бы опровергнуты построения Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова и получило бы, как мне кажется, решающее подтверждение предлагаемое здесь решение вопроса.

Древнерусская письменность не выработала приемов передачи на письме мягкости согласных в положении перед твердыми согласными. Поэтому, казалось бы, бесполезно искать в письменных памятниках решения вопроса о мягком или твердом произношении *r* перед твердыми зубными на месте старых сочетаний типа **trt*. Недаром все, кто касались этого вопроса, искали ответа на него не в орфографии письменных памятников, а в тех языковых явлениях, которые предоставляют в распоряжение исследователя современные славянские языки и диалекты.

И все же несмотря на это, правда лишь в отдельных крайне редких случаях, из памятников древней письменности можно извлечь данные относительно того, как произносилось такое *r*. Эти данные, конечно не прямые, а косвенные, были обнаружены в одной из новгородских рукописей XIV в. Леонидом Васильевым¹⁸ еще в начале века.

Рукопись, о которой идет здесь речь, — это «Новгородское евангелие Публичной библиотеки», хранящееся под шифром Ф. п. I. 17. Оно «писано на пергамене в лист на 144 лл. уставом XIV века (...) в два почерка;

¹⁸ Л. Л. Васильев. Новгородское евангелие имп. Публ. библ. и его западнорусские вкладыши. — РФВ, т. XLVII, 1902, № 1 и 2, стр. 152—168.

первый почерк обнимает листы 1—23 об. и 79—144, второй остальные»¹⁹. «В рукописном каталоге Имп. Публ. Библ., — сообщает далее Л. Васильев, — это евангелие по языку отнесено к западнорусским. Но проф. А. И. Соболевский в Р. Ф. В. за 1886 г. № 1, стр. 17, отметив мену *ц* и *ч*, замену *ѣ* через *и*, отсутствие мены *у* и *в*, указал на его новгородское происхождение»²⁰.

В своей статье Л. Васильев дает описание языка Новгородского евангелия XIV в. Публичной библиотеки Ф. п. I. 17, ставя своей целью дальнейшее обоснование положения А. И. Соболевского о новгородском происхождении рукописи. В связи с этим он в своем описании останавливается главным образом на тех языковых чертах, которые позволяют установить диалектную принадлежность памятника.

Рассматривая отражение на письме судьбы фонемы *ѣ* (*ѣ*), Л. Васильев обратил внимание, что в ряде случаев в рукописи буква *ѣ* пишется в соответствии с этимологическим *e* и в особенности с *ь*. Такое написание встречается почти исключительно «перед мягким слогом», что говорит о его фонетическом характере и позволяет сделать вывод о звуковой (акустической и артикуляционной) близости, подвергшейся «ассимилирующему воздействию окружающих мягких согласных» гласной *e* к узкой гласной фонеме *ѣ* (*ѣ*) в том говоре, к которому принадлежали писцы Новгородского евангелия XIV в. Публ. библ. Ф. п. I. 17²¹.

Но самое любопытное — это то, что буква *ѣ* пишется в рукописи также на месте этимологического *ь* в словах со старым сочетанием типа **trt*. При этом в таком случае буква *ѣ* пишется вне зависимости от того, находится ли она перед «мягким» или «твердым» слогом. Не зависит написание *ѣ* вместо *ь* также и от того, стоит ли *r* в таком сочетании перед губными и задненебными или перед зубными согласными. Объяснить такое написание *ѣ* можно лишь предположением, что в сочетаниях, восходящих к старым сочетаниям типа **trt*, согласная *r* была в говоре писцов Новгородского Евангелия XIV в. Публ. библ. Ф. п. I. 17 мягкой, причем мягкой она была в любом фо-

¹⁹ Там же, стр. 152.

²⁰ Там же, стр. 153.

²¹ В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия, вып. I. Очерки по истории звука *ѣ* в севернорусском наречии. «Изв. ОРЯС», 1923, т. XXIV, кн. 1, стр. 205—206; кн. 2, стр. 215, 390 и след.

нетическом положении вне зависимости от того, какая согласная следовала за ней.

Вот что пишет обо всем этом сам Л. Васильев: «**ѣ** вместо древнего *e*. Буква **ѣ** в м. древнего *e* встречается не часто, из 8 случаев в 6 перед мягким слогом: *корѣ-ния* 30 об.; *дѣвѣтъ* 80 об.; *изрѣче* 30 об.; *бѣсѣда* 92 об., -у 13, -ы 13 (по *бесѣда* 110 об., 116 об.); — *сѣвѣра* 80 об.; *отрѣкся* 51...

ѣ вместо древнего *ь*. Буква **ѣ** в м. др. *ь* встречается гораздо чаще, чем **ѣ** в м. древнего *e*; почти все случаи перед мягким слогом: 1) в корнях: *вѣсь* (*vicus*) 26, 141, *клѣнеться* 40 об., 41 (по неск. раз: *клѣнеться* 40 об., *клѣнеться* 40 об. bis, 41 quat., *клѣне* 4 об.)²²; *мѣдлѣше* 135, *мѣдлѣть* 42 об., 103 об., *мѣдлѣщи* 103 об.; *беуѣ-стенъ* 55 об.; *мѣниши* 26, 31, 47 об.; *тѣмно* 27, 69; *дѣври* 7, 80 об., 139 об.; *дѣвремъ* 4 об.; *дѣврми* 88 об.; *при-дѣврѣ* 92 об.; *обѣшницѣ* 41; *вѣзрѣмѣ* 129 об.; *устрѣмися* 31; *скрѣжетъ* 32 об. (рядом: *бещестенъ* 33, *менишихъ* 34, 105; *в ѣную весъ* 65 и др.); 2) в суффиксах: *конѣчь* 25, *от конѣчь* 42; *слѣпѣчь* 32, 54 об.; *старѣчь* 33 об., 64 об.; *члѣкоядѣчь* 61 об.; *старѣчьску* 52 об.; *жрѣчьскому* 134 об. (и однажды с *и* в м. **ѣ**: *уницѣ* 49); *вѣтрѣня* 47 об.; *вну-трѣня* 69; *днѣшняго* 28; часто в слове *правѣденъ* в раз-ных формах: *«правѣденъ»* 5 об., 10 об., *«правѣднѣи»* 23 об., *«неправѣднѣи»* 84, *«неправѣденъ»* 84, *«правѣд-нѣмъ»* 84, *«неправѣдному»* 84 об., *«правѣднѣици»* 90 об., *«правѣднѣикъ»* 97 и др. (рядом: *агнець* 2 об.; *близнець* 4, 143, *конецъ* 30, 32; *правѣдницѣ* 31, 32 об.) — Перед твердым слогом **ѣ** в м. др. *ь* очень редко: *клѣнѣиши* 40 об. (ср. на 40 об. и 41 несколько раз: *клѣнеться*); *лѣгко* 28 об.; *вѣрѣнъ* (не описка ли?)²³.

Затем, **ѣ** пишется в м. *ь* в сочетании с плавным, т. е. -ѣр- в м. древнего -ѣр-. Не звучало ли во всех нижепри-веденных случаях *r* мягко, подобно тому как теперь

²² В статье Л. Л. Васильева примеров, помещенных здесь в лямбда скобки, нет. Привожу их по фотографической копии памятника, любезно предоставленной мне Л. П. Жуковской.

²³ Л. Л. Васильев отмечает еще, что в первом почерке **ѣ** вместо *e* пишется кроме того в иностранных словах. Однако не-которые из его примеров могли бы войти в группу, где написание **ѣ** определяется положением перед «мягким слогом»: *параскѣги* 119, *кѣдрескаго* 115, *евангѣлие* 140, *евгѣнѣи* 125 об., *вѣ скудѣль-ницѣ* 107, *вѣлѣблуды* 41 и во втором почерке *вѣлацуломъ* 26 об.

верьхъ, *первьий* и т. п.? Примеры: *вѣрзися* 39, *вѣвѣржену* 36 об.; *вѣрху* 57 об., 69, -а 64; *вѣртенъ* 55; *дѣрзѣи* 54, *дѣрзѣише* 38 об.; *дѣржѣте* 52 об.; *дѣржѣти* 52, *дѣржѣма* 58 об.; *одѣржанья* 52 об.; *извѣргѣиша* 55 об.; *отвѣргѣ* 54 об.; *возвѣргѣше* 77 об.; *вѣрно* 39, 40 об.; *мѣрзость* 41 об.; *помѣркнеть* 42 (**ѣ** переправлено из другой буквы); *нѣрѣстомъ* 49; *свѣршение* 73 об., -иши 73 об., 74; *сѣрнѣ* 47 об.; *сквѣрнѣти* 53 bis; *сквѣрнящая* 53; *вѣстѣрнѣнутъ* 32; *вѣстѣргѣти* 28 об.; *тѣрнѣе* 30 об.; *притѣрнѣвши* 41 об., *вѣстѣргѣти* 28 об.; *тѣрнѣе* 30 об.; *притѣрнѣвши* 41 об., и один случай со вторым полногласием *бѣрвѣно* 25 ter. (1 - *ев*- написано по подчищенному). Отметим, что все случаи (исключая двух: *вѣрху* 90 об.; *отвѣргѣти* 134) падают на второй почерк: в 1-м почерке обыкновенно пишется -ер- или реже -ѣр- (оба написания встречаются и во втором)²⁴.

Рассмотрим материал, приведенный Л. Л. Васильевым.

Значительная часть примеров на написание **ѣ** вместо *e* или *ь* с полной очевидностью подходит под объясне-ние, предлагаемое Л. Л. Васильевым. Они действительно пишутся перед «мягким слогом», или, точнее, перед мягкой согласной, причем такой, мягкость которой вос-ходит к далекому прошлому и сохраняется до настоя-щего времени в литературном языке и в подавляющем большинстве современных говоров. Другие случаи менее очевидны. В них мягкость согласной, которой опреде-ляется произношение предшествующей гласной *e*, прихо-дится уже предполагать, так как во многих говорах она была утрачена.

Так, на основании написания **ѣ** вместо *e* можно по-лагать с очень большой вероятностью, что в том новго-родском говоре XIV в., который отразился в Новгород-ском евангелии XIV в. Публ. библ. Ф. п. I. 17, сохра-нялись: мягкость аффрикаты *s'*: *конѣчь* 25, *от конѣчь* 42, *слѣпѣчь* 32, 54 об., *старѣчьску* 52 об., *жрѣчьскому* 134 об. и др.), мягкость шипящих *š'* и *ž'*: *днѣшняго* 23, *скрѣжетъ* 32 об., мягкость зубных перед мягкими зуб-ными: *беуѣстенъ* 55 об., *мѣдлѣть* 42 об., мягкость зуб-ной носовой *n* перед шипящей *š'*: *мѣниши* 26, 31, 47 об., мягкость зубных перед *j*: *придѣврѣ* 92 об. Сюда же сле-дует отнести и случаи сохранения старой мягкости *r* из сочетаний типа **trrt* перед твердыми губными: *сѣрнѣ*

47 об., перед заднебными: *вѣрху* 57 об., 69, 90 об., -а 64, *извѣргоша* 55 об., *отвѣргъ* 54 об., *отвѣраеть* 134, *возвѣрѣше* 77 об., *помѣркнетъ* 42, *востѣргнутъ* 32, *въстѣргати* 28 об., а также перед различными мягкими согласными: *притѣрпѣвши* 41 об., *вѣртенъ* 55, *вѣрзися* 39, *тѣрние* 30 об., *сквѣрнити* 53 bis, *сквѣрняящая* 53, *свѣршение* 73 об., -ити 73 об., *дѣржите* 52 об., *дѣржати* 52, *дѣржима* 58 об., *одѣржаися* 52 об.

Особый интерес представляют примеры, где *ѣ* вместо *е* пишется перед зубной или губной согласной, за которой следует твердая зубная: *правѣдныа* 23 об., *неправѣдныи* 84, *неправѣдному* 84 об., *тѣмно* 27, 69. Нет никаких оснований искать для этих примеров иное объяснение, чем для прочих случаев написания *ѣ* вместо *е*. В них пишется *ѣ*, так как гласная *е* стоит здесь перед мягкой зубной или губной, за которыми выпала смягчившая их редуцированная гласная переднего ряда *ь*. А если это так, то необходимо признать, что в говоре, отразившемся в рукописи, еще не был пережит процесс ассимиляции мягких зубных и губных согласных последующим твердым зубным. Этот процесс, являвшийся следствием «падения глухих», был, как обычно признается, относительно ранним и вместе с тем общим для всего русского языка. Мягкие зубные и губные не только отвердели во всех говорах перед твердыми зубными, но перед ними обобщилось произношение гласной *о* в соответствии со старым *е*, конечно в тех говорах, в которых был пережит переход *е* в *о* перед твердыми согласными, ср. современное литературное *ч'бтнѣи*, *м'бтлы*, *т'бмнѣи* и в екающих говорах *м'отла*, *т'омнѣ*. Однако Новгородское евангелие Публ. библ. Ф. п. I. 17 показывает, что в XIV в. по крайней мере некоторые новгородские говоры еще не знали этих изменений и сохраняли перед твердыми зубными мягкость зубных и губных согласных.

К сожалению, недостаточность материала, который предлагает Новгородское евангелие Публ. библ. Ф. п. I. 17 для суждения о судьбе мягкости согласных, не дает возможности нарисовать полную картину употребления мягких согласных в новгородских говорах XIV в., отразившихся в этом евангелии. Вместе с тем данные, которые могут быть извлечены из рукописи, позволяют с достаточной вероятностью считать, что в этих говорах мягкие согласные фонемы еще не претерпевали тех изменений,

которые происходили в языке после «падения глухих». Следовательно, в отношении мягкости согласных (и соответственно, конечно, твердости) говоры не отошли от того состояния, которое определялось действием тенденции к слоговому сингармонизму, хотя после падения глухих фонетические условия употребления согласных существенным образом изменились. Для подтверждения этого в особенности важно свидетельство уже отмеченных мной выше примеров *правѣдны* 23 об., *неправѣдныи* 84, *неправѣдному* 84 об. и *тѣмно* 27, 69 с мягкой зубной и губной согласной перед твердой зубной.

Отсюда можно сделать дальнейший вывод: если в новгородских говорах XIV в., отразившихся в Новгородском евангелии Публ. библ. Ф. п. I. 17, состояние согласных в отношении различия их по мягкости и твердости соответствовало состоянию, сложившемуся ко времени «падения глухих» под действием тенденции к слоговому сингармонизму, то в них с необходимостью согласная *г* из сочетания типа **tɔrt* должна быть мягкой во всех фонетических положениях и в том числе перед твердыми зубными, чего никак не должно быть, если построения Ф. Ф. Фортунатова или А. А. Шахматова верны.

В материалах из Новгородского евангелия Публ. библ. Ф. п. I. 17, опубликованных Л. Васильевым, содержится не один пример, свидетельствующий о том, что в положении перед твердыми зубными согласная *г* из сочетания типа **tɔrt* была мягкой, ср. *зѣрно* 39, *дѣржайте* 38 об., *дѣрзаи* 54, *мѣрзость* 41 об., *нѣрѣстома* 49. Конечно, о таком свидетельстве можно говорить лишь в том случае, если признавать, что буква *ѣ* писалась вместо *е* в этом памятнике тогда, когда за гласной *е* следовала мягкая согласная. Но в этом, кажется, вряд ли можно сомневаться, как не сомневался Л. Л. Васильев, исследовавший памятник с иными задачами.

Таким образом, свидетельство Новгородского евангелия Публ. библ. Ф. п. I. 17 опровергает точки зрения Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова на возникновение в русском языке мягкости согласной *г* в сочетаниях типа **tɔrt*. Вместе с тем оно подтверждает высказанное мною предположение об общерусском общем смягчении этого *г* в результате действия тенденции к слоговому сингармонизму и о позднейшей (после «падения глухих») утрате мягкости согласной *г'* в положении перед твер-

дыми зубными согласными. Для всего этого достаточно было бы, если бы до нас дошел хотя бы один памятник с написаниями, отражающими мягкость начальной согласной в группе согласных таким же образом, как это наблюдается в Новгородском евангелии Публ. библ. Ф. п. I. 17. На самом же деле это евангелие — не единственная древнерусская рукопись, письмо которой дает достаточно надежные данные для суждения о произношении в древнерусских говорах согласной *r* в словах со старым сочетанием типа **trt*.

В своем исследовании, посвященном истории звука *ѣ* в севернорусском наречии, В. В. Виноградов²⁵, доказывая выдвинутую им гипотезу о переходе в некоторых севернорусских говорах гласной *e* в *ѣ* («новое *ѣ*») перед мягкими согласными²⁶, приводит значительное количество примеров написания *ѣ* вместо *e*, подобных тем, которые предлагает Новгородское евангелие XIV в., описанное Л. Л. Васильевым, В. В. Виноградов нашел такие написания в целом ряде новгородских памятников письменности. Каждая рукопись, исследованная им, в отдельности как правило не обладает таким количеством соответствующих примеров, как Евангелие Публ. библ. Ф. п. I. 17, и, следовательно, уступает ему по своей ценности в качестве источника для восстановления истории твердости и мягкости согласных (в том числе и согласной в сочетаниях типа **trt*). Однако в совокупности эти рукописи дают очень ценные сведения по рассматриваемому звуковому явлению, подтверждая и дополняя то, что было опубликовано Л. Л. Васильевым.

Не привожу всех сообщаемых В. В. Виноградовым примеров написание *ѣ* вместо *e* в новгородских рукописях²⁷. Остановлюсь лишь на словах со старыми сочетаниями типа **trt*, причем не на всех, а только на тех из них, где согласная *r* стоит перед исконно твердыми согласными:

1) *r*' перед твердыми губными: *испѣрва* 254 об.₂, ср. также примеры с *и* вместо *e*: *пирвоздана* 180₂,

испирва 228₂, 286 об.₂ (Сб. Публ. библ. Погод. собр. № 872, у 3-го писца); *пѣрвую* 216 об.₁, *пѣрваго* 218 об.₁, малопоказателен пример: *тѣрплю* 216 об.₁ (там же, у 4-го писца); *сѣрпѣ* 145 об., *испѣрва* 169, *сѣрпы* 241 об., *пѣрвая* 245 (Сб. 1422 г. Публ. библ. Q 1 № 312); *пѣрвые* 77 (в рукоп. XIV в., изд. в «Русск. Достоп.», ч. II); *пѣрвыхъ* (Новг. Служебник XIV в. Румянц. музея № 399²⁸); *пѣрвые* 36 об., 250 (Пандекты Антиоха, Патерик Скитский и др. XIV в. Патриарш. библ. в Моск. Истор. муз. № 3)²⁹;

2) *r*' перед задненебными: *сѣрхуцю* 54 об.₁, *сѣрховавъ* 93₁, *сѣрхшеса* 138₂ (Апостол XIV в. Погод. собр. № 14); *сѣрху* 284 об. (Сб. Публ. библ. Погод. собр. № 872, у 3-го писца); *сѣрху* 305 об.₁, *сѣрхель* 308 (там же, у 4-го писца); *сѣрху* 125, *сѣрхеса* 133, *сѣрху* 129, *исѣрхуть* 149 об., *сѣрхше* 162, *сѣрховнѣи* 390 (Сб. до 1422 г. Публ. библ. Q 1 № 312); *сѣрхеса* 47₁ (Тактикон Никона Черногорца 1397 г.);

3) *r*' перед твердыми зубными: *смѣрда*, *смѣрдѣ* (Новг. гр. 1304—1305 г. № 9); *смѣрдѣ* (Новг. гр. 1305—1308 г. № 6); *сѣрхше* 16₂, *дѣрховение* 126 об.₂ (Апостол XIV в. Погод. собр. № 14); *разѣрхающе* 189 об.₂, *сѣрхоша* 221 об., *сѣрха* 226 об.₁, *раѣрхазу* 252₂, *сѣрхоградара* 258₁, *сѣрхазя растѣрхаютъ* 247₂, ср. также примеры с *и* вместо *e*: *растирхаетса* 252 об.₂, *бесквирно* 291₁ (Сб. Публ. библ. Погод. собр. № 872, у 3-го писца); *сѣрхъзъ* 314 об.₂ (там же, у 4-го писца); *повѣрхше* 105₁₂, *мѣрхвиль* 29₁₈₋₁₉, (Мус.-Пущк. сб. 1414 г.); *мѣрхость* 239 об. (Сб. до 1422 г. Публ. библ. Q 1 № 312); *блгодѣрхновенно* 19 об. (Пандекты Антиоха, Патерик скитский и др. XIV в. Патриарш. библ. в Моск. Истор. муз. № 3).

В. В. Виноградов, вслед за другими историками русского языка, считает, что основным условием изменения гласной *e*, которое отразилось в некоторых новгородских памятниках XIV в. в виде написания буквы *ѣ* вместо *e*, было положение *e* перед мягкими согласными. Однако эта гласная, по его мнению, могла в определенных случаях

²⁸ См. также: А. А. Шахматов. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893, стр. 148 и след.

²⁹ Н. Дурново. Введение в историю русского языка. Ч. I. Источники. Вгпо, 1927, стр. 50 (№ 170). — В. В. Виноградов считает, что рукопись конца XIV—начала XV в.

²⁵ В. В. Виноградов. Указ. соч.

²⁶ Критические замечания см.: А. И. Соболевский. Исследование о новом *ѣ* в великорусских говорах. «Изв. ОРЯС», 1923, т. XXVIII, стр. 394—399.

²⁷ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 390—399.

изменяться и перед твердыми согласными. Она изменялась в таком положении «в церковных, книжных словах» (стр. 394, см. также стр. 391, 393, 396).

Среди примеров, иллюстрирующих изменение *e* в «новое *ѣ*» перед мягкими согласными, В. В. Виноградов помещает слова с сочетаниями типа **tbrt*, в которых согласная *r* произносится перед твердыми губными и заднеязычными, признавая тем самым, что *r*' здесь было мягким. Иначе объясняются В. В. Виноградовым написания с *ѣ*, заменяющим *e* перед *r*, за которым следуют твердые зубные согласные. Полагая, что *r* в этом случае было твердым, он причину изменения *e* перед таким твердым *r* видел в церковном, книжном характере соответствующего слова.

Трудно согласиться с подобным объяснением, как и вообще с утверждением, что гласная *e* изменялась в более узкий звук «перед твердым слогом в книжных словах» (стр. 392).

За единичными исключениями почти все примеры, приведенные для доказательства этого положения, сами нуждаются в доказательствах того, что согласные, перед которыми изменялась гласная *e*, действительно были твердыми. Эти примеры могут быть подразделены на две группы. Одна — это слова с *r* перед твердыми зубными согласными в словах с сочетаниями типа **tbrt*. Перечень их приведен выше (стр. 59, п. 3). Вторая группа включает в себе слова с зубными и губными согласными, которые после того, как за ними была утрачена передняя редуцированная гласная *ь*, оказались в положении перед твердыми зубными согласными. К этой группе относятся примеры: *правѣдных* 120 (Требник Об-ва любит. др. письм. и искуств. № 24); *одѣсную* (нередко), *правѣдну* 32 об.₂, *лѣстныи* 108 об.₂, *лѣстѣно* 82 об.₁ (Апостол XIV в. Погод. собр. № 14); *правѣднаго* 12 в *bis*, 206, *правѣдноу* 986, *бѣзмѣдныи* 1086 (Сказ. о Борисе и Глебе из Сильвестр. сб., фотолит. изд.); *бѣствѣны* 225₂, *одѣсную* 228₂, 243 об.₁, 270 об.₂, *одѣсь|ную* 270 об.₂, *дѣсно* 236 об.₁, *лѣсь|тныи* 289 об. (Сб. Публ. библ. Погод. собр. № 872; у 3-го писца); *правѣдна* 37 об. *bis*, *правѣдныхъ* 231 об., *тѣмныхъ* 271 об., *рѣнощами* 298 об., *дѣшполѣзна* 359 об., *дѣсно* 372 (Сб. до 1422 г. Публ. библ. Q 1 № 312); *правѣднаго* 74 (Рукоп., изд. в «Русск. Достоп.» ч. II); по-

лѣзны (Новг. служебник XIV в. Румянц. муз. № 399); *дѣшполѣзны* 315в (Новг. Пролог XII—XIII в., см. Д. И. Абрамович. Соф. библ., т. II, № 1324); *прѣлѣстна* 48 (Тактикон Никона Черногорца 1397 г.); *правѣдноу* 22 (Новг. сб. Q 1 № 1464).

Вне указанных двух групп В. В. Виноградов приводит из рассмотренных им памятников письменности лишь считанные примеры: *крѣсть* 48 (Сказ. о Борисе и Глебе из Сильвестр. сб.); 103₂ (Комиссион. список Новг. 1 летоц.), *слѣзы* 243₁, *слѣза* 221 об.₂, -ми 229₁, *знамѣна* 230 об.₂ (Сб. Публ. библ. Погод. собр. № 872).

Только эти случаи написания *ѣ* вместо *e* (6 слов на 23 рукописи!) и могут служить опорой для утверждения, что в церковных, книжных словах гласная *e* изменялась перед твердыми согласными таким же образом, как в силу «ассимилирующего воздействия» она изменялась перед мягкими согласными. Все прочие случаи, которыми В. В. Виноградов доказывает это положение, гораздо проще и естественней объясняются тем, что в них гласная *e* произносилась перед согласной, которая была не твердой, а мягкой.

В словах с сочетанием типа **tbrt* перед твердой зубной согласной произносилось мягкое *r*, так как ранее в силу действия тенденции к слоговому сингармонизму в этих сочетаниях всякое *r* смягчалось по ассимиляции с предшествующим тавтосиллабическим *ь*. Вместе с тем это *r*' еще не отвердело в результате «ассимилирующего воздействия» следующих за ним твердых зубных согласных, потому что говоры, к которым принадлежали писцы памятников, исследованных В. В. Виноградовым, еще не пережили процесса отвердения мягких зубных и губных согласных перед твердыми зубными. Это убедительно подтверждает другая группа примеров — написания типа *лѣстныи*, *тѣмныхъ*, где *ѣ* замещало *e*, когда за *e* следовали зубные или губные согласные, еще не потерявшие своей мягкости перед твердыми зубными, с которыми они оказались рядом после утраты слабого *ь*.

Таким образом, обе группы примеров в полном согласии одна с другой свидетельствуют, что новгородские говоры еще в XIV в. сохраняли перед твердыми зубными мягкость зубных и губных согласных, полученную ранее по аккомодации с последующим или предшествующим *ь*.

Ничего удивительного в этом нет. Процессы ассимиляции разнородных согласных, оказавшихся рядом после падения глухих, вряд ли могли начаться сразу же после того, как в языке исчезли слабые *ъ* и *ь*. Что это могло быть так, показывает ассимиляция согласных по звонкости и глухости.

Если падение глухих «начиная приблизительно со второй половины XII в. ... осуществляется в широком объеме»³⁰, то «переход глухих в звонкие перед звонкими шумными согласными» по древнерусским памятникам «можно проследить для Северной Руси лишь с XIII в. (*где* Рост. ж. Нифонта 1219 г., *здравъ* Новг. Пролог 1262 г. и др.), а для Ю. Руси не раньше начала XIV в.»³¹; ср. также: *где, нѣдѣ* (Житие Нифонта по Рост. списку 1219 г.), *зде* (Смол. гр. 1229 г.), *здрава, здѣла, збудетса, збора* (Галицко-Волынское Поликарпово ев. 1307 г.), *з до-рогобужю* (Лавр. лет., л. 171 об.)³².

Еще позднее, чем озвончение глухих перед звонкими, протекает в древнерусских говорах процесс оглушения звонких согласных перед глухими, отражаясь в памятниках, как указывает П. С. Кузнецов, «во всяком случае не ранее XIV в.». Несомненным свидетельством оглушения звонких, по его мнению, служат такие написания, как *ис торъшку* (Дух. гр. Дм. Донск.), *торъшку* (Новг. гр. 1372 г.), *воевотъство* (Лавр. лет.), *оускими* (Поликарпово ев. 1307 г.)³³. По сообщению В. Г. Орловой, «лишь в редких» памятниках XIV—XV вв., из специально просмотренных ею, «отражено оглушение согласных в середине слова перед следующими глухими»³⁴.

³⁰ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 99.

³¹ Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, § 196, стр. 166.

³² В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 113.

³³ Там же, стр. 113—114. — Замечу, кстати, что примера *ис торъшку* в Духовных гр. Дм. Донск. нет. Наиболее ранние примеры оглушения звонких согласных в Московских грамотах приводятся в работе: П. Г. Стрелков. О языке семи древнейших завещаний Московских великих князей XIV века. «Сб. Об-ва истории, философии и социальных наук при Пермском ун-те», 1927, вып. II, стр. 107—124: *коронка* (1-й экз. Дух. гр. вел. кн. Ив. Ив., ок. 1358 г.), *сопча* (2-й экз. той же гр.), *[жере]щевъ* (там же), *желѣскова* (2-я Дух. гр. вел. кн. Дм. Ив., 1389 г.).

³⁴ В. Г. Орлова. Губные спиранты в русском языке. «Труды Ин-та русского языка АН СССР», 1950, т. II, стр. 178. —

Подобно ассимиляции соседних согласных по звонкости и глухости, их уподобление по твердости и мягкости, надо думать, произошло тоже не сразу после «падения глухих», а спустя какое-то время, причем для разных говоров, конечно, неодинаковое. К сожалению, орфография рукописных памятников сообщает довольно скудные сведения по истории мягкости согласных перед согласными. Недаром историки языка судят о ней главным образом на основании сведений, представляемых современными говорами, а не древнерусской письменностью.

Для того, чтобы в говорах русского языка с момента утраты слабых *ъ* и *ь* и до момента отвердения мягких губных и зубных перед твердыми зубными прошло известное время, не обязательно должны были действовать какие-нибудь особые причины. «Падение глухих» не вызвало с необходимостью уподобления мягких согласных следующим за ними твердым, хотя отвердение мягких согласных перед твердыми и рассматривается обычно в качестве следствия утраты слабых *ъ* и *ь*. Ассимилятивное отвердение согласных может считаться таким следствием только в том смысле, что его возможность возникла в древнерусском языке в результате утраты *ъ* и *ь*, создавшей невозможные ранее сочетания мягких согласных (неслоговых!) с твердыми. Однако есть основания полагать, что в данном случае в языке существовали именно особые причины, которые создавали определенные препятствия тому, чтобы ассимилятивные процессы между согласными, оказавшимися рядом, могли происходить сразу же вслед за «падением глухих».

Р. Якобсон высказал предположение, что «падение глухих» явилось в результате обобщения в языке произношения, возникшего сначала в типе быстрой речи (*type à débit rapide*)³⁵. Это предположение представляется весьма вероятным. Но если это так, необходимо признать, что редуцированные *ъ* и *ь* известное время должны были существовать в языке в качестве «факультативных звуков»,

Перечисляя памятники, где «совсем не отмечено примеров оглушения», В. Г. Орлова указывает на Новгородские грамоты XIII—XIV вв. Однако еще А. А. Шахматов отметил два случая написания *торъшку* в Новг. гр. 1372 г.; см. его «Исследование о языке Новгородских грамот XIII—XIV века» («Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1886, стр. 176 и 269).

³⁵ В. Jakobson. Указ. соч., стр. 48.

как называет И. А. Бодуэн-де-Куртенэ «переходные исторические стадии от полного существования к исчезновению звука». «На этих стадиях», по его словам, «имеется еще в душах говорящих воспоминание и представление известного звука, но без необходимости исполнения, которое, таким образом, является факультативным». Любопытно, что стадию факультативных звуков И. А. Бодуэн-де-Куртенэ предполагает как раз для таких «процессов исторического изменения звуков», при которых «происходит разветвление одних и тех же звуков, например, древнеславянских *ъ* и *ь*, в две стороны»³⁶.

На стадии факультативных фонем, предшествующей их полной утрате, редуцированные *ъ* и *ь* в беглой, небрежной речи исчезали, редуцируясь до нуля в слабом положении и сближаясь с фонемами *о* и *е* в сильном. Вместе с тем в речи тщательной эти гласные произносились как в сильной, так и в слабой позиции, причем произносились они в виде особых звучаний, отличных от прочих гласных фонем. Подобное различие в произношении, зависящее от характера речи, небрежной или, напротив, тщательной, отмечает А. М. Селищев, например, у болгар «из некоторых восточноболгарских местностей». У них наблюдается, как он говорит, «стремление в произношении неударенных гласных в обыденной, нестарательной речи... к гласному сильно редуцированному среднего ряда *э*»³⁷.

Новая произносительная модель, возникающая в быстрой, небрежной речи, отличалась от традиционной модели, свойственной тщательной, «строгой» речи, прежде всего тем, что в ней отсутствовали слабые *ъ* и *ь*. Следствием этого было то, что согласные, которые в «строгой» речи отделялись одна от другой слабыми *ъ* и *ь*, оказались в беглой речи в непосредственном соседстве. Однако эти соседние согласные не образовали тесных сочетаний, так как между ними на месте выпавших *ъ* или *ь* проходила граница слога: согласная, за которой в быстрой

³⁶ И. А. Бодуэн-де-Куртенэ. Лингвистические заметки и афоризмы. «Журнал М-ва народного просвещения», СПб., 1903, № 4, стр. 319; Он же. Лингвистические заметки. — Там же, 1900, № 10, стр. 370 и след.

³⁷ А. М. Селищев. Заметки по великорусской диалектологии, I. К изучению типов аканья. «Slavia», 1927, год. VI, сеж. 2—3, стр. 456.

речи выпадали слабые *ъ* и *ь*, закрывая собой слог, примыкала к предшествующей гласной. Так в небрежной речи разрушалась складывавшаяся в течение длительного времени обязательная модель открытого слога, еще в неприкосновенности сохранявшаяся в тщательной речи. В отличие от нее, небрежная, быстрая речь была полна закрытых слогов, например: **noč*, **kra|s'en*, **kras'na*, **z'ьr'no* и др.; ср. те же слова в тщательной речи: *no|čь*, **kra|s'ь|nъ*, **kra|s'ь|na*, **z'ь|r|no*.

Нельзя определить время, когда в беглой небрежной речи стало возможным опускать слабые *ъ* и *ь*, т. е., иначе говоря, когда *ъ* и *ь* стали в древнерусском языке факультативными звуками, употребление которых определялось направленностью речи на отчетливость, ясность произношения. Памятники древнерусской письменности в данном случае как будто бы не могут оказать существенной помощи, потому что их письмо, как, впрочем, и любое письмо, ориентируется прежде всего на тщательную, строгую речь, а не на беглую, небрежную³⁸. Однако, принимая во внимание, что в беглой речи параллельно с утратой слабых *ъ* и *ь* сильные изменялись, сближаясь по своему образованию и звучанию с гласными *о* и *е*, с большой вероятностью все же можно предположить, что те единичные написания букв *о* и *е* вместо *ъ* и *ь*, которые встречаются в древнерусских памятниках конца XI—начала XII в., отражают черты произношения, свойственные именно беглой, небрежной речи.

Обычно на такие написания смотрят как на «македонизмы». Так, по словам Н. Н. Дурново, «случаи написания *о* и *е* вместо *ъ* и *ь* до второй половины XII в. единичны и притом в начале XII в. не чаще, чем в памятниках третьей четверти XI в., а потому должны пониматься как случайно проникшие в них черты македонской графики, так как среди ст.-сл. памятников XI в., писанных в Македонии, есть такие, в которых вместо *ъ*, *ь* пишутся иногда *о* и *е*»³⁹. Однако согласиться с таким объяснением трудно: слишком много в нем допущений, зависящих

³⁸ По словам Л. В. Щербы, «письмо в основном базируется на полном стиле, а не на разговорном»; полным стилем речи при этом он называет такой, «который мы употребляем, когда по каким-либо причинам хотим сделать нашу речь особенно отчетливой»; см. его «Фонетику французского языка» (Изд. 2. Л., 1939, стр. 19).

³⁹ Н. Дурново. Очерк истории русского языка, стр. 155—156.

одно от другого. Проще и правдоподобней поэтому считать отдельные написания букв *o* и *e* вместо *ъ* и *ь*, встречающиеся в памятниках до второй половины XII в., не «случайно проникшими» в письмо македонизмами, а «случайно проникшими» в него чертами беглой, небрежной речи. В таком случае эти написания являются документальными свидетельствами того, что уже во второй половине XII в. редуцированные *ъ* и *ь* были лишь факультативными фонемами.

Обычно процесс «падения глухих» в древнерусском языке относят ко второй половине XII в. Однако на эту дату следует смотреть лишь как на время, когда «падение глухих» из явления, свойственного определенному типу речи, становится явлением общезыковым. Начало процесса необходимо отнести к более раннему сроку — возможно, ко второй половине XI в., если таким началом считать утрату *ъ* и *ь* в беглой, небрежной речи, после чего редуцированные гласные стали функционировать в языке в качестве факультативных фонем. Начавшись в беглой, небрежной речи, «падение глухих» распространилось во второй половине XII в. на тщательную, строгую речь, что привело к полному исчезновению редуцированных *ъ* и *ь* из системы языка.

Произносительная модель, первоначально сложившаяся в беглой речи, после того, как завершился процесс «падения глухих», стала единой общезыковой моделью. Одной из характерных ее черт было обилие закрытых слогов, которые образовались в результате утраты слабых *ъ* и *ь* в середине и на конце слова. При этом в середине слова закрытый слог заканчивался согласной, за которой на месте выпавшего *ъ* или *ь* проходил слогораздел, отделявший эту согласную от следующей (например, **svat'*|*ba*). Подобные же закрытые слоги образовали в середине слова и старые сочетания типа **tbrt*, **tbrt*, **tbrt*, например: **tъ|r|ga* > **tor|ga*, **z'ъ|r'no* > **z'er'|no* **ръ|na* > *pol'na*⁴⁰.

Таким образом, согласные, оказавшиеся после падения глухих рядом, принадлежали тем не менее разным слогам. Это обстоятельство и было, по всей вероятности, основной причиной, почему процессы ассимиляции в новых группах согласных наблюдаются не сразу после «падения глухих», а спустя довольно значительное время. Об отно-

сительно поздней дате озвончения глухих перед звонкими и в особенности оглушения звонких перед глухими, как уже говорилось, наглядно свидетельствуют древнерусские письменные памятники. Таких рукописных свидетельств не имеется для процесса уподобления соседних согласных по мягкости и твердости. Поэтому его хронологию пока, по крайней мере, не удастся установить. Поскольку, однако, нет никаких оснований считать, что фонетические условия, которые служили препятствием для процессов ассимиляции согласных по звонкости и глухости, не играли той же роли в отношении уподобления согласных по мягкости и твердости, то следует допустить, что смягчение твердых согласных перед мягкими и отверждение мягких перед твердыми были отделены от момента, когда завершилось «падение глухих», довольно значительным сроком. В таком случае, следовательно, нет ничего неожиданного в том, что новгородские говоры XIV в. сохраняли мягкость зубных и губных согласных перед твердыми зубными, как на это совсем недвусмысленно указывают написания с *ѣ* вместо *e* в случаях типа *лѣстныи* (Апостол XIV в. Погод. собр. № 14), *тѣмно* (Еванг. XIV в. Публ. библ. Ф. п. I. 17), *смѣрда* (Новг. гр. 1305—1308 г.) в новгородских памятниках письменности.

Позднее (по говорам, конечно, разновремененно) большая часть согласных, за которыми выпал *ъ* и *ь*, стала примыкать к соседней согласной, начинающей собой следующий слог. В результате срединные слоги слова в большинстве случаев стали открытыми, как это и теперь наблюдается в литературном языке и говорах. Весьма вероятно, что эта перестройка произносительной модели, как и раньше при «падении глухих», сначала происходила в беглой речи и только позднее, спустя некоторое время, захватила тщательную речь. Утвердившаяся в языке новая слоговая модель открыла широкие возможности для различного рода ассимилятивных и диссимилятивных изменений в сочетаниях согласных. Реализация этих возможностей заполняет собой не одну главу последующей истории русского языка.

Конечно, набросанная здесь схема изменения слоговой модели слова — предположение, которое, каким бы оно ни представлялось правдоподобным, все же нуждается еще в дополнительных доказательствах. Предположитель-

⁴⁰ См. выше, стр. 18.

ным в таком случае оказывается и положение, что причиной, задерживающей ассимилятивные изменения согласных (в частности, отвердение мягких зубных и губных перед твердыми зубными), было то обстоятельство, что после падения глухих слогораздел в середине слова проходил на месте выпавших слабых *ъ* и *ь*, разделяя очутившиеся рядом согласные. Вместе с тем сами по себе изменения в слоговой модели слова не могут быть прослежены по письменным памятникам, потому что слог, как фонетическое явление, которое не содержит никакой информации, не отражается на письме. Однако некоторые косвенные данные, свидетельствующие о границах слога в слове, все же из памятников древнерусской письменности извлечь как будто бы можно.

Так, если после «падения глухих» между согласными на месте выпавших слабых *ъ* и *ь*, действительно проходил слогораздел, то такой след от утраченных редуцированных должен был остаться только в середине слова. В начале слова так не могло получиться, потому что начальная согласная, когда за ней выпадал *ъ* или *ь*, по необходимости примыкала к следующему слогу, ср. **dъ|ra|t'i > *d'ra|t'i*, но: **za|d'ъ|ra|t'i > *zad'|ra|t'i*.

В некоторых случаях, однако, слогораздел, как след бывших *ъ* и *ь*, все же мог проходить и после начальной согласной. Так было, когда слово начиналось согласными *r, r', l, l', j*, которые в силу этого становились слоговыми и потому в дальнейшем имели в восточнославянских языках особую судьбу.

Итак, группы согласных, образовавшиеся в результате утраты слабых *ъ* и *ь*, были неодинаковыми. В начале слова они представляли собой более тесные сочетания, чем в середине слова, где согласные разъединялись слогоразделом. Это различие могло привести к тому, что сочетания согласных в начале слова, с одной стороны, и в середине, с другой, могли переживать то или иное фонетическое изменение неодновременно.

В связи с этим не лишним будет вспомнить, что наиболее ранние примеры на озвончение глухих согласных перед звонкими, встречающиеся в памятниках письменности, относятся к сочетаниям именно в начале слова. Таковы, например, случаи озвончения, которые приводят Н. Н. Дурново и П. С. Кузнецов (см. выше, стр. 62). Правда, среди них есть такие, где слабые *ъ* и *ь* были

утрачены ранее времени общего процесса «падения глухих»: *здѣ, нѣздѣ* (Житие Нифонта по Рост. списку 1219 г.), *зде* (Смол. гр. 1229 г.), *здрава* (Поликарпово ев. 1307 г.), однако и оставшиеся достаточно показательны: *здѣла, збудетса, збора* (Поликарпово ев. 1307 г.), *з дорогубужю* (Лавр. лет., 171 об.).

Вероятность того, что утрата слабых *ъ* и *ь* вела к образованию закрытых слогов в середине слова, подтверждают также те самые написания *ѣ* вместо *е* между мягкими согласными, которые были отмечены Л. Л. Васильевым и В. В. Виноградовым в новгородских памятниках и о которых уже говорилось раньше в настоящей работе.

Действительно, рассматривая эти написания, невольно обращаешь внимание на то, что основную их массу составляют примеры двух типов. Это, во-первых, слова со старыми сочетаниями типа **tъrti* (*дѣржите, тѣрние* и др.) и, во-вторых, слова, где *ѣ* вместо *е* пишется перед группой согласных, между которыми выпал *ь* (*мѣнши, дѣврми* и др.). Следовательно, буква *ѣ* писалась преимущественно тогда, когда гласная *е* стояла в слоге, который, согласно высказанному мной ранее предположению, стал после утраты слабого *ь* закрытым. Именно в закрытом слоге в наибольшей степени сказывалось на гласной *е* ассимилятивное воздействие окружающих ее мягких согласных, благодаря чему она изменялась в узкий звук и, сближаясь со своему звучанию и образованию с гласной *ѣ(ѣ)*, обозначалась иногда на письме буквой *ѣ*.

Написание *ѣ* вместо *е* относительно часто встречается еще в закрытых слогах, образовавшихся в результате утраты *ь* на конце слова, например: *вѣсъ, конѣць* и др. Таким образом, в преобладающем числе случаев написание *ѣ* вместо *е* падает на закрытые слоги. По сравнению с примерами употребления *ѣ* в закрытом слоге, количество примеров с той же буквой в открытом слоге (*дѣвать, изрѣче* и др.) невелико.

Количественное соотношение выделенных разрядов написаний удобно показать на примерах из Новгородского евангелия XIV в. Публ. библ. Ф. п. I. 17. Выбор именно этой рукописи вызван тем, что Л. Л. Васильев дал в своей статье практически исчерпывающий список написаний *ѣ* вместо *е*, имеющихся в евангелии, тогда как в исследовании В. В. Виноградова соответствующие примеры из

разных письменных памятников приводятся не полностью.

Итак, в закрытых слогах *ѣ* вместо *е* пишется:

1. В слогe перед утраченным конечным *ь*: *ѣвсь* «*vicus*», *конѣць* и др. — 10 примеров.

2. В сочетаниях типа **tѣrt*: *дѣржите*, *тѣрние* и др. — 33 примера.

К этим примерам можно прибавить три случая употребления на стр. 25 слова *бѣревно*. В первом из них «*ев*- написано по подчищенному». Сначала, видимо, было написано **бѣрен-* или *бѣрна* (из «исконного» *bъrvьna*), живая для писца форма с сочетанием **tѣrt*, где *ѣ* было фонетически оправдано положением в закрытом слогe. Затем это написание было подправлено в соответствии с оригиналом. Что же в нем было? Можно думать, или форма со вторым полногласием *беревна*, или — *бревна* из «исконного» *bъrvьna*⁴¹. В первом случае рукописное *бѣревна* — чисто графическая контаминация двух написаний *бѣвна* (или *бѣрна*) и *беревна*, во втором — контаминация двух диалектных производительных вариантов *бѣрѣвна* (*бѣрна*) и *бѣревна*. Остальные два случая написания *бѣревно* падают на ближайшие строки текста и могут объясняться стремлением к орфографической последовательности, проявление чего наблюдается в рукописи не один раз. Это сказывается, например, в написании *ѣ* вместо *е* в одной и той же основе, когда она повторяется на одной странице или в одном евангельском чтении, например: *дѣржати* 52, *дѣржити* 52 об., *одѣржанья* 52 об.; *скѣврнити* 53 bis, *скѣврняящая* 53; *сѣвршение* 73 об., *сѣвршити* 73 об.; *мѣдлеть* 103 об., *мѣдлѣщи* 103 об. Особенно показательно в этом отношении стечение на 25 строках столбца (стр. 40 об.—41) десяти примеров с основой *клен-*, в которых последовательно пишется *ѣ*: *кльнетьса* 40 об. и др., причем два раза даже перед твердой согласной: *кльньиса* 40 об., 41. Подобная тенденция выдерживать одинаковое правописание в ближайшем тексте делает неравноценными показания (информацию) различных написаний с *ѣ* вместо *е*. Поэтому такие «выдержанные» по своей орфографии примеры, пожалуй, осторожнее было бы считать за один. В таком случае во второй группе примеров окажется не 33, а 28.

⁴¹ Об «исконности» вариантов **bъrvьno* и **bъrvьvno* см.: А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, § 384, стр. 248.

3. *Ѣ* вместо *е* пишется в закрытом слогe перед утраченным не конечным *ь*: *мѣнши*, *днѣшняго* и др. — 21 пример, а если по только что изложенным соображениям считать за два примера написания 1) *мѣдлеть* 103 об. и *мѣдлѣщи* 103 об. и 2) *неправѣдныи* 84, *правѣднѣмь* 84 и *неправѣдному* 84 об., то вместо 21 примеров будет лишь 18.

Два случая написания *ѣ* вместо *е*: *ѣтѣрѣня* 47 об. и *внутрѣняя* 69 неясны, так как нельзя определить, как произошло в них суффиксальное *н*: долго или кратко, без чего нельзя решить вопроса о границах слога.

Прочие случаи употребления *ѣ* вместо *е* перед мягкими согласными приходится на открытые слоги. Их всего 16, если считать за один пример те, для которых можно подозревать стремление пишущего провести единообразие в правописании.

Таким образом, в Новгородском евангелии Публ. библ. F. п. I. 17 из 72 примеров в 56 *ѣ* заменяет *е* в закрытом слогe и только в 16 — в открытом. Это соотношение вряд ли случайно. Ведь закрытые слоги возникли в русском языке или перед утраченными редуцированными, или в старых сочетаниях типа **tѣrt*. Следовательно, их относительно было немного, и большая часть слогов была в языке открытой. Поэтому если бы на изменение *е*, происходившее под ассимилятивным воздействием мягких согласных, не оказывала влияния закрытость слога, то следовало бы ждать, что написаний *ѣ* вместо *е* в открытом слогe будет гораздо больше, чем в закрытом слогe. Иначе говоря, количественное соотношение случаев употребления *ѣ* вместо *е* в закрытых и открытых слогах должно быть по крайней мере обратным по сравнению с тем, что в действительности наблюдается в памятнике.

К этому следует добавить, что показательность некоторых примеров, где *ѣ* замещает *е* в открытом слогe, может быть поколеблена: написание в них *ѣ* может объясняться влиянием форм, в которых *е* изменялось в закрытом слогe. Так, *корѣня*⁴² могло получить свое *ѣ* от таких форм, как *кѣр'ѣн'*, *кѣр'ѣн'я*; *бещѣстенъ* 55 об. — от *ѣс'т'*, *ѣс'т'ю*; *дѣври* 7, 80 об., 139 об., *дѣвремъ* 4 об. — от *д'v'ѣр'*, *д'v'ѣр'ю* (ср. также *придѣврѣ* 92 об.); *празѣдень* 5 об.,

⁴² Любопытно, что в книжных отглагольных существительных на *ени*, хотя их много в рукописи, ни разу не встретилось *ѣ*.

10 об. — от *prav'ed'noj*, *prav'ednogo* и мн. др. (ср. на стр. 84: *неправѣднѣи*, *неправѣденъ*, *правѣднѣи*). Однако это не значит, что в открытом слоге гласная *e* вообще не изменялась. На ее изменение указывает ряд бесспорных примеров: *бѣсѣда* 92 об., *-у* 13, *-ы* 13, *дѣвять* 80 об., *възгрѣмѣ* 129 об., *изрѣче* 30 об., *клѣнеться* 40 об., 41 (по неск. раз), *скрѣжетъ* 32 об., *устрѣмися* 31.

В общем изменение *e* перед мягкими согласными может быть представлено следующим образом. Ассимилируясь следующей мягкой согласной, гласная *e* становилась более узкой, высокой по своему образованию. Это вело к сближению ее с гласной *ѣ* (*ѣ*). Звуковая близость гласной *e*, когда она стояла перед мягкими согласными и гласной *ѣ*, вызывала на письме отдельные (довольно редкие) описки: вместо буквы *e* писалась буква *ѣ*. Подобные ошибки делались преимущественно или в слоге, непосредственно за которым ранее выпала передняя редуцированная гласная *ь*, или в слоге, образованном старым сочетанием типа **tbrt*. Общим для этих слогов было то, что все они, будучи закрытыми, оканчивались на мягкую согласную. Ассимилирующее воздействие таких тавтосиллабических мягких согласных на предшествующее *e* было более сильным, чем гетеросиллабических согласных на стоящую перед ними гласную открытого слога. Отсюда значительное численное преобладание *ѣ* вместо *e* в закрытых слогах.

Так, известные особенности употребления буквы *ѣ* вместо *e* в некоторых письменных памятниках служат косвенным указанием на то, что поговорам (по крайней мере новгородским) еще XIV в. сохранилась произносительная модель слова, образовавшаяся в результате падения глухих. Одной из характерных ее черт было существование в середине слова закрытых слогов со слогоразделом на месте выпавших слабых *ѣ* и *ь* между согласной, закрывающей такой слог, и согласной, начинающей следующий. Наличие слогораздела между согласными, безусловно, в какой-то мере ограничивало возможность ассимилятивного воздействия второй гласной на первую и содействовало сохранению в непосредственном соседстве согласных, различающихся по звонкости и глухости или по мягкости и твердости. Сохранение именно таких групп согласных отражается в Новгородском евангелии Публ. библ. Ф. п. I. 17 и в других новго-

родских рукописях XIV в., в которых *ѣ* замещает *e* перед мягким согласным преимущественно в закрытых слогах.

Однако то обстоятельство, что *ѣ* замещает *e* между мягкими согласными главным образом в двух случаях: 1) в сочетании типа **tbrt* и 2) перед согласными, за которыми выпал *ь*, — может получить совершенно иное и, пожалуй, даже более простое объяснение. Л. Л. Васильев в своей работе, посвященной Новгородскому евангелию Публ. библ. Ф. п. I. 17, указывает, что в этом памятнике «буква *ѣ* вместо древнего *ь* встречается гораздо чаще, чем *ѣ* вместо древнего *e*». Действительно, *ѣ* вместо «древнего *e*» отмечено им «перед мягким слогом» всего шесть раз⁴⁸. Отсюда как будто бы можно сделать вывод, что в направлении к *e*(*ѣ*) изменялось между мягкими согласными не всякое *e*, а только то, которое получилось из *ь*. Но раз так, то написания с *ѣ* вместо *e* и должны были встречаться главным образом в сочетании типа **tbrt* и перед слогом с выпавшим слабым *ь*, потому что именно на эти позиции падает большая часть случаев, когда гласная *ь* была сильной и при «падении глухих» не исчезала, а изменялась в гласную полного образования *e*.

Несмотря на свою простоту, это объяснение все же представляется мне маловероятным. Чтобы его принять, надо допустить, что когда в древнерусском языке происходил процесс «падения глухих», то сильное *ь* не изменялось в *e*, а сохранялось в виде особой фонемы, отличной от *e* (и, конечно, от *ѣ*), передаваясь, однако, на письме буквой *e*. Ведь только звук, отличающийся от гласной *e* своим звучанием и образованием, мог изменяться в одинаковой с ней позиции при отсутствии изменения *e*. Однако такое допущение крайне трудно обосновать, даже если считать, что сохранение *ь* после «падения глухих» как особой фонемы было не общезыковым, а диалектным явлением. Современные говоры не только не знают подобной фонемы, но и не хранят никаких следов того, что когда-то после «падения глухих» она имела у них. Не говорю уже о том, что это объяснение вступает в противоречие со всем, что было известно до сих пор по истории редуцированных *ѣ* и *ь* в русском языке.

⁴⁸ Л. Л. Васильев. Указ. соч., стр. 160.

Кроме употребления *ѣ*, замещающего *е* из *ь* в некоторых новгородских рукописях XIV в., у нас нет никаких других указаний на сохранение фонемы *ь* после «падения глухих». Свидетельство это к тому же не прямое, а косвенное, которое вместе с тем, как видно из предыдущего, допускает и другое истолкование. Правда, в таком случае остался бы без ответа вопрос, почему в закрытых слогах *ѣ* заменяет почти исключительно то *е*, которое восходит к *ь*.

Надо сказать, что отмеченная ранее простота объяснения особенностей написания *ѣ* вместо *е* сохранением фонемы *ь* после «падения глухих» относительная. Дело в том, что новгородские памятники, знающие подобные написания, для открытых слогов имеют бесспорные случаи написания *ѣ* вместо *е* как из *ь*, так и из исконного *е*, ср. в Новг. ев. Публ. библ. Ф. п. I. 17 *ѣ* вместо *е* из *ь*: *клѣнеться* 40 об., 41, *скрѣжетъ* 32 об., *беѣстенъ* 55 об. и др.; *ѣ* вместо *е* из исконного *е*: *дѣвать* 80 об., *изрѣче* 30 об., *корѣния* 30 об. и др. Следовательно, в открытом слоге между мягкими согласными в направлении к *ѣ* изменялась как гласная, восходящая к *ь*, так и исконное *е*. В связи с этим естественно возникают разнообразные вопросы, например: почему исконное *е* изменялось только в открытом слоге, различалась ли эта гласная в открытых слогах с гласной, восходящей к *ь*, что представляла собой последняя по своему звучанию и образованию и др. Затрудняюсь дать на них удовлетворительный ответ.

Все сказанное склоняет меня остаться при традиционной точке зрения, по которой сущность процесса падения глухих заключалась именно в утрате редуцированных гласных как самостоятельных фонем, в том числе, конечно, и в утрате передней редуцированной *ь*, которая в сильном положении совпала с фонемой *е*. Чем же в таком случае объясняется любопытный факт, что написание *ѣ* вместо *е* перед мягкими согласными в закрытом слоге показано новгородскими памятниками почти исключительно примерами с *е* из *ь*? Так, в Новгородском евангелии Публ. библ. Ф. п. I. 17 примеров с *ѣ* на месте исконного *е* в закрытом слоге совсем нет, а в других памятниках они буквально единичны: *вѣць* 7 об., *одѣсну* (нередко) (Апостол XIV в. Погод. собр. № 14); *одѣсну* 243 об., 270 об., 228₂, *одѣсну* 270 об., *дѣсно* 236 об., *блюдитѣ*

273₂ (Сб. Публ. библ. Погод. собр. № 872); *вѣць* 80 (рукоп. XIV в., изд. в «Русск. Достоп.», ч. II); *дѣсно* 372 (Сб. до 1244 г. Публ. библ. Q 1 № 312); *вѣць* 215а (Новг. пролог XII—XIII вв., — Д. И. Абрамович. Соф. библ., т. II, № 1324), *вѣцью* 83 об.₂ (Новг. Тактикон Никона Черногорца 1397 г.). Надо, впрочем, принять во внимание, что материал из этих памятников опубликован в исследовании В. В. Виноградова не полностью.

Как бы ни отвечать на поставленный вопрос, необходимо при этом учитывать, что случаев написания *ѣ* в закрытом слоге на месте этимологического *е* с неизбежностью должно быть значительно меньше, чем *ѣ* на месте *ь*. Это обусловлено количественным соотношением в речи закрытых слогов с *е* из *ь*, с одной стороны, и *е* из *ь*, с другой. Первые встречаются значительно реже вторых. Приведу для иллюстрации сказанного некоторые данные из Добрилова евангелия 1164 г.⁴⁴ К сожалению, у меня не было возможности получить нужные сведения из текста Новгородского евангелия Публ. библ. Ф. п. I. 17. Однако для поставленной цели подходит любое апракосное евангелие.

Говоря о численном преобладании в закрытых слогах гласной *е* из *ь*, я имею в виду соотношение, которое обнаруживается в основах слова. Грамматические окончания не должны приниматься в расчет, так как в них, как показывает Новгородское евангелие Публ. библ. Ф. п. I. 17 и др. памятники, вообще не встречается написаний *ѣ* вместо *е*, независимо от того, какого происхождения гласная *е*, из *ь* или из *е*. Постоянство написания *е* в окончаниях в определенных случаях может быть связано с обобщением в них гласной *о* слов с твердой основой или же обобщением *о* перед отвердевшей согласной. Но в основном, как мне кажется, оно определяется тем, что окончания в качестве формального элемента слова очень часто на письме представляют собой орфографическую категорию, отличную от основ слов. Их написание легче обобщается в правила, которые обычно проводятся на письме с меньшими отклонениями, чем в основах. В особенности это относится к отступлениям от норм письма, в которых отра-

⁴⁴ Их сообщила мне О. В. Малкова, за что приношу ей глубокую благодарность.

жаются позиционные вариации фонем подобные тем, что показывают новгородские памятники написаниями ѣ вместо e между мягкими согласными.

Итак, уже было сказано, в основах, где только, по существу, и имеется передача e через ѣ , значительно больше наблюдается случаев с e из ѣ , чем с e из e . Так, в тексте Добрилова евангелия 1164 г. их соотношение таково: e из ѣ встречается в закрытых слогах 753 раза (из них в сочетаниях типа $*\text{tbrt}$ — 453 раза!), тогда как e из e — только 145 раз, т. е. первые встречаются более чем в пять раз чаще вторых.

Правда, в число последних не включен многочисленный разряд слов на $-ение$: отглагольные существительные типа *спасение* и собирательные типа *камение*. Это сделано на том основании, что у имен на $-ение$, употреблявшихся обычно в книжном написании и произношении с $и$ на месте слабого ь в суффиксе, суффиксальная гласная e находилась в открытом слоге⁴⁵. Показательно в этом отношении, что в Новгородском евангелии Публ. библ. Ф.п. I.17 буква ѣ вместо e в суффиксе $-ение$ встретилась только в не книжном, бытовом слове *корѣние* 30 об.⁴⁶ В обычной речи оно произносилось, конечно, без гласной $и$ в суффиксе и, следовательно, e было у него в закрытом слоге ($*\text{kor'en'ja}$). Именно такое произношение определило возможность написания в нем ѣ вместо e . Напротив, в книжных отглагольных именах, хотя в рукописи из слов на $-ение$ их подавляющее большинство, ни разу не встретилось написание с ѣ в $-ение$ — по всей вероятности, потому, что для них характерно было произношение, соответствующее их традиционному написанию.

Вероятно, на регулярности написания суффикса $-ение$ с e сказались также и то, что он, легко вычленившись в качестве формальной части слова, сближается в орфографическом отношении с окончаниями. А если это так, то по тем же мотивам из числа слов, у которых

⁴⁵ По тем же мотивам, естественно, не берутся в счет аналогичные примеры с e из ѣ , например *шестение* и некот. др.

⁴⁶ В. И. Борковский отмечает употребление слова *корѣнь* в бывш. губ. Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской, Пермской, Олонецкой, Новгородской, Псковской, Тверской, Калужской, т. е. преимущественно на территории севернорусских говоров («Синтаксис древнерусских грамот». Львовский ун-т, 1949, стр. 33).

можно ожидать описок в виде написания ѣ вместо e из исконного e , следует исключить слова с суффиксами $-тель$, $-тельство$. Слов с этими суффиксами в Добриловом евангелии — 78. Если их вычесть из 145, т. е. из общего числа слов с e между мягкими согласными в закрытом слоге, то останется меньше половины, а именно — 67 примеров. Отсюда по пропорции:

$$753 : 67 = 56 : x$$

$$x < 5,$$

где 753 — число примеров с e из ѣ в Добриловом евангелии, 67 — число с e из e там же, 56 — число написаний ѣ вместо e из ѣ в Новгородском евангелии, x — ожидаемое число написаний ѣ из e в том же памятнике.

Таким образом, для Новгородского евангелия Публ. библ. Ф.п. I.17 на 56 случаев написания ѣ вместо e из ѣ можно было бы ожидать примерно 4—5 случаев написания ѣ вместо e из исконного e . Однако их могло быть и меньше. Во-первых, потому, что число 4—5, как примерное, приблизительное, допускает возможность отклонений как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения. Во-вторых, указанное выше общее число примеров с e из e в закрытом слоге (67), весьма возможно, не отличается большой точностью. Уточненный список слов, дававших реальный повод для передачи e через ѣ , скорее всего оказался бы меньшим, а не большим. Надо было бы, например, определить, не способствует ли регулярности, постоянству написаний употребительность слов и форм или их стилистическая выразительность (например, таких слов, как *дѣщерь*, *седьмь* и под.), чтобы затем изъять из перечня. Его сокращение привело бы к пропорциональному уменьшению ожидаемого числа ошибочных написаний ѣ вместо e из e .

Так мог бы объясниться на первый взгляд парадоксальный факт, что в новгородских рукописях, отражающих в своей орфографии сужение гласной e перед закрывающей слог мягкой согласной, написания с ѣ вместо e из e или представлены единичными примерами, или же, как в Новгородском евангелии Публ. библ. Ф.п. I.17, вовсе отсутствуют (если, конечно, не читать примера *корѣние* 30 об. как $*\text{kor'en'ja}$).

Вернусь, однако, к вопросу об изменении гласной *e* перед твердыми согласными в книжных, церковных словах. В исследовании В. В. Виноградова здесь имеется одна неясность. А именно, остается нераскрытым, в каком отношении находится это изменение к изменению *e* перед мягкими согласными: был ли это один процесс или два различных процесса.

Скорее всего В. В. Виноградов думал о двух независимых процессах — одном, чисто позиционном, и другом, не обусловленном фонетическим положением, следовательно спонтанном. Сужу так на том основании, что для первого он указывает определенные фонетические условия изменения *e* («под ассимилирующим воздействием окружающих согласных»), а для второго — лексические («в церковных книжных словах»).

Между тем разъединять эти две категории случаев изменения *e* никакой необходимости не было. Они очень легко могли бы быть подведены под действие единого, общего для обеих категорий процесса, который можно представить так: всякое *e*, если оно ранее не изменилось в *'o*, изменялось в более узкую, закрытую гласную. Не изменялось же *e* в *'o* как раз перед мягкими согласными и в книжных, церковных словах. Другими словами, изменение *e*, отразившееся в некоторых письменных памятниках в виде отдельных написаний *ѣ* вместо *e*, было общим внепозиционным изменением этой гласной, которое коснулось ее везде, где она только произносилась, в том числе, конечно, и перед мягкими согласными.

Выигрыш от такого понимания двойкий. С одной стороны, этим достигается большая простота в изображении изменения гласной *e* — ведь предполагается не два различных процесса, а один общий для всякого *e*, и не две причины изменения, а одна. С другой стороны, делается более понятным, почему открытая гласная *e* становится закрытой перед твердыми согласными в книжных словах.

Обычно книжная лексика отличается от прочей своим фонетическим «консерватизмом», не всегда подчиняясь звуковым новшествам, появляющимся в языке, и сохраняя свое традиционное звучание. Если все же в ней происходят изменения звуков, то это как правило бывают не какие-нибудь свойственные только ей процессы, а общеязыковые, которые охватывают все слова языка,

в том числе и книжные. Не говорю в данном случае о совсем особых видоизменениях звукового облика книжной лексики, которые нередко наблюдаются в языке. Сущность их заключается в том, что книжные слова изменяют свое звучание, приспособляясь к сложившейся ранее общеязыковой произносительной модели. Именно так объясняется мягкость согласной *r* в книжных, церковных словах с сочетанием типа **tbrt*, на которую указывают новгородские письменные памятники, заменяя иногда *e* через *ѣ* перед согласной *p*, когда за ней следовала мягкая согласная или заднеязычная и твердая губная. Мягкость такого *r* в книжных словах признается и В. В. Виноградовым в его исследовании о *ѣ*. Это видно из того, что соответствующие примеры он помещает среди случаев написания *ѣ* вместо *e* перед мягкими согласными. Однако *r* и **tbrt* перед твердыми зубными согласными, хотя перед этим *r* также встречается замена *e* через *ѣ*, он считает твердым, видимо, разделяя общепринятое представление, что *r* в этом положении никогда не было мягким. Понятно, что при противоположной точке зрения смягчение согласной *r* перед твердыми зубными в книжных словах должно объясняться таким же образом, как и ее смягчение в прочих книжных словах с сочетанием типа **tbrt*, т. е. обобщением характерной для языка произносительной модели.

Предположение об особом звуковом изменении, ограниченном областью книжной лексики, мало правдоподобно, в особенности если это изменение к тому же спонтанного характера, не обусловленное фонетической позицией. Поэтому единственная возможность спасти положение о твердости согласных, перед которыми в книжных словах гласная *e* становилась более узкой, заключается как будто бы в том, чтобы рассматривать это изменение, как уже говорилось, в качестве одного из проявлений общего спонтанного процесса, которому подчинялось всякое *e*, не изменившееся в *'o*. На самом же деле и это теоретически более допустимое объяснение встречается на пути своего признания одно трудно преодолимое препятствие. Дело в том, что предполагаемое внепозиционное изменение *e* в направлении к *ѣ*, которое привело даже к ошибочным написаниям *ѣ* вместо *e*, представляет собой в фонологическом плане процесс частичной, неполной нейтрализации двух фонем. Фо-

немы *e* и *ё* в результате такого процесса должны были стать более близкими по звучанию, менее различаемыми. Подобное изменение также очень маловероятно. Подчеркиваю, маловероятно именно как изменение, позиционно не обусловленное, если только при этом, конечно, не предполагать воздействия какого-нибудь субстрата, для чего, как мне кажется, в данном случае нет никаких оснований. Обычно в языке наблюдаются внепозиционные фонетические процессы, которые ведут, напротив, к большему различию фонем по звучанию.

Все эти затруднения, возникающие при предположении, что гласная *e* изменялась в книжных словах перед твердыми согласными, снимаются, если допустить, как это и было сделано в настоящей работе, что эти согласные были не твердыми, а мягкими.

Следует к тому же указать, что не все слова, в которых наблюдается замена *e* через *ё* перед губными согласными, действительно являются книжными. Некоторые из них, бесспорно, принадлежат к исконной восточнославянской лексике. Сюда относятся примеры: *тёмно* (Новг. ев. Публ. библ. Ф.п.1,17, л. 27, 69), *тёмныхъ* (Сб. до 1422 г. Публ. библ. Q 1 № 312, л. 271 об.), *зёрно* (Новг. ев. Публ. библ. Ф.п.1,17, л. 39, 40 об.), *смёрда*, *смёрдъ* (Новг. гр. 1304—1305 г. № 9), *смёрдъ* (Новг. гр. 1305—1308 г. № 6), *мёртвымъ* (Мус.-Пушк. сб. 1414 г., л. 29¹⁸⁻¹⁹). К ним можно присоединить также слово *персть*, ср.: *пѣрьстомъ* из Новг. ев. Публ. библ. Ф.п.1,17, л. 49. Употребление его в письменных памятниках, как убедительно показала М. А. Соколова, изучавшая историю этого слова, «дает достаточные основания для того, чтобы считать существительное *персть* словом русским — словом, которое, без сомнения, в период XI—XVI вв. входило в основной словарный фонд языка»⁴⁷. Встречающиеся в современных говорах такие производные глаголы, как *вперститься* «вцепиться во что-нибудь, ухватиться за что-нибудь», *выперстить* «вырвать из рук, отнять»⁴⁸, бесспорно, только подтверждают

⁴⁷ М. А. Соколова. Из истории слов основного словарного фонда русского языка. «Докл. и сообщ. Ин-та языковедения АН СССР», 1952, № 2, стр. 19.

⁴⁸ В. Волоцкий. Сборник материалов для изучения ростовского (Яросл. губ.) говора. «Сб. ОРЯС», 1902, т. LXXII, № 3, стр. 24.

мнение М. А. Соколовой об исконной принадлежности слова *персть* русскому языку.

Чем же объясняется замена *e* через *ё* в этих словах и почему вообще они имели гласную *e*, а не *о* перед твердой зубной согласной, раз они не были книжными, церковными словами? В. В. Виноградов объясняет это «книжным церковным произношением соответствующих слов». Из перечисленных слов такое произношение, по его мнению, имели: *мёртвымъ* (Мус.-Пушк. сб. 1414 г., л. 29) и *тёмныхъ* (Сб. до 1422 г. Публ. библ. Q 1 № 312)⁴⁹. К ним следовало бы отнести и *пѣрьстомъ* (Новг. -ев. Публ. библ. Ф.п.1,17, л. 49), но в исследовании В. В. Виноградова оно опущено, так же как примеры на слово *зёрно* (л. 39, 40 из того же памятника).

Предложенное объяснение мне кажется искусственным. Совершенно непонятно, почему именно на этих словах отразилось церковно-книжное произношение, и в особенности на таких, как *зерно*, *мертвый*, *темный*. Правда, для прилагательного *темный* В. В. Виноградов приводит примеры из говоров, которые показывают, что диалектально в *темный* произносится *e*, а не *о*. Однако все равно остается без ответа вопрос, почему в литературном языке, который испытал наибольшее воздействие церковно-книжного произношения, это слово имеет *о*, тогда как в говорах, на которые влияние церковного языка было в целом слабым, оно произносится с гласной *e*. При этом в отдельных говорах наблюдается довольно своеобразная картина. Так, в говоре села Красногорского, Вятской губ., Котельнич. у.⁵⁰, на который ссылается В. В. Виноградов, по указанию местной учительницы произносят с *e* вместо *ё* слово *темный*, но вместе с тем «*e* вместо *ё*» отмечено в говоре и в *черный*, *чёрноё*. Следует ли и здесь видеть влияние церковного произношения? Но если это влияние на говор было так значительно, что ему подчинились простые бытовые слова, то почему наряду с этим в с. Красногорском произносят «*нёбо* вместо *небо*, *крѣст* вместо *крест*», т. е. влияния церковного произношения в его языке избежали

⁴⁹ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 400.

⁵⁰ «Материалы для изучения великорусских говоров», V, № 33. «Ив. ОРЯС», 1898, т. III, Приложения, стр. 10—11.

именно те слова, которые, в силу своей связи с религиозными представлениями, утвердились в литературном языке в церковно-книжном звучании с гласной *e* вместо *o*. Получается так, что в словах, где можно было бы ждать воздействия церковного произношения, его нет, и наоборот, оно обнаруживается в таких словах, в которых, казалось бы, его не должно было быть.

Еще искусственной объяснение, предложенное В. В. Виноградовым для написаний слова *смерд*: *смѣрда*, *смѣрдѣ* (Новг. гр. 1304—1305 г. № 9), *смѣрдѣ* (Новг. гр. 1305—1308 г. № 6). Ссылаясь на современное произношение его с *e*, а не *o*, он пишет: «Как презрительная кличка подлых людей, это слово в устах высших классов приняло церковно-славянскую звуковую окраску»⁵¹. Трудно себе представить, чтобы презрительная, можно даже сказать, бранная экспрессия стала выражаться в слове средствами, свойственными высокой церковно-славянской лексике. Скорее в данном случае надо бы ждать, что слово *смерд* как «презрительная кличка» получил в устах представителей высших классов утрированно диалектное звучание, ср. в жаргоне современных «стиляг» презрительное «эх, ты д'ар'бн'а».

Итак, если все же придерживаться взгляда, что изменение гласной *e*, отразившееся в передаче ее на письме через *ѣ*, могло происходить также и перед твердыми согласными, придется считать, что оно не ограничивалось кругом церковно-книжной лексики, а распространялось и на «чисто русские, народные слова». Тогда отпала бы печальная необходимость насильственно втискивать последние в рамки книжного церковного словаря. Вместе с тем это с неизбежностью привело бы к заключению, что в речи писцов новгородских памятников, где иногда вместо *e* пишется *ѣ*, в таких русских словах, как *зерно*, *мертвый*, *перст*, *смерд*, *темно*, *темный* и других им подобных, произносилось не *o*, а *e*. Объяснить в них отсутствие перехода *e* в *o* нетрудно. Оно объясняется, бесспорно, все той же мягкостью согласных, перед которыми находилась гласная *e*, но только мягкостью не современной памятникам письменности, исследованным Л. Л. Васильевым и В. В. Виноградовым, а более ранней.

Свидетельство письменных памятников в пользу того, что во время после «падения глухих» сохранялась мягкость согласной *r'* перед твердыми зубными согласными в словах, где было сочетание типа **tbrt*, можно подкрепить данными современных русских говоров. Они вместе с тем служат дополнительным доказательством того, что отразившееся в рукописях в виде написания *ѣ* вместо *e* изменение гласной *e* перед *r'*, за которым следовала твердая зубная согласная, было вызвано не церковным, книжным характером слова, а мягкостью согласной *r'*.

Мне неизвестны современные говоры, в которых мягкость *r* из старых сочетаний типа **tbrt* сохранилась бы не только перед задненебными и твердыми губными согласными, но также и перед твердыми зубными. Однако если в настоящее время таких говоров нет, то можно с уверенностью утверждать, что они существовали и относительно поздно изменили свое старое состояние. На это указывают, кстати опять-таки косвенным путем, имеющиеся в говорах следы былой мягкости согласной *r'* перед твердыми зубными.

Здесь я имею в виду произношение гласной *e*, а не *o* перед отвердевшим *r'*. Такое произношение в положении, когда за *r* следуют задненебные и твердые губные согласные, как известно, свойственно не только литературному языку, но и очень многим русским говорам. Но в некоторых говорах *e* вместо ожидаемого *o* произносится также и в том случае, когда твердая согласная *r* стоит перед твердыми зубными. Сведения о таких говорах, к сожалению, крайне немногочисленны и случайны.

Указание на былую мягкость *r* перед твердыми зубными согласными в словах со старым сочетанием типа **tbrt* можно извлечь из одной из самых ранних работ по русской диалектологии — из статьи В. И. Даля «О наречиях русского языка»⁵². Описывая в ней «приметы новгородского наречия», — а к нему, по Далю, «надо причислить: Новгород, Тверь, Питер, Олонец, Архангельск, Вологду, отчасти Кострому и даже нижегородское Заволжье, Вятку и Пермь» (стр. XLIV), — он одной из примет этого наречия считает то, что «звук *e* местами не так часто переходит в *ѣ*, как в восточном наречии:

⁵² В. И. Даль. О наречиях русского языка. «Толковый словарь живого великорусского языка», т. I. Изд. 2. СПб., 1880, стр. XXXII—LXX.

⁵¹ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 390, прим.

ты ведёшь, мы ведём, ты смѣешься, жѣнка, чѣрный; в этих и других словах, — замечает В. И. Даль, — произносятся *e*, а не *ё*» (стр. XLV). Последний из приведенных им примеров — прилагательное *чѣрный* — свидетельствует, что среди севернорусских говоров «новгородского наречия» есть говоры, которые сохраняют следы мягкости *r* перед твердыми зубными согласными в виде отсутствия перехода перед ними *e* в *о*. Позднейшие диалектологические наблюдения подтвердили сообщение В. И. Даля. Произношение прилагательного *чѣрный* с «*e* вместо *ё*», как уже говорилось (стр. 81), отмечено было, например, в Котельнич. у. Вятской губ. То же, что формы типа *ведёшь, ведём* достаточно широко распространены на территории «новгородского наречия», наглядно показывает опубликованная Р. И. Аванесовым⁵³ диалектологическая карта «форм 2 и 3 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч. глаголов типа *пеку* — *печешь*».

Среди отмеченных А. А. Потебней в Вельском у. Вологодской губ. случаев произношения *e* вместо *о* перед твердыми согласными оказываются примеры со старыми сочетаниями типа **tʁt*, в которых *r* находится перед твердой зубной согласной. «Остается *e* ударяемое, — пишет А. А. Потебня, — не только перед мягкими но и перед твердыми в случаях, которых определить не можем: ... Вельск. *чѣрный* и *чѣрный*, *желтые*, *колесчатой*, *дрессвице*, *дожем* (дождем), *бьем*»⁵⁴. Для того же Вельского у. он приводит и другие примеры на отсутствие перехода *e* в *о* — под ударением: «*мертво*, *чѣрпают*, *пошеу* (пошел)» (стр. 80) и в предударном слоге: «*по чѣрну смородину* (и *по чѣрну*)» (стр. 79). Однако сам же А. А. Потебня указывает на недостаточную надежность приведенного им материала (из Этн. Сб. V). «Неудовлетворительность того, что сказано нами об *e*, — замечает он, — в значительной степени извиняется небрежностью или незнанием собирателей народных памятников». Даже в том случае, когда эти собиратели

⁵³ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. I. М., 1949.

⁵⁴ А. Потебня. О звуковых особенностях русских наречий (Два исследования о звуках русского языка). Воронеж, 1866, стр. 78; см. также: Н. Белоруссов. Об особенностях в языке жителей Вологодской губернии. — РФВ, 1887, т. XVIII, № 3—4, стр. 14 — здесь перепечатан материал из работы А. А. Потебни.

«решились записывать так, как говорят», они «не в состоянии поступать согласно с этим решением. Встречаются, напр., на одной и той же странице *чѣрный* и *чѣрный* и т. д., и не знаешь, колебания ли это народного говора, или ошибка записывателя» (стр. 86).

Сошлюсь также на указание В. Волоцкого, что в ростовском (Ярославской губ.) говоре «*e* под ударением произносится как *e*, напр. *дѣрнуть*, *щелочка*, *замёрзнуть*, *самолет*, *тетерька*, но не *дѣрнуть*, *щѣлочка*, *замѣрзнуть* и пр.»⁵⁵. Хотя в перечне слов с ударяемой гласной *e*, не изменившейся в *о*, В. Волоцкий и перемешал различные случаи, но два из них: *дѣрнуть* и *замёрзнуть* относятся к словам со старыми сочетаниями типа **tʁt*, где согласная *r* находится перед твердыми зубными. Что подобные слова произносились в ростовском говоре с гласной *e*, подтверждает и составленный В. Волоцким словарь, где находим: *дѣрнуть мочки*, *обѣртыш*, *повѣрток*, *повѣртки*, *чѣрный*, но *бѣрдо*, *свѣрточек*. Автор в своем словаре довольно тщательно проводит различие в обозначении ударяемых гласных *e* и *о* посредством букв *e* и *ё*. Поэтому, мне кажется, можно вполне доверять его написаниям приведенных слов.

К сожалению, в словаре В. Волоцкого нет такой же тщательности в передаче предударных гласных *e* и *о*. Обычно он пишет в предударном слоге букву *e* (ср. *гребло*, *звено*, *коренушка* и др.), несмотря на то, что сам говорит, что «*e* неударяемое в большинстве случаев произносится как *ё*, после шипящих же, а иногда и зубных, как *о*: *вѣвать*, *хлѣбать*, *лѣжи*, *зѣрно*»⁵⁶ и др. Поэтому нельзя доверять таким написаниям, как: *вертулуг*, *дѣрнуций гребень*, *дѣрнулья*, *поверстаться*.

Такое же мягкое *r* перед твердыми зубными известно говорам Смоленщины. Об этом можно судить на основании авторитетного свидетельства П. А. Расторгуева. По его наблюдениям, в Смоленщине «в употреблении *о* вместо ударяемого *e* перед согласными, отвердевшими позднее — шипящими, *ц* и *р*, живые говоры не представляют единства: здесь, с одной стороны, имеем: *ад'ѣжъ*, *зам'ѣрс*, *л'ап'ѣшкъ*, *м'ѣрзнуть*, *н'зав'ѣш*, *найд'ѣш*, *т'ѣйтъ* и т. д., а с другой — *ад'бжъ*, *зам'брс*, *л'ап'бшка*, *м'брз-*

⁵⁵ В. Волоцкий. Указ. соч., стр. 7.

⁵⁶ Там же.

нуть, н'зав'би, найд'би, т'бийъ и т. д. или чередование случаев с е и о: т'ейъ и т'бийъ, см'ёрс, но м'брзнуть, ад'эжъ и ад'бжъ, куйёш, но н'ис'би, в'ид'би и т. д.»⁵⁷. Эти наблюдения подтверждаются наблюдениями других лиц: «В рукописных материалах АН БССР наблюдается отсутствие звука о на месте ударяемого е перед согласными, отвердевшими позднее...: зам'ёрзнут', т'ейу»⁵⁸.

Необходимо вместе с тем отметить, что рассматриваемая здесь черта представляет собой явление исчезающее. «В говоре грамотных бывалых людей, — замечает П. А. Расторгуев, — е в этих условиях встречается редко; часто оно в говоре женщин. Например, весьма редки случаи с е в таких условиях в говоре крестьянина В. Ф. Шалыгина (Ополье), тогда как у его матери и дочери они весьма часты. Редки они и в говоре И. И. Прозвицкого (с. Белоручье), П. П. Сычева (Ямская Слобода), когда последний следит за своей речью...; наоборот, в говоре крестьянок из сел. Гряжева и Пушкина или у крестьянки Ф. А. Мариенковой (с. Каспля) они довольно часты»⁵⁹. Интересно, что даже у лиц, которым свойственно произношение с гласной е, оно не проводится последовательно. Такое произношение встречается, по словам П. А. Расторгуева, «часто», «довольно часто» или даже «весьма часто», но не всегда, когда его можно было бы ожидать. И все же остается неясным, что собственно подразумевает он, говоря о частоте произношения е перед отвердевшими согласными, в частности перед г, за которым следовали твердые зубные. Имеет ли он в виду то, что в речи соответствующих лиц сохраняется еще относительно много слов с гласной е, не изменившейся в 'о, или же то, что в речи этих лиц одни и те же слова преимущественно произносятся с гласной е, а не 'о. Скорее всего в говоре было и то, и другое. Вместе с тем вряд ли можно думать, что в нем сохранилось очень большое число слов с такой гласной.

Сведения о смоленских говорах, сообщаемые П. А. Расторгуевым, в какой-то мере могут быть пополнены мате-

⁵⁷ П. А. Расторгуев. Говоры на территории Смоленщины. М., 1960, стр. 33.

⁵⁸ Там же, стр. 33.

⁵⁹ Там же.

риалами из «Смоленского областного словаря» В. Н. Добровольского⁶⁰. Приведу этот материал.

Слова с гласной е перед г, за которым следует твердая зубная согласная:

бёрдышь «топор для войны».

дёрнуть (стр. 166): ион дёрнуў за руку, дёрнуло жь минё яму сказать ёта, нялегкая мине дёрнула; но также и *дёрнуть* (стр. 189), см. ниже.

жёрдака «жердь»: жёрдака пиряломится.

жёрста, жерства «жертва»: пчолы жёрству у храм божий приносятъ.

жертвовать: ион мужик прибагатина и многа жерствуить у храм божий.

зерны, см. *зерно*: дедовы зерны (кольшки).

зёрнышко: зёрнушка сухая.

мёртвый «покойник»: мертвый живова есь, мертвым хуть варота подапри.

обёрнутый: горшок абёрнутый.

перст.

пожёртовать: пожёрствовали на церкыў бярэвня.

скверность: нильзя им ни прайдить, ни праехать за ўсякыю скверностию; см. также *сквернысть* с отсылкой к *пгань*, где пример: мая душинька натерпелася сквернысти, голыду и холыду и усякий пгани (стр. 616).

смёртынька: ну, позволь мне, гаспожа смёртынька, хуть раз прайтись на маем садику; см. также: уменьш. имя *смёртушка* под заглавным словом *смерть*.

чвертка «две меры»: чвэртка и чвертка, а ету чвэртку пумяли.

чертов: чертова теща, но также и *чортов* см. ниже.

Слова с гласной ё перед г, за которым следует твердая зубная согласная:

бёрда «часть кросен».

дёрзкий: гад дёрзкий, ион малый дёрзкий.

дёрнуть: дёрнуло жь мине — сказать, дёрнула нелегкая (стр. 189), см. также: *дёрнуть*.

обмёрлый: пусти у ваду обмёрлую рыбу. Ср. также: сродычи яго пирямёрли — под заглавным словом *обмёрший*.

осёрдак «сердцевина капустной хряпки».

⁶⁰ В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

падпёрло «раздуло»: падпёрла пьд баки — ни магу дьхаць.

падцёр, см. *подтереть*: падцёрли бабы палы, падцёр нос, падтёрла хвост.

распёрло: во каво распёрла, дак распёрла.

умёр, см. *умереть*: умёрла дочь пятёх гадкоў, умёрли, батька умёр; ср. также *умёртвый*, см. *умерший*: ня умёртвый «не умерший», но ср.: ня умёртвому гроб делают.

чорт, *чортов* — много примеров.

В «Смоленском областном словаре», как видим, содержится значительное число слов с гласной *e* перед твердой *r* из сочетания **trt*. Можно вполне довериться записям В. Н. Добровольского. Напомню, что в свое время А. А. Шахматов характеризовал их как «превосходные». Они, кстати, позволили ему впервые выделить и описать диссимилятивный тип аканья и яканья⁶¹.

Конечно, следует при оценке записей, представленных в словаре В. Н. Добровольского, учитывать, что они относятся не к одному, а к разным говорам на территории Смоленщины, затем, что некоторые слова в словаре, теоретически говоря, могли бы быть обязаны произношением *e* перед *r* влиянию церковно-книжного или литературного языка, см., например, такие слова, как *жерста*, *жерства* «жертва», *жертвовать* (видимо, описка или опечатка вместо *жертвовать*), *скверность*; наконец, что в словаре часто наблюдаются случаи непоследовательности в транскрипции, «орфографизмы» и описки или опечатки. Несмотря на все это, для Смоленщины оказывается зарегистрированным все же довольно значительный реестр слов с *e*, не переходящим в *o* перед *r* из сочетания **trt* в положении перед твердыми зубными; это свидетельствует о том, что среди смоленских говоров имеются такие, в которых это *r* отвердело относительно поздно.

К приведенным свидетельствам старой мягкости *r* перед твердыми зубными в словах с исконным сочетанием типа **trt* можно присоединить еще одно, правда не такое наглядное и убедительное, как предыдущие.

⁶¹ А. А. Шахматов. Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров. — РФВ, 1896, т. XXXVI, № 3—4, стр. 60—99; 1897, т. XXXVIII, № 3—4, стр. 172—209.

Это любопытный материал, который содержится в комментариях к картам «Атласа русских говоров к востоку от Москвы»⁶². Здесь в комментарии к карте № 15, на которой показано территориальное распространение «гласного *o* или *e* под ударением после мягких согласных перед твердыми в корнях слов», приводятся зарегистрированные в отдельных населенных пунктах случаи отклонения от свойственных им общих норм произношения этих гласных. Понятно, что для говоров, где нормой является произношение гласной *o* из *e* перед твердой согласной, в комментарии отмечаются встретившиеся примеры с гласной *e*.

Рассматривая материалы комментария, невольно обращаешь внимание на то, что среди случаев произношения с гласной *e* вместо ожидаемого *o* оказывается довольно большое число примеров, где гласная *e* находится перед твердым *r*, за которым следует твердая зубная согласная.

Согласно материалам атласа примеры на произношение гласной *e* вместо ожидаемого *o* встретились в 43 населенных пунктах, подвергшихся диалектологическому обследованию. Из них в 16 отмечены примеры на *e* из *o* старого сочетания **trt* с согласной *r* перед твердой зубной, следовательно, более чем в одной трети селений.

Такое *e* представлено в целом ряде основ, причем, что очень важно, так как этим исключается случайность записи, некоторые основы с гласной *e* перед *r* зарегистрированы не в одном, а в двух и более селениях. Таковы основы: *з'ерн* — *з'эрны* (д. Золино Горьк. обл. Володар. р.), *з'ернышками* (Зубцово Моск. обл. Загор. р.), *з'ернышкоф* (с. Новоселки Иванов. обл. Гаврилово-Посад. р.), *з'эрнушку* (с. Печерники Ряз. обл. Михайлов. р.); *м'ерз* — *м'эрзну*, *зам'эрзла* (с. Богородское Владим. обл. Небылов. р.), *зам'эрзнут* (с. Разнежье Горьк. обл. Воротын. р.), *зам'эрс* (д. Астахово Владим. обл. Курлов. р. и д. Петровское Ряз. обл. Коровин. р.); *т'ер* — *ист'эрла* (д. Бильдино Владим. обл. Юрьев-Польск. р.), *пот'эрла* (с. Крутицы Иванов. обл. Гаврилово-Посад. р.); *в'ерст* (с. Скрипино Владим. обл. Меленков. р., с. Мотызлей Горьк. обл. Вознесен. р., с. Мокрая Поляна Пензен.

⁶² «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». Вступительные статьи, справочные материалы и комментарии к картам. М., 1957.

обл. Николо-Пестров. р.). Наряду с ними отмечены и единичные примеры: *прод'ёрнут* (д. Яковцево Иванов. обл. Гаврилово-Посад. р.), *отс'ёрнут* (д. Молодайка Моск. обл. Коломен. р.), *отп'ёрта* (с. Костенёво Ряз. обл. Чучков. р.).

Приведенные данные из письменных памятников и современных говоров, свидетельствующие о том, что в русском языке после «падения глухих» согласная *г* какое-то время была мягкой во всех словах, где было старое сочетание типа **tbrt* (*z'er'no*, *c'er'kov'*, *p'er'voj*), в общем не очень многочисленны. Однако как бы мало ни служат надежным основанием для утверждения, что во время, предшествующее «падению глухих», древние восточнославянские говоры переживали процесс общего смягчения согласной *г* в положении после «тавтосиллабической» редуцированной переднего ряда *ь*. Смягчение *г* происходило в силу действия тенденции к слоговому сингармонизму, которая продолжала действовать в древних восточнославянских говорах (в общерусском языке) после того, как они обособились от других славянских говоров.

Что тенденция к слоговому сингармонизму еще имела силу в общерусском языке, показывают хотя бы такие фонетические процессы этой эпохи, как смягчение согласных перед гласными переднего ряда до полной мягкости или изменение гласной *е* в *о*, а редуцированной гласной переднего ряда *ь* в *ъ* перед лабиовелярной согласной в сочетаниях типа **telt* и **tblt*. Особенно показателен процесс изменения сочетаний типа **tblt* в **tblt*.

Сочетание типа **tblt* по своему фонетическому строению было чрезвычайно близко к сочетанию типа **tbrt*: в обоих сочетаниях слог с редуцированной гласной переднего ряда *ь* закрывался твердой сонорной согласной. Следовательно, строение этих сочетаний не отвечало ни принципу слогового сингармонизма, ни принципу открытости слога. Это вело к их изменению. Естественно поэтому, что изменение, вызванное одними и теми же причинами и приводившее к одинаковым результатам: устранению асингармонизма и закрытости слога — происходило одновременно, т. е. изменение **tbrt* в **tbr't*, так же как и изменение **tblt* в **tblt*, принадлежало эпохе общерусского языка.

По тем же соображениям трудно допустить, чтобы изменение в сочетаниях типа **tbrt*, устранявшее асингармонизм слога, не распространялось на случаи, когда *г* находилось в положении перед твердой зубной согласной следующего слога. Эти случаи были бы малоопытными отклонениями от сложившейся в языке общей произносительной модели слога.

Свидетельство рукописей XIV в. (Новг. ев. XIV в. Публ. библ. Г. п. I. 17 и др.) и некоторых современных русских говоров о существовании в русском языке мягкого *г* перед твердой зубной согласной в эпоху после «падения глухих» как нельзя лучше подтверждают общие соображения относительно отсутствия каких бы то ни было фонетических ограничений общерусского процесса смягчения *г* в сочетаниях типа **tbrt*.

После «падения глухих», прекратившего действие тенденции к слоговому сингармонизму, в восточнославянских говорах не существовало реальных фонетических условий для смягчения согласных перед твердыми согласными. Не было таких условий и для *г* в словах, где ранее произносились сочетания типа **tbrt*, причем не только тогда, когда такое *г* находилось перед задненебными (**c'er'kov'*) и твердыми губными (**p'er'voj*), но и при положении *г* перед твердыми зубными (**z'er'no*). Поэтому все следы былой мягкости *г* из **tbrt* перед твердыми зубными, какие обнаруживаются в современных русских говорах или памятниках письменности, свидетельствуют не о каком-то фонетическом процессе, пережитом отдельными русскими говорами после «падения глухих», а об остатках старого звукового явления, характерного для звуковой системы восточнославянских говоров до «падения глухих».

Нет ничего удивительного, что следов этого явления в русских говорах сохранилось крайне мало. Пожалуй, более странным было бы, если бы, наоборот, их было много. Русские говоры относительно рано пережили процесс ассимиляции мягких зубных согласных следующим твердым зубным. Правда, этот процесс вряд ли происходил одновременно на всей территории, занятой русскими говорами. Должен был произойти известный и скорее всего не такой уж маленький срок, пока он охватил все говоры. Однако все же с момента отвердения мягких зубных перед твердыми прошло достаточно

времени, чтобы в языке стерлись следы бывшей мягкости *г* перед твердыми зубными. Этого тем более можно было ожидать, что следы мягкости, о которых идет речь, — произношение гласной *е* вместо *о* перед отвердевшими зубными — вообще-то могли бы быть представлены лишь очень небольшим числом основ. Понятно, что одни из них с течением времени легко могли быть вовсе утрачены языком, а другие — подчиниться более привычной производительной модели.

Нет также ничего удивительного и в том, что следы мягкости *г* перед твердыми зубными, образовавшейся в общерусском языке в сочетаниях типа **tʹrt*, сохранились только в русском языке. Достаточно в связи с этим вспомнить, с одной стороны, особое место, которое занимает по отношению к процессу перехода *е* в *о* украинский язык, и, с другой, отличную от русского языка судьбу мягкого *г* в белорусском языке, где рано произошло общее отверждение мягкого *г*, чтобы представить себе, как мало имеется шансов встретить подобные следы в этих языках. Вместе с тем вслед за А. А. Шахматовым на основании показаний угрорусских (закарпатских) говоров украинского языка, сохранивших мягкое *г* перед заднебными и твердыми губными согласными, необходимо признать, что смягчение *г* в сочетаниях типа **tʹrt* было в общерусском языке не диалектным, а общезыковым процессом, остатки которого сохранились на севере и на юге восточнославянской языковой области.

Post scriptum. По чисто личным обстоятельствам я ознакомился со статьей В. В. Колесова «Новый *ѣ* в рукописях новгородского происхождения»⁶³ лишь после того, как настоящая работа была уже написана. Автор дает иное, чем я, объяснение спорадической передаче *е* через *ѣ* в новгородских рукописях. Он считает, что она отражает «новый *ѣ*» в древненовгородских говорах, который «появлялся из *ь* (> *е*) под ударением в постоянно закрытом слого, образовавшемся после падения глухих» (стр. 137—138). Доказательства, приводимые В. В. Колесовым в пользу этого положения, мне кажутся неубедительными. Не вступая в полемику, укажу лишь, что

русские говоры не подтверждают его мнения, так как среди них нет таких, которые бы имели «новый *ѣ*» из *ь* в закрытом слого или сохраняли бы какие-нибудь следы его существования в прошлом. Напрасно поэтому В. В. Колесов ссылается на «более поздние наблюдения», в свете которых будто бы «еще яснее стала зависимость между *и* из *ѣ* исконного и *и* из нового *ѣ*» (стр. 138). Статья Д. И. Алексеева, посвященная вопросу о диалектном изменении ударяемого *е* в *и* перед мягкими согласными⁶⁴, которую в данном случае имеет в виду В. В. Колесов, не помогает ему, так как посвящена говорам, где под ударением подобно *ѣ* изменяется в *и*, во-первых, гласная не только из *ь*, но и из исконного *е*, во-вторых, она изменяется не только в закрытом слого, но и в открытом, в-третьих, не перед любой согласной, а только перед мягкой *и*, наконец, не в новгородских, а во владимиро-поволжских говорах. То же можно сказать и о более ранних диалектологических наблюдениях.

Кроме того, по наблюдению Д. И. Алексеева, для говоров, где ударяемое *е* изменилось в *и* перед мягкими согласными, «характерно отсутствие перехода перед отвердевшими шипящими *ц* и даже перед *ч*, отвердевшим не во всех говорах» (стр. 75—76). Это, конечно, указывает на сравнительно позднее время изменения *е* в *и*. Однако еще важнее другое.

О подобном же изменении *е* в *и* в отдельных селениях Калининской области С. А. Копорский высказал предположение, что оно получилось в результате взаимодействия говоров. По его словам, «представители Владимирско-Поволжской группы говоров», передвинувшись в начале XVII в. на запад на опустевшие в результате разорения земли Тверского края, «столкнулись с северным типом произношения старого *е* (ять) *и*, усвоив произношение старого *есть* как *исть*, распространили его на всякое *е* в положении между мягкими»⁶⁵. Несмотря на то, что Д. И. Алексеев забраковал это объяснение,

⁶⁴ Д. И. Алексеев. Об одной фонетической особенности владимиро-поволжских говоров (О переходе *е* в *и* под ударением). «Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та», 1954, вып. 12, стр. 52.

⁶⁵ С. А. Копорский. Архаические говоры Осташковского района Калининской области. «Уч. зап. Калининского пед. ин-та», 1945, т. X, вып. 3, стр. 13—14.

⁶³ «Вестник ЛГУ», 1961, № 14.

заявив, что оно «промарристского толка» (стр. 66), мне оно кажется весьма вероятным. Думаю, что его можно распространить на переход *e* в *и* и в других говорах и в первую очередь в говорах Среднего Поволжья. Такой вывод сам собой напрашивается из работы самого же Д. И. Алексеева.

Так, в ней сообщается, что «известны только изолированные говоры с *e* → *и*» (стр. 75). Отсюда прежде всего следует заключить, что диалектное изменение ударяемого *e* в *и* перед мягкими согласными не было общим процессом, одновременно охватившим все соответствующие говоры. Это были чисто местные, локально ограниченные изменения, протекавшие в отдельных говорах независимо друг от друга и, конечно, совсем не обязательно в одно и то же время.

Однотипность этих изолированных изменений была, несомненно, обусловлена общностью способствовавших им условий. Однако условие, которое оказалось решающим, давшим, так сказать, последний толчок к переходу *e* в *и*, не могло быть собственно языковым. Если бы изменение *e* в *и* вызывалось только общностью звуковых отношений в фонетической системе говоров, то неизбежно возникла бы группа говоров с таким изменением, которая занимала бы более или менее значительную сплошную территорию. На самом же деле, как указывает Д. И. Алексеев, «пока не обнаружено каких-либо диалектных массивов, знающих этот переход» (стр. 75).

Чем же в таком случае непосредственно определялась возможность перехода ударяемой гласной *e* в *и* перед мягкими согласными в говорах, рассеянных отдельными изолированными островками среди говоров, где этого перехода не было? Наиболее простым ответом на этот вопрос было бы предположение, что изменение *e* в *и* происходило в говорах переселенцев, которые на своем новом месте поселения оказались в ином диалектном окружении, чем на старом. Говор новоселов теперь окружали говоры, которые отличались от него гласной, произносившейся под ударением перед мягкими согласными в соответствии со старым *ѣ*. Воздействие на такой говор говоров его новых соседей и явилось непосредственной языковой причиной возникновения у него рассматриваемой языковой черты.

Именно это естественное объяснение и предложил С. А. Копорский для соответствующих говоров Калининской обл. С еще большим основанием оно может быть применено к подобным же говорам Среднего Поволжья, поскольку последнее, как известно, является территорией, которая была сравнительно поздно заселена русскими.

Однако случай, с которым имел дело С. А. Копорский, и случай с говорами Среднего Поволжья — не совсем одинаковы. В определенном отношении они даже противоположны. А именно, в Калининской обл. на месте ударяемого *ѣ* перед мягкими согласными говоры переселенцев имели гласную *e*, а соседние говоры, на них влиявшие, — гласную *и*. Напротив, в Среднем Поволжье у говоров переселенцев вместо такого *ѣ* произносилась гласная *и*, а воздействующие на них говоры имели гласную *e*. Следствием такого различия было то, что в говорах калининских и средневоложских переселенцев вытеснение перед мягкими согласными ударяемой гласной *e* из *e*, заменявшейся гласной *и*, шло различным путем. Попробую показать, как это примерно происходило в говорах Среднего Поволжья, для которых крайне интересный материал сообщает Д. И. Алексеев.

Как уже было сказано, первоначально говоры Среднего Поволжья, знающие сейчас *e* на месте *e*, отличались от окружающих говоров судьбой ударяемого *ѣ* перед мягкими согласными. На месте *e* в том же положении и у тех и у других произносилась гласная *e*. Замечая различие между своим говором и соседними в том случае, когда гласной *и* (из *ѣ*) собственной речи соответствовала гласная *e* чужой, переселенцы под влиянием диалектного окружения начинают заменять в своей речи ударяемую гласную *и* (из *ѣ*) через *e*. У разных групп населения, у разных поколений и даже у отдельных лиц эта замена проходила с разной интенсивностью. Следствием этого было то, что в говоре на месте ударяемого *ѣ* стали факультативно произноситься две гласные *e* и *и* (*з'д'ѣс' / з'д'ѣс'*). Поскольку же один из элементов такой факультативной пары совпадал с *e* из *e*, то эта гласная в свою очередь стала факультативно заменяться гласной *и* (*с'ѣм' / с'ѣм'*).

Стадия факультативного произношения *e* и *и* на месте старых *ѣ* и *e* — не только предположение. Судя по мате-

риалам, опубликованным Д. И. Алексеевым, ни один из говоров Среднего Поволжья, в которых наблюдается под ударением перед мягкими согласными *e* из *и*, не проводит этой черты последовательно. Наряду с *и* в них обычно произносится также гласная *e*, причем такое же двойное произношение имеет и гласная, восходящая к *ѣ*. Следовательно, стадия факультативности гласных *e* и *и* в соответствии со старыми ударяемыми *ѣ* и *e* до сих пор еще не изжита этими говорами, «несмотря на двойное перемалывающее воздействие со стороны окружающих говоров и русского литературного языка, для которых чуждо произношение *с'ім'*, *ш'ис'* и под.»⁶⁶ Однако это двойное воздействие очень заметно в настоящее время и, видимо, победа гласной *e* не за горами.

Предвижу возражение: раз факультативность ударяемых *e* и *и* на месте *ѣ* спровоцировала появление таких же факультативных *e* и *и* на месте старого *e*, то она, естественно, должна была оказать подобное же действие и на ударяемую гласную *и* перед мягкими согласными, поскольку с ней совпадал другой элемент факультативной пары гласных, произносившихся на месте *ѣ*. В результате возникло бы произношение типа *н'ім'* / *н'ем'*. Как и следовало ожидать, оно на самом деле существует в средневожских говорах с факультативным *и* на месте ударяемых *ѣ* и *e* перед мягкими согласными. Об этом можно заключить на основании замечания Д. И. Алексеева, сделанного им о говоре с. Архангельского Чердаклинского р. Ульяновской обл. «Любопытно, — сообщает он, — что в говоре наряду с переходом *e* в *и* имеет место переход *и* в *e*, например: *д'ла ч'ёр'йу* (от чирей), *миз'ён'ьц*. . . на *н'ев'ь* (на ниве). . . и т. п.»⁶⁷.

Таким образом, встречающаяся по говорам на месте старого *e* ударяемая гласная *и* перед мягкими согласными возникла не в силу позиционно обусловленного фонетического процесса, а благодаря влиянию на говор его диалектного окружения. Это влияние привело к тому, что в говоре в определенных случаях гласная *e* заменилась гласной *и*. Для позиционного изменения *e* в *и* еще можно было бы предположить, в качестве промежуточ-

⁶⁶ Д. И. Алексеев. Указ. соч., стр. 55.

⁶⁷ Там же, стр. 61, прим.

ного состояния, образование близкой к старому *ѣ* узкой гласной *e*. Если бы к тому же в дальнейшем она разделила судьбу этого *ѣ*, то ее можно было бы с полным правом даже назвать «новым *ѣ*». Но это было бы то «новое *ѣ*», которое имел в виду в своем исследовании В. В. Виноградов, т. е. гласная, получавшаяся из *e* любого происхождения перед мягкими согласными, а не подновленное В. В. Колесовым «новое *ѣ*» из *ь* в новозакрытых слогах. На самом деле, однако, в говорах, о которых идет речь, проходил совсем иной процесс. Сущность его заключалась в том, что в них под воздействием соседних говоров произношение ударяемой гласной *и* перед мягкими согласными распространилось на слова и формы, где ранее в том же положении была гласная *e*. Понятно, что этот процесс не оставляет никаких возможностей для предположения, что на одном из его этапов могло возникнуть какое бы то ни было «новое *ѣ*».

Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье

«**Н**аши говоры Касимовского уезда, — писал Е. Ф. Будде, исследовавший их в 90-х годах прошлого столетия, — были некогда окающими»¹. Аканье этих говоров «в нынешнем его виде есть явление позднейшее, результат влияния аканья окружающих говоров». Положение касимовских говоров «в центре между акающими и окающими говорами было причиной заимствований и видоизменений в их вокализме» (стр. 88). По мнению Е. Ф. Будде, изученные им говоры потому «нельзя причислить к говорам южновеликорусским в известном смысле этого термина» (стр. 330). Они «в значительной степени представляют образцы смешанных, но не чистых говоров» (стр. 81).

Эти замечания Е. Ф. Будде о касимовских говорах легли в основу позднейших представлений об образовании среднерусских говоров.

Точка зрения Е. Ф. Будде на образование касимовских говоров была принята А. А. Шахматовым. В критическом разборе его работы А. А. Шахматов² «главным результатом исследования г. Будде» считает «замечательный вывод о том, что некогда область Рязанская или по крайней мере северная часть ее, ныне акающая, принадлежала к обширной области северновеликорусского наречия, причем северновеликорусские говоры этих местностей изменились под влиянием соседних южных говоров» (стр. 72—73). Этот вывод, по словам А. А. Ша-

¹ Е. Будде. К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896, стр. 330.

² Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1897 г. «Сб. ОРЯС», 1898, т. LXVI, № 2.

матова, является «весьма ценным приобретением для науки о русском языке», которое он «охотно ставит на ряду с некоторыми обобщениями наших лучших исследователей» (стр. 67).

Такая высокая оценка «главного результата» исследования Е. Ф. Будде объясняется, конечно, не тем, что в нем предлагалось историческое истолкование языковых явлений относительно небольшой группы русских говоров. А. А. Шахматов понимал, что в аналогичных исторических условиях таким же путем могли слагаться и другие говоры и что «двойственный характер» говоров, в основании которых лежит «северновеликорусский говор, подвергшийся влиянию южных говоров» (стр. 69), может быть обнаружен и во многих других случаях. В своем разборе исследования Е. Ф. Будде А. А. Шахматов, правда, не распространил его выводов на другие говоры, но уже в одной из ближайших своих работ — в статье «Русский язык» 1899 г.³ — он высказывает общее положение, что «пределы севернорусского наречия простирались некогда южнее, чем теперь». Его южная граница отодвинулась к северу, потому что «среднерусские акающие говоры (т. е. южнорусские. — В. С.) в значительной степени расширились на счет севернорусских окающих» (стр. 567). Эта экспансия акающих говоров видна «особенно ясно при изучении заокской части Касимовского уезда, где проф. Будде обнаружил существование севернорусского наречия, испытавшего на себе среднерусское (южновеликорусское) влияние» (стр. 567).

Однако А. А. Шахматов не выделяет касимовских и подобных им говоров в особую диалектную группу. По существу он говорит не об образовании полосы переходных говоров, а лишь о перемещении границы, разделяющей северно- и южнорусское наречия, относя к последнему также те говоры, которые относительно поздно сменили под влиянием южнорусских говоров свое оканье на аканье.

Иначе обстояло дело с говором Москвы, «образовавшей свое особое наречие», которое «трудно признать среднерусским или севернорусским». Совмещающая особенности тех и других, московский говор «от первых заим-

³ А. А. Шахматов. Русский язык. «Энциклопедический словарь», т. XXVIII. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб., 1899, стр. 564—581.

ствовал гласные (аканье), от вторых — согласные (например, *g* = лат. *g*), благодаря чему стал «говором великорусского наречия, главным и типическим его представителем» (стр. 566 и след.).

Впервые группу среднерусских говоров по признаку севернорусской основы и южнорусского наслоения выделил Н. Н. Дурново. Он же предложил и наименование для этих говоров — средневеликорусские.

Определяя положение описанного им говора д. Парфенки Рузского у. Московской губ. «среди других великорусских», Н. Н. Дурново указывает, что «если рассматривать все его фонетические, морфологические, синтаксические черты в их совокупности, его неудобно считать говором южновеликорусским» (стр. 259)⁴. Говор Парфенок следует отнести к большой группе диалектов, в которую наряду «с нашим литературным языком, т. е. собственно московским говором», входят «говоры некоторых уездов Московской, Тверской, частью Тульской, Рязанской и Поволжских губерний». «Эту группу говоров, — говорит Н. Н. Дурново, — я бы назвал средневеликорусской» (стр. 259).

Она может быть выделена на том же самом основании, на котором А. А. Шахматов выделял говор Москвы, считая его по происхождению «северновеликорусским говором, принявшим южновеликорусский вокализм». По словам Н. Н. Дурново, «то, что Шахматов сказал о Московском наречии, можно применить и к другим средневеликорусским говорам» (стр. 262). «Таким образом, — резюмирует он, — средневеликорусскими я называю те смешанные великорусские говоры, которые усвоили аканье и некоторые другие южновеликорусские черты, по большей части связанные с аканьем, но сохранили остальные черты севернорусской фонетики, морфологии и словаря» (стр. 266).

Взгляды Н. Н. Дурново позднее были развиты в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе», составленном Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым⁵. В этой работе ее авторы выделяют

⁴ Н. Дурново. Описание говора дер. Парфенок Рузского уезда Московской губ. — Отд. отт. из РФВ. Варшава, 1903.

⁵ Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии. «Труды Московской диалектологической комиссии», 1915, вып. 5.

полосу говоров, тянущуюся «по южному и юго-западному краю территории северновеликорусского наречия», и, определяя эти говоры как «переходные» к белорусским и южновеликорусским, называют их средневеликорусскими (стр. 32). «Эти переходные говоры, — пишут они, — мы называем средневеликорусскими, потому что большая часть их занимает среднее положение как географически, так и по своим чертам между северновеликорусскими и южновеликорусскими говорами» (стр. 32). Вместе с тем авторы «Опыта диалектологической карты» подчеркивают, что они не называют средневеликорусских говоров наречием, во-первых, потому, что эти говоры «не составляют самостоятельного целого» ни по своей основе, ни по наслоению, во-вторых, потому, что они обнаруживают «разные стадии белорусского и южновеликорусского влияния», и, наконец, потому, что «в истории средневеликорусских говоров не было такого момента, когда бы они объединились в одно целое, обособленное от других великорусских говоров» (стр. 32).

По сравнению с Н. Н. Дурново в его «Описании говора Парфенок», авторы «Опыта диалектологической карты», располагая намного более обширным диалектным материалом, значительно строже прочерчивают географические границы распространения средневеликорусских говоров. В частности, они не включают в их число тульские говоры, как это ранее сделал Н. Н. Дурново. Эти говоры отнесены авторами «Опыта» к южнорусскому наречию, где они выделяются в особую «Тульскую, или Северо-западную» группу, обнимающую «говоры северной части Тульской г., а также южновеликорусские говоры Калужской, Смоленской и Московской гг.» (стр. 29).

Авторы «Опыта» не указали тех мотивов, по которым они присоединили Тульские говоры, столь близкие к среднерусским, к южнорусскому наречию. Это послужило причиной того, что Р. Якобсон в рецензии на «Опыт диалектологической карты» смог обвинить авторов его в непоследовательности⁶. Однако замечания рецензента их не убедили. По крайней мере один из авторов «Опыта диалектологической карты» Н. Н. Дурново в более поздних работах продолжал рассматривать Тульские говоры «с преобладанием умеренного яканья, с высокой арти-

⁶ Р. Якобсон]. «Этнографическое обозрение», 1916, № 1.

куляцией безударных гласных между мягкими согласными, но с различной судьбой старого *шъ*, именно с *v* и *f* в северных говорах и с *и* в южных»⁷ в качестве одной из трех групп южнорусского наречия.

Н. Н. Дурново указывает на те основания, по которым он относит Тульскую группу к южнорусскому наречию. Основания эти исторические — иной по сравнению со среднерусскими говорами путь сложения ее говоров. Тульская группа по своему происхождению — это Западная группа (в «Опыте диалектологической карты» — Южная, или Орловская), но «менее архаичная и менее цельная» (стр. 136). На ее диалектные черты, отличающие ее от Западной группы, можно смотреть «как на вторичные, вызванные московским влиянием, и этим влиянием объяснить не только умеренное яканье говоров этой группы и ряд несомненно северновеликорусских черт, но и отсутствие *и* из *шъ* в ее северных говорах» (стр. 137).

Влияние Москвы на Тульские говоры, как предполагает Н. Н. Дурново, началось довольно рано, так как «совпадение части границ *и* из *шъ* в пределах этой группы с политическими границами Московского и Литовского государства в XV веке может указать на то, что вытеснение *и* из *шъ* частью произошло еще до XVI в.» (стр. 137).

Есть все основания думать, что в наиболее существенном такова же была точка зрения на говоры Тульской группы вообще всех авторов «Опыта диалектологической карты», а не только Н. Н. Дурново. Нельзя забывать, что именно в «Опыте» Тульские говоры были исключены из состава среднерусских говоров, куда первоначально отнес их Н. Н. Дурново. Это исключение, мотивы которого оказались в «Опыте диалектологической карты» скрытыми, целиком отвечало тем принципам, на которых его авторы строили свою группировку русских говоров. Действительно, среднерусские говоры были выделены ими в особую группу на том основании, что эти говоры являются по своему происхождению севернорусскими, развившимися в себе аканье под влиянием южнорусских говоров. Понятно, что говоры Тульской группы не могли быть подведены под это определение, так как они, по представлению авторов «Опыта диалектологической

карты», были по своей основе говорами южнорусскими (близкими или тождественными с говорами Южной, или Орловской группы), которые испытали на себе московское влияние.

Несмотря на то, что современные Тульские говоры обнаруживают исключительную близость к среднерусским говорам, так что с точки зрения чисто синхронной классификации, казалось, их можно было бы объединить в одной диалектной группе, авторы «Опыта», исходя из своих представлений о различных исторических путях сложения среднерусских говоров, с одной стороны, и говоров Тульской группы, с другой, не объединяют их, а разъединяют. По их мнению, существенней оказываются черты различия между этими говорами, а не сходства. Потому на карте резко прочерчивается северная граница Тульской группы, отделяющая ее от среднерусских говоров, а не южная, которой она соприкасается с другими группами говоров южнорусского наречия.

Итак, среднерусские говоры, по взглядам авторов «Опыта диалектологической карты», — это переходные говоры с севернорусской основой и южнорусским наслоением. Как же доказывают они, что основа этих говоров именно севернорусская, а наслоение — южнорусское, а не наоборот? Ведь то обстоятельство, что в среднерусских говорах сосуществуют севернорусские и южнорусские черты, само по себе еще ничего не говорит о том, что первые принадлежат основе говора, а вторые — наслоению на нее. Соотношение в принципе может быть и обратным.

Авторы «Опыта диалектологической карты», сознавая сложность вопроса о диалектной основе и наслоении у среднерусских говоров, неоднократно в своем труде возвращаются к нему. Не касаюсь всех приводимых ими доказательств в пользу того, что эта основа у переходных говоров, образовавшихся на стыке северно- и южнорусского наречий, действительно севернорусская, и следовательно, наслоение южнорусское, почему эти говоры могут быть названы среднерусскими в том значении этого термина, какое придает ему авторы «Опыта диалектологической карты». Остановлюсь только на одном доказательстве, имеющем, как мне кажется, особо важное значение, поскольку оно опирается на фонетическое явление структурного порядка.

⁷ Н. Дурново. Введение в историю русского языка. Ч. 1. Источники. Врно, 1927, стр. 136.

Говоря о переходных говорах, авторы «Опыта диалектологической карты» отмечают, что эти говоры «обыкновенно представляют отличия от тех говоров, к переходу в которые они, так сказать, стремятся, между прочим, именно в тех явлениях, которые возникли в них в силу подражания». При этом «несовпадение переходных говоров с непереходными, или чистыми, по отношению к однородным явлениям позволяет, — по их мнению, — в некоторых случаях определить первоначальную основу того или другого говора». Для переходных среднерусских говоров таким «несовпадающим» явлением, «не вполне тождественным с чертами наречия, послужившего образцом для подражания», является среднерусское аканье, «отличающееся от южновеликорусского аканья, под влиянием которого оно возникло» (стр. 2). Поскольку же среднерусское аканье не совпадает с южным главным образом по предударному вокализму после мягких согласных, т. е. в основном по типу яканья, то на севернорусскую основу среднерусских говоров может указывать именно их яканье и прежде всего наиболее типичное для среднерусских говоров умеренное яканье.

Таким образом, авторы «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» в значительной степени связали вопрос о диалектной основе и наслоении в среднерусских говорах с вопросом об образовании в них умеренного яканья. Каким же образом умеренное яканье среднерусских говоров показывает, что их основа севернорусская, а наслоение южнорусское? Авторы «Опыта диалектологической карты» об этом ничего не говорят, не объясняя и того, как они смотрят на образование умеренного яканья в среднерусских говорах.

Можно думать, однако, что по вопросу о происхождении умеренного яканья авторы «Опыта диалектологической карты» стоят на точке зрения, высказанной еще в 1896 г. Е. Ф. Будде в исследовании «К истории великорусских говоров». Только в таком случае становится понятным, почему авторы «Опыта диалектологической карты» могли считать, что умеренное яканье свидетельствует о северной основе среднерусских говоров и о южном наслоении на нее. Нельзя не отметить также, что несколько позднее один из авторов «Опыта»⁸, ка-

⁸ Н. Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I. Южновеликорусское наречие, вып. 2.

саясь вопроса об образовании умеренного яканья в среднерусских говорах, решал его совершенно так же, как Е. Ф. Будде, хотя и без ссылки на последнего.

Как же объяснял образование умеренного яканья Е. Ф. Будде? Определяя «особенности говоров северовосточного угла Рязанской губернии» в отношении предударного вокализма, Е. Ф. Будде указал, что одна из них заключается в том, что эти говоры «при сильном аканье в своем яканье приближаются к типу умеренно-акающих (якающих) говоров, т. е. при произношении: *в дамѹ, вазѣ (вазѣ), вазѣ, хадѣ, насѣ* и под. произносят *я ('а)* чисто лишь перед твердым слогом: *нясѹ, вязѹ, вядѹ, вялѣ* ... но: *не'сли, ве'злѣ, ве'лѣ*...» Объясняет он такое произношение тем, что в исследуемых говорах «всякое *о*, находящееся в предударном слоге, произносится как чистое *а*, так же произносится и звук *а* в этом положении относительно ударяемого слога»⁹.

Если принять во внимание, что, по мнению Е. Ф. Будде, «говоры Касимовского уезда были некогда окающими» (стр. 330) и что аканье в них он считал «явлением позднейшим, результатом влияния аканья окружающих говоров» (стр. 88), то станет достаточно ясным его понимание процесса образования умеренного яканья в обследованных им говорах. Это образование можно представить следующим образом.

Некогда касимовские говоры были севернорусскими владими́ро-поволжского типа, т. е. окающими и ёкающими, причем с ёканьем как в соответствии со старым *е* (из *е* и *ь*), так и со старым *ѣ*, следовательно, с предударным *о* перед твердыми согласными не только в таких случаях, как *н'осѹ, в'олѣ, с'олѣ*, но и в таких, как *р'окѣ, л'осѣк, в л'осѹ*. Под влиянием акающих говоров, в которых нет безударного *о*, в касимовских говорах стали произносить на месте «всякого» предударного *о*, т. е. и *о* после твердых согласных (*водѣ, возѣ*) и *о* после мягких согласных перед твердыми из старых *е* и *ѣ* (*н'осѹ, р'окѣ*), гласную *а*. В результате образовался говор, представляющий собой по существу акающий слепок, отличий по окающей модели.

Шамординская пустынь Калужской губ. «Труды Московской диалектологической комиссии», 1918, вып. 7, стр. 83—85.

⁹ Е. Будде. Указ. соч., стр. 51.

При таком образовании акающего говора предударный вокализм после мягких согласных должен был с неизбежностью дать систему умеренного яканья. Действительно, если в севернорусском говоре с ёканьем владими́ро-поволжского типа на месте старых *e* и *ѣ* произносились 'о перед твердыми согласными и *e* перед мягкими, то при замене «всякого» предударного *o* гласной *a* должно было получиться произношение, при котором на месте предударных старых *e* и *ѣ* стало произноситься перед твердыми согласными 'а, а перед мягкими согласными *e*, изменившееся в большей части говоров в *и*. Такое произношение, как видим, есть не что иное, как умеренное яканье, которое, таким образом, исторически представляет собой систему владими́ро-поволжского ёканья, изменившегося под влиянием аканья.

Умеренное яканье, образовавшееся на основе владими́ро-поволжского ёканья, в момент своего возникновения отличалось от обычного в настоящее время средне-русского умеренного яканья только в одном отношении. А именно, влияние аканья на ёкающий вокализм не могло отразиться на произношении предударного этимологического 'а после мягких согласных. Такое 'а должно было сохраниться в прежнем звучании не только перед твердыми согласными (*в'азáл, н'атбк*), но и перед мягкими (*н'ат'и́, в гр'аз'и́*). И если произношение 'а перед твердыми согласными соответствовало нормам обычного умеренного яканья, то произношение 'а перед мягкими согласными этим нормам противоречило. Таким образом, умеренное яканье при своем возникновении отличалось от современного тем, что в нем в предударном слогe между мягкими согласными произносилось 'а в соответствии с этимологическим 'а.

Образование умеренного яканья на основе северного ёканья можно наглядно представить себе из следующей схематической таблицы. В ней показано, какой тип яканья должен был получиться из ёканья, коль скоро «всякое» предударное 'о после мягких согласных заменялось гласной 'а, а «всякое» *e* — гласной *и*.

	Ё канье		У меренное я канье	
	I. перед <i>t</i>	II. перед <i>t'</i>	I. перед <i>t</i>	II. перед <i>t'</i>
1. * <i>e</i>	'о	<i>e</i>	'а	'и
2. * <i>ѣ</i>	'о	<i>e</i>	'а	'и
3. 'а	'а	'а	'а	'а

I. Положение перед твердыми согласными

1. предударная гласная из старого *e*:

<i>в'оснá, н'ослá, з'орнб,</i>	<i>в'аснá, н'аслá, з'арнб,</i>
<i>в'оснбй, б'орýт, нъ с'олý,</i>	<i>в'аснбй, б'арýт, нъ с'алý,</i>
<i>в'орстý</i>	<i>в'арстý</i>

2. предударная гласная из старого *ѣ*:

<i>б'одá, р'окá, сл'оцбй,</i>	<i>б'адá, р'акá, сл'апбй,</i>
<i>н'отýх, цв'отýт, сл'одй</i>	<i>н'атýх, цв'атýт, сл'адй</i>

3. предударная гласная из старого 'а:

<i>нл'асáл, в'азáл, н'атбк,</i>	<i>нл'асáл, в'азáл, н'атбк,</i>
<i>нр'адýт, зънр'агýт</i>	<i>нр'адýт, зънр'агýт</i>

II. Положение перед мягкими согласными

1. предударная гласная из старого *e*:

<i>в'ел'áт, т'ел'áт, б'ер'бм,</i>	<i>в'ил'áт, т'ил'áт, б'ир'бм,</i>
<i>в'ед'бт, фн'ер'бт, б'ер'и́,</i>	<i>в'ид'бт, фн'ир'бт, б'ир'и́,</i>
<i>н'ес'и́</i>	<i>н'ис'и́</i>

2. предударная гласная из старого *ѣ*:

<i>б'ел'ей, нъб'ел'ý, нъб'ел'и́л,</i>	<i>б'ил'ей, нъб'ил'ý, нъб'ил'и́л,</i>
<i>стр'ел'áл, см'ейýца,</i>	<i>стр'ил'áл, см'ийýца,</i>
<i>сл'ед'ит</i>	<i>сл'ид'ит</i>

3. предударная гласная из старого 'а:

<i>н'ат'и́, в гр'аз'и́, р'аб'и́на,</i>	<i>н'ат'и́, в гр'аз'и, р'аб'и́на,</i>
<i>нр'ад'бм, гл'ад'éла,</i>	<i>нр'ад'бм, гл'ад'éла,</i>
<i>гл'ад'áт</i>	<i>гл'ад'áт.</i>

Как видно из таблицы, в результате замены 'о гласной 'а и *e* гласной *и* получилось умеренное яканье, отличающееся, однако, от обычного в настоящее время умеренного яканья произношением 'а между мягкими согласными в соответствии с исконным 'а (II, 3). Таким и должно было быть первичное умеренное яканье, когда оно возникло под влиянием аканья южных говоров на ёканье северных. Современное же умеренное яканье есть результат позднейшего его изменения, не связанного

с взаимодействием севернорусских и южнорусских говоров.

Сравнение ёканья со сформировавшимся на его основе умеренным яканьем показывает, как сильно изменилось при переходе говора от одной системы вокализма к другой соотношение предударных *и* и *'а* между мягкими согласными. В результате замещения предударного *е* (из старых *е* и *ѣ*) гласною *и* эта последняя в положении между мягкими согласными получила огромное численное преобладание над относительно редкой здесь гласной *'а*. Это, по всей вероятности, и послужило причиной постепенного вытеснения редкого звука *'а* (собственно передней гласной *ǎ*) наиболее частым и привычным в данном положении звуком *и*. Иными словами, система современного умеренного яканья образовалась в результате обобщения гласной *и* между мягкими согласными, поскольку в говорах с первичным умеренным яканьем гласная *'а* произносилась в предударном слого между мягкими согласными только в соответствии с этимологическим *'а*, во всех же прочих случаях произносилось *и*.

Процесс обобщения в предударном слого между мягкими согласными гласной *и* протекал в говорах, видимо, довольно поздно и не завершился еще до сих пор. Е. Ф. Будде, изучавший в 90-х годах прошлого столетия среднерусские говоры с умеренным яканьем в бывш. Касимовском у. Рязанской губ., нашел, что исследованные им говоры по преимуществу относятся к таким, в которых между мягкими согласными сохраняется предударное *'а*. «Из рассмотрения слов, где является звук основное *я* (А), — пишет он, — мы можем заключить, что этот звук является наиболее устойчивым, как в положении перед твердым слогом, так и в положении перед мягким слогом, и рефлектируется в исследуемых нами говорах в звуке *'а* (*а*); звук *е'* (*и*) из А (*я*) встречается вообще редко»¹¹. В этом отношении судьба старого предударного *'а* между мягкими согласными и вообще после мягкой согласной, по его словам, резко отличается от судьбы старых *е* и *ѣ*, в соответствии с которыми «звук *'а* (*я*) находится по преимуществу перед твердым слогом, *е'* (*и*) — по преимуществу перед

мягким слогом» (стр. 55). Позднейшее обследование той же территории, проведенное примерно через столетия с целью сбора материала для диалектологического атласа, показало, что указанная Е. Ф. Будде диалектная черта стала значительно менее распространенной. Она отмечена здесь всего в трех селениях (с. Ибердус Бельк. р., д. Бочкари и д. Чинур Касимов. р.)¹², причем по крайней мере в двух из них (д. Бочкари и д. Чинур) наряду с *'а* уже произносится *и*. Следовательно, их система яканья находится на пути к превращению в обычное умеренное яканье.

Говоры с умеренным яканьем, сохраняющие предударное этимологическое *'а* между мягкими согласными, обнаружены и за пределами территории, обследованной Е. Ф. Будде. И между ними оказались такие, в которых это *'а* произносится с последовательностью, какой можно ожидать у «первичного» умеренного яканья. Таков говор д. Торопово Ермишинского р. Рязанской обл., на который обратила внимание В. Г. Орлова в своей статье, посвященной обзору диалектологических наблюдений по Рязанской обл. за 1946 г.¹³ Она указала здесь на некоторые говоры, в яканье которых «на произношении гласного предударного слога перед мягкими согласными сказывается качество самого этого гласного по его происхождению» (стр. 49). Оно «сказывается» в том, что между мягкими согласными «предударное *а* произносится как *а* (факультативно) перед разными гласными ударяемого слога (стр. 49).

В. Г. Орлова отметила три говора, яканье которых отличается указанной чертой. Один из них — это умеренно якающий говор д. Торопово Ермишинского р.¹⁴ В нем перед твердыми согласными в предударном слого после мягких согласных последовательно произносится гласная *'а*, причем она представлена даже перед группой согласных, кончающейся мягкой согласной (см. ниже,

¹² «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». Карта № 8, селения № 616, 617, 620.

¹³ В. Г. Орлова. Говоры северо-восточной части Рязанской области. «Бюлл. Диалектол. сектора Ин-та русского языка АН СССР», 1948, вып. 3, стр. 46—56.

¹⁴ Материалы, собранные В. Н. Васильевой и Н. Н. Моргуновой в 1946 г. (Архив сектора истории и диалектологии русского языка Ин-та языковедения АН СССР, инв. № 71).

¹¹ Е. Будде. Указ. соч., стр. 60.

стр. 117). В общем так же последовательно произносятся в предударном слоге между мягкими согласными и гласная *и* (единичные отклонения *п'ар'йна, с'раб'бн'кам*). Однако в соответствии с этимологическим *'а* здесь представлена не гласная *и*, а гласная *'а*: *п'рад'бм, р'и'б'ат'бнк'и, в'р'аз'э, гл'ад'эла, г'р'ач'эй, п'ат'и, п'гг'ад'и, ч'ад'ит'* с единичными отступлениями *н'эпр'ид'и, з'эпр'иг'и*.

В двух других говорах — д. Бочкари и д. Чинур Касимовского р.¹⁵ — наблюдается собственно не умеренное яканье, а его разновидность — ассимилятивно-умеренное, отличающееся от обычного умеренного тем, что в нем после мягких согласных предударная гласная *'а* из старых *е, ё, 'а* произносится не только перед твердыми согласными, но и перед мягкими, если в слоге под ударением находится *а*. Поскольку это яканье по существу является не чем иным, как тем же умеренным, лишь осложненным ассимиляцией предударной гласной ударяемому *а*, его свидетельство не менее показательное, чем самого умеренного яканья.

Надо заметить, что ассимилятивность в яканье говоров деревень Бочкари и Чинур проведена не очень последовательно, поэтому по типу яканья они занимают промежуточное положение между говорами с ассимилятивно-умеренным яканьем и говорами с собственно умеренным яканьем и даже более приближаются к последним, в особенности говор д. Бочкари. Ср. соотношение предударного *и* и *'а* между мягкими согласными перед слогом с ударяемым *а* в говоре д. Бочкари: *р'иб'аты, д'ис'атк'и, л'ит'ат, с'ир'пам'и, н'ил'зэ, п'ин'ка, в'ир'хам'и, п'эт'ир'ат, м'ин'а, т'иб'а, пл'ич'а, с'ин'ца, п'ис'н'ам'и, з'в'ир'ам'и, в'ин'ч'амши, с'м'ий'ал'ис', с'т'ис'н'ал'ис', пр'и'иж'ж'ал*, но и: *м'ан'а, т'аб'а, р'аб'аты, д'эр'ав'анный, пл'ам'анныи, п'аш'ч'ан'яа, пр'ий'аж'ж'айм*; и в говоре д. Чинур: *с'им'йа, р'иб'аты, т'ил'аты, в'ир'хам'и, п'ин'кам'и, д'ин'гам'и, н'ил'зэ, д'эр'ив'ашк'и, д'эр'ив'анная, д'ис'атай, т'ир'ис'с'и, ад'ий'ан'яа, бил'йа, м'ин'ат', см'ий'аца, аб'иши'ала, св'ич'ам'и*, но и: *с'ам'йа, т'ал'аты, р'аб'ат, п'эт'ар'аши, в'ар'хам'и, сп'ар'ва, н'ал'зэ, м'ан'ат', св'ар'аца, уй'аж'жит, при'аж'жала*.

¹⁵ Материалы, собранные Н. Ф. Молчановой и Е. И. Одесской в 1946 г. (Архив Сектора истории и диалектологии русского языка Ин-та языковедения АН СССР, инв. № 81 и 82).

В прочих фонетических положениях в обоих говорах довольно последовательно выдерживаются нормы умеренного яканья. В предударном слоге перед твердыми согласными произносится *'а*, с единичными «исключениями»: *д'ир'жал, йавб, зап'риг'и* в говоре д. Бочкари и *п'ис'ца'наа, ивб* в говоре д. Чинур, если не считать обычного для умеренного и ассимилятивно-умеренного яканья произношения *и* перед группой согласных, кончающихся на мягкую согласную (см. стр. 117). Не менее, если не более последовательно, произносится перед мягкими согласными не перед слогом с ударяемым *а* (о чем говорилось выше) и предударное *и*. Однако эта последовательность не распространяется на предударную гласную из старого *'а*, в отношении которой наблюдается колебание в произношении. Так, в говоре д. Бочкари, с одной стороны, произносят: *п'ит'орка, н'эпр'ид'бм, тр'ис'бца, гл'ид'им, н'эпр'ид'и, з'эпр'иг'и, п'э п'ит'и, д'э'сит'йна, ш'ч'исл'ивай, гл'ид'эл*, но в то же время, с другой: *н'эпр'ад'от, р'эб'ат'бнк'и, п'гг'ад'им, б'эдн'ак'и, т'у'фф'ак'и, д'э'с'ат'йна, з'эмл'ан'йка, ш'ч'ад'ит', гл'ад'эт', ш'ч'ав'эл'*. Подобное же явление наблюдается и в говоре деревни Чинура, ср.: *агл'ид'эл'ис', гл'ид'эл'и, п'гг'и'д'эл'с'и, п'ит'и, п'гг'ид'иш, гл'ид'ит'и*, но: *н'эпр'ад'бш, гл'ад'эт', ш'ч'ав'эл', гл'ад'ица, з'эмл'ан'йка, д'ис'ат'йна, н'эпр'ад'ил'с'и, гл'ад'ит, т'у'фф'ак'и, ш'ч'ад'ит'*. В говоре д. Чинур произношение с *'а* даже преобладает.

Таким образом, диалектологические наблюдения, и старые, и новые, показывают, что среди говоров с умеренным яканьем существуют такие, в которых в предударном слоге между мягкими согласными сохраняется этимологическое *'а*. Они являются наглядным свидетельством возникновения умеренного яканья севернорусских говоров на севернорусской основе. Действительно, как уже говорилось, в результате влияния южнорусского аканья на севернорусское ёканье теоретически должно было получиться не обычное современное умеренное яканье с предударным *'а* перед твердыми согласными и *и* — перед мягкими, а именно то, которое было названо выше первичным, т. е. умеренное яканье с сохранением между мягкими согласными этимологического *'а*. И вот то обстоятельство, что теоретически предполагаемый тип яканья оказался реально существующим, убедительно доказывает, что современное умеренное яканье средне-

русских говоров действительно возникло на основе севернорусского ёканья путем замены под влиянием южно-русского аканья предударных 'о и е гласными 'а и и с последующим обобщением в предударном слоге между мягкими согласными гласной и. Говор д. Топорова Ермишинского р. Рязанской обл. имеет первичное умеренное яканье почти в чистом виде, а говоры деревень Бочкари и Чинур Касимовского р. той же области, — это же яканье на пути превращения его в обычное умеренное с предударным и между мягкими согласными не только на месте старых е и ё, но и 'а.

Таким образом, современные говоры показывают последовательные ступени формирования обычного умеренного яканья. Одни из говоров сохраняют умеренное яканье в его начальном состоянии, т. е. с последовательным произношением предударного этимологического 'а между мягкими согласными (д. Топорова Ермиш. р. Ряз. обл.). В других в настоящее время протекает процесс обобщения гласной и в предударном слоге между мягкими согласными; в них в этом положении наряду с этимологическим 'а произносится вытесняющая его гласная и (д. Бочкари и Чинур Касим. р. Ряз. обл.). Наконец, третьи, а таких подавляющее большинство, показывают умеренное яканье на конечной ступени его формирования, т. е. с последовательным произношением между мягкими согласными предударной гласной и, полностью вытеснившей здесь этимологическое 'а.

Как показывают диалектологические наблюдения последних лет, ёканье с предударным 'о из е и ё часто не проводится во владимирских говорах с полной последовательностью, причем эта непоследовательность распространяется в основном на предударное 'о из ё. Так, например, в говоре с. Кишлеево, деревень Вишенки, Хмелево Савровского р. и д. Запажье Кольчугинского р. Владимирской обл. в говоре, вокализм которого описан П. С. Кузнецовым¹⁶, при последовательном произношении перед твердыми согласными предударного 'о из е, в соответствии с ё в том же положении произносится то 'о, то е, например: б'одá, выс'окáлка, выс'овáл'и, вы-б'огáит, прис'одáт'ел' (председатель), н'от'ух (Кишлеево),

¹⁶ П. С. Кузнецов. О гласных первого предударного слога в некоторых владимирских говорах. «Бюлл. Диалектол. сектора Ин-та русского языка АН СССР», 1948, вып. 4, стр. 82—89.

выс'овáл, выб'огáт', цв'от'ут (Вишенки), уб'огáл (Запажье), но: р'екá, б'едá, гн'ездб, н'ет'ух, сл'ед'и (Кишлеево), сл'е-пб'и, выр'еáл'и, б'елá, цв'етбч'к'и-т'е, д'елбф-то (Вишенки), úбр'еáй'ут, в'едрб, утс'екл'и (Запажье). При этом «колебания наблюдаются часто, — отмечает П. С. Кузнецов, — в речи одного и того же лица» (стр. 85).

«Можно было бы думать, что о после мягкого согласного принадлежит основному слою говора, а е проникает в говор под влиянием литературного языка», — пишет П. С. Кузнецов. Однако ему кажется «странным», что «влияние литературного языка сказывается лишь на е из ё, а не на старом е или е из ь» (стр. 85). «Странного» тут, по существу, ничего нет, так как если в говоре действительно происходит утрата ёканья, то она, естественно, в первую очередь должна была распространиться именно на 'о из ё. В этом случае замена 'о гласной е облегчается тем, что в соответствии с предударным 'о из ё под ударением произносится е (ср. л'осá — л'ес, р'окá — р'эк'и), тогда как в соответствии с предударным 'о из е под ударением произносится обычно 'о (ср. в'оснá — в'осны, з'орнб — з'орны), что может задерживать устранение предударного 'о.

Однако я не утверждаю, что в говорах вроде тех, что описаны П. С. Кузнецовым, предударное е из ё обязательно есть явление новое. Возможно, наоборот, что как раз новым является произношение 'о, причем такое произношение еще полностью не установилось в говоре, чему теперь препятствует и влияние литературного языка.

Если правильно второе предположение, то естественно поставить вопрос, могло ли образоваться в среднерусских говорах умеренное яканье и на основе таких говоров, т. е. говоров с непоследовательным ёканьем в соответствии с предударным ё или даже говоров вообще с предударным е из ё. Можно полагать, что могло. Но только яканье, образовавшееся на подобной основе, должно было бы отличаться от современного умеренного яканья тем, что в нем в соответствии с предударным ё перед твердыми согласными или наблюдалось бы колебание в произношении 'а и и, или же вообще произносилось бы и. Мне неизвестны говоры с умеренным яканьем, хранящим следы различия в судьбе предударных е и ё перед твердыми согласными. Возможно, что они будут еще обнаружены. Однако тот факт, что обычно говоры с умерен-

ным яканьем не различают в предударном слоге 'а и и в соответствии со старыми е и ѣ, свидетельствует о том, что в основном они образовались на основе таких ёкающих говоров, в которых на месте предударного ѣ перед твердыми согласными постоянно произносилось 'о.

Кроме обычного умеренного яканья и первичного, типа тороповского, сохраняющего предударное этимологическое 'а между мягкими согласными, теоретически можно предполагать существование и других разновидностей умеренного яканья, также возникших на севернорусской основе. На одну из них только что было указано. Это — яканье, в котором на месте старого предударного ѣ перед твердыми согласными должно бы произноситься и, а не а, т. е. *в'асна́, п'атбк*, но *р'ика́, в'ису́*.

Другая разновидность умеренного яканья могла образоваться на основе северного предударного вокализма с ёканьем на месте е и ѣ и с изменением после мягких согласных безударного 'а как перед мягкими, так и перед твердыми согласными в е. В этом случае должно было образоваться яканье, близкое к обычному умеренному, но отличающееся от него тем, что в предударном слоге после мягких согласных перед твердыми на месте этимологического 'а произносилось бы не 'а, а и, т. е. произносилось бы: *в'асна́, р'акá*, но *п'итбк* (из *в'осна́, р'ока́*, но *п'етбк*). Говоры с таким типом яканья не являются только теоретическим предположением — они действительно существуют. Таков, например, по указанию В. Г. Орловой, говор с. Соколово Пителинского р. Рязанской обл.¹⁷ «Особый тип яканья, также зависящего от качества самого предударного гласного по его происхождению, — говорит она, — представлен в с. Соколово Пителинского района. Предударное е (из древних е, ѣ и ѣ) произносится в этом говоре перед твердыми согласными всегда как 'а». При этом следует добавить, что предударное 'а произносится даже перед группой согласных, кончающейся мягкой согласной (см. ниже, стр. 117). «Предударное 'а в тех же условиях, — продолжает В. Г. Орлова, — т. е. перед твердыми согласными, произносится как и, независимо от качества последующего

¹⁷ Материалы, собранные А. Б. Шапиро и И. Ф. Протченко в 1946 г. (Архив Сектора истории и диалектологии русского языка Ин-та языкознания АН СССР, инв. № 103).

ударяемого гласного: *п'итáк, п'исáт', пр'имáйа, п'итнó, пр'имóва, п'итбк, р'ибóй, пр'иду́* (приду), *пр'имуйу, св'итб́х, пр'имб́х*. Перед мягкими согласными в этом говоре постоянно произносится и»¹⁸.

Образование яканья в говоре с. Соколово можно объяснить только тем, что в этом говоре севернорусский вокализм с предударным 'о из е и ѣ перед твердыми согласными и с безударным е из 'а после мягких согласных изменился под влиянием южнорусского яканья таким образом, что всякое предударное 'о заменилось гласной 'а, а всякое предударное е — гласной и, в том числе и то е, в которое на севернорусской почве изменилось предударное 'а после мягких согласных. Только так можно понять, почему в умеренно якающем говоре с. Соколово предударному 'а перед твердыми согласными соответствует и.

Яканья тороповского и соколовского типов, представляющие собой разновидности умеренного яканья, хранят яркие следы своего происхождения на основе севернорусского вокализма, причем вокализма разного типа. Севернорусская основа их настолько прозрачно проступает, что стоит только, так сказать, «снять» с вокализма этих говоров налет аканья, заменив предударное 'а из е и ѣ гласной 'о, а предударное и (не из и) — гласной е, чтобы перед нами предстал типичный севернорусский говор. Существование говоров с такими разновидностями умеренного яканья, как тороповское и соколовское, проливает свет на происхождение среднерусских говоров с обычным умеренным яканьем.

Все это ставит задачу выяснить, не являются ли среднерусские говоры не с умеренным яканьем, а с другими типами предударного вокализма образованиями также на севернорусской основе. В частности, необходимо определить, не могли ли образоваться на севернорусской основе среднерусские акающие говоры с еканьем, — а если смотреть на акающие с иканьем говоры как на дальнейшее развитие акающих говоров с еканьем, то этот вопрос можно поставить и по отношению к икающим говорам. То, что этот вопрос правомерен, показывает хотя бы тот параллелизм, какой существует между умеренным яканьем и иканьем. А именно, как известно,

¹⁸ В. Г. Орлова. Указ. соч., стр. 50.

и тот и другой тип предударного вокализма наблюдается в среднерусских говорах, с одной стороны, в виде обычного умеренного яканья и иканья, а с другой — в своей ассимилятивной разновидности, т. е. как ассимилятивно-умеренное яканье и иканье с предударным 'а из е, ё, 'а перед ударяемым а (ассимилятивное яканье первого типа, по классификации Н. Н. Дурново).

Среднерусское еканье и иканье легко могло образоваться на основе севернорусских говоров с еканьем, т. е. с предударным е из е и ё перед твердыми согласными. На основе такого говора должен был получиться акающий говор с еканьем (или иканьем), отступающий от обычного екающего (или икающего) говора произношением после мягких согласных предударного 'а из старого 'а. Последующее обобщение предударного е (или и) в положении, где сохранялось 'а, должно было дать обычное еканье (или иканье). Конечно, все это только предположение, но оно могло бы быть подтверждено, если бы были обнаружены екающие (или икающие) говоры со следами сохранения этимологического предударного 'а после мягких согласных.

Такие говоры, по-видимому, существуют. По крайней мере, об одном из них сообщает А. Н. Гвоздев. Это среднерусский акающий с еканьем говор с. Тихонова бывш. Ягодинской вол. Судогодского у. Владимирской губ. В нем, по словам А. Н. Гвоздева, «на месте е и ё в первом предударном слоге всегда э, произносимое очень отчетливо:

а) перед твердыми: *не зной, фчэрась, чэмү, набавно, маханика, чэво, река, свэтлиб;*

б) перед мягкими: *ф пэцэри, взилл, в нэё, семьяца, штарэсна, стэлю, белэй.*

Но предударное 'а (я), по-видимому, сохраняется: перед твердыми: *п'ячася, часбф;* перед мягкими: *мясьницк'я*»¹⁹.

Возвращаясь, однако, к вопросу об умеренном яканье среднерусских говоров. Мною был приведен ряд доказательств в пользу предположения, что оно образовалось на севернорусской основе. Приведу еще одно, говорящее о том же. В данном случае я имею в виду порази-

¹⁹ А. Н. Гвоздев. Заметка о говоре с. Тихонова б. Ягодинской волости Судогодского уезда Владимирской губ. «Бюлл. Диалектол. сектора Ин-та русского языка АН СССР», 1948, вып. 2, стр. 53.

тельное совпадение владими́ро-поволжских ёкающих говоров и говоров с умеренным яканьем в отклонениях от системы ёканья у первых и от системы умеренного яканья у вторых.

Отклонение от системы ёканья в севернорусских говорах, о котором идет речь, состоит в том, что в ёкающих говорах перед твердой согласной вместо предударного 'о произносится е в том случае, когда эта согласная начинается собой группу, оканчивающуюся мягкой согласной. При этом предударное е, а не 'о наблюдается не только в таких случаях, как *т'емн'ёт'* (<*t'ьm'ьn't'i) или *в'ерн'ёт'* (<*v'ьr'n'et'ь), где начальные согласные групп, по-видимому, относительно недавно утратили свою старую мягкость, но и в таких, как *в'едр'ё, к с'естр'ё, т'епл'ёй, р'евл'ю, ст'екл'ан'ьй, рос'т'егн'ис', н'екл'ю, ф н'еск'ё* и др., где былая мягкость согласной совсем не очевидна (если, конечно, не считать, что указанием на нее служит сам факт произношения е вместо 'о).

В ёкающих говорах отсутствие изменения безударного е в 'о перед твердой согласной, когда за ней следует мягкая, обнаруживается главным образом в непосредственно предударном слоге. Это ограничение обусловлено довольно широко распространенной в севернорусских говорах редукцией гласных прочих безударных слогов. Особенно распространена такая редукция во владими́ро-поволжских говорах, где как раз наиболее последовательно по сравнению с другими группами говоров севернорусского наречия проводится ёканье в первом предударном слоге.

Отсутствие в севернорусских ёкающих говорах перехода непосредственно предударного е в 'о перед сочетанием твердой согласной с мягкой диалектологами уже отмечалось. Так, П. С. Кузнецов, описывая ёканье некоторых владимирских говоров (Ставровский и Кольчугинский р.), указывает, что в них «лишь в редких случаях» вместо ожидаемого перед твердыми согласными предударного 'о «наблюдается е: *н'екл'ю* (Кишлеево), *н'екл'ю, прив'езл'ю, бир'егл'ю, к с'естр'ё* (Вишенки), причем, хотя согласный, непосредственно следующий за предударным гласным, здесь твердый, далее идет гласный переднего ряда»²⁰. Однако П. С. Кузнецов, как видим,

²⁰ П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 84—85.

произношение предударного *e* вместо *'o* и перед группой согласных связывает не с мягкостью конечной согласной этой группы, а с передним образованием гласной следующего слога, т. е. ударяемой. Примеры из других говоров, такие, как *з'емл'а*, *з'емл'бї*, *с'естр'онка*, *ст'екл'ан'я* и др. (с ударяемыми гласными не переднего ряда), безусловно, лишь по случайности не зарегистрированные им в описываемых говорах, не подтверждают такого объяснения, если только, конечно, не относить его ко времени до падения глухих, т. е. к эпохе господства в древнерусском языке звуковой модели, определяемой нормами слогового сингармонизма, когда после мягких согласных могли произноситься лишь гласные переднего образования.

Очень точно и в полном согласии с современным состоянием говоров определяет условия, в которых предударное *e* не переходит в *'o* перед сочетанием твердой согласной с мягкой, Л. Н. Булатова, наблюдавшая это явление также во владимирских говорах (Курловский и Гусь-Хрустальный р.): «Перед сочетанием твердых согласных с последующим мягким, гласная *e* сохраняется без изменения в *'o*, так же как перед мягкими согласными: *н'екл'й* (Васюнино, Вешки, Купреево), *гр'ебл'й* (Вешки), *исп'екл'й'с'* (Заколпье), *с'естр'е* (Васюнино, Вешки, Заколпье, Купреево), *ф т'епл'е*, *нъ ст'екл'е* (Заколпье)»²¹.

Сводку диалектного материала по рассматриваемому звуковому явлению в непосредственно предударном слоге содержит полезная статья С. К. Пожарицкой «К вокализму 1-го предударного слога после мягких согласных в северновеликорусских говорах (положение перед сочетанием твердого согласного с мягким)»²². По ее наблюдениям, предударное *e* перед сочетанием твердой согласной с мягкой представлено в говорах отдельных селений с разной последовательностью. Их можно разбить на три группы: в одних всегда произносится *e* (178 записей), в других — *e* и *'o* (172 записи), в третьих —

²¹ Л. Н. Булатова. Об акающих говорах Курловского и Гусь-Хрустального районов Владимирской области. «Бюлл. Диалектол. сектора Ин-та русского языка АН СССР», 1949, вып. 5, стр. 73.

²² «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, т. I. М., 1959, стр. 119—131.

только *'o* (70 записей). Конечно, и само подразделение говоров по рассматриваемой звуковой черте и в особенности приводимое автором их количественное соотношение весьма условны. На том и другом не могла не сказаться случайность записанного материала, даже если его собирали по анкете. И тем не менее приведенные данные наглядно показывают, как еще и сейчас в северновеликорусских ёкающих говорах широко распространено произношение предударного *e* в положении перед твердыми согласными, когда за ними следуют мягкие. Можно при этом думать, что если бы произвести уточнение этих сведений, то оно было бы, по всей вероятности, в пользу гласной *e*, а не *'o*. Показательно, что «говоры, в которых произносится только *'o*, отмечены почти исключительно» в таких местах, указывает С. К. Пожарицкая, «которые обследовались недостаточно квалифицированно» (стр. 121). Произведенное ею самой переобследование трех населенных пунктов подтвердило справедливость ее оценки: в них удалось записать ряд примеров с предударным *e*.

Отклонения от системы ёканья чаще всего проявляются в определенных формах лексически довольно употребительных глаголов и существительных, благодаря чему именно они чаще всего попадают в записные книжки диалектологов. Главным образом эти же отклонения от ёканья содержит и «массовый материал», собранный для диалектологического атласа Институтом русского языка. Некоторые из них, как сообщает С. К. Пожарицкая (стр. 323), зарегистрированы во многих севернорусских ёкающих говорах. Так, *н'екл'й* записано в 67 населенных пунктах, *т'екл'й* — в 60, *л'егл'й* — в 70, *с'естр'е* — в 58, *в т'епл'е* — в 83 и *на ст'екл'е* — в 57. Другие формы представлены в архиве атласа лишь единичными примерами: *гр'ебл'й* — Наволок, р. Иванов. обл. и Владим. р. и обл., *б'ер'егл'й* — Смирн. р. Горьк. обл., *рост'егн'й'с'* — Выксун. р. Горьк. обл.

Однако произношение предударного *e* перед твердой согласной с последующей мягкой не ограничивается приведенными регулярными формами глаголов и имен существительных. Примеров иного рода в записях для атласа, правда, немного, но они имеют принципиальное значение. Их, как справедливо указывает С. К. Пожарицкая, «не представляется возможным объяснить иначе,

чем фонетически», в то время как случаи типа *n'ekl'ij*, *s'estr'e* «могут объясняться и фонетически и не фонетически».

Вот эти примеры: *ut'ep'l'it'* — Наволок. р. и Лежнев. р. Иванов. обл., *ut'ep'l'at'* — Кинешем. р. Иванов. обл., *pot'ep'l'ej* — Бежецк. р. Калинин. обл., *tepl'eje* — Кинешем. р. и Лежнев. р. Иванов. обл., Владим. р. и обл., Сур. и Будащк. р. Ульянов. обл., *net'ep'l'ela* — Максатихин. р. Калинин. обл., *tepl'ak* — Переяслав. р. Ярослав. обл., *s'estr'bnka* — Смирн. р. Горьк. обл., *s'estr'bnk'e*, *s'estr'bn'ck'e* — Кинешем. р. Иванов. обл., *s'estr'ijca* — Переяслав. р. Ярослав. обл., Ядрин. р. Чуваш. АССР, Бор. р. Горьк. обл., Нерль. р. Калинин. обл., *nestr'ilm'* — Астрадам. р. Ульянов. обл., *stekl'annaja* — Владим. р. и обл., *stekl'annyj* — Корсун. р. Ульянов. обл., *zast'ekl'il'i* — Нагорьев. р. Ярослав. обл. (стр. 123—124). Сюда же следует отнести слово *z'eml'a* с предупредительным *e* «во всех северных говорах» (стр. 123).

Двумя—тремя новыми случаями произношения предупредительного *e* пополняют этот список крайне скудные примеры, извлеченные из «не очень многочисленных» описаний ёкающих говоров: *pot'ep'l'aje* — Пудож. р. Карельск. АССР, *z'eml'a*, *pevl'j*²³ — юго-зап. часть бывш. Тотем. у. Костр. губ., *deht'arn'ijca*, *s'estr'ijcoj* — бывш. Костр. у., *z'eml'e*, *tepl'eje* — бывш. Дмитр. у. Моск. губ. (стр. 125).

В свой обзор случаев отклонения от системы ёканья С. К. Пожарицкая не включила характерные севернорусские формы инфинитива на *-k'ij* (*-k'ij*) типа *n'ekij* (*n'ekij*), *b'er'ekij* (*b'er'ekij*). Эти диалектные новообразования, возникшие в результате обобщения в инфинитивах на *-ij* (*-ij*) основы прошедшего и настоящего времени на заднеязычные *k* и *g*, «выдаются широтой своего распространения в Северной (Арханг. и Олон. губ.), особенно же в Вологодско-Вятской (Костр., Вятск., Пермск. губ.) группе севернорусского наречия, почти не давая себя знать в границах Владимирско-Поволжской

группы говоров»²⁴. С. К. Пожарицкая оставила без рассмотрения формы на *-k'ij*, соглашаясь с Р. И. Аванесовым, который «предполагает сравнительно недавнее образование неопределенной формы глаголов типа *pekij*, вытеснившей форму *pechi* и сохранившей ее огласовку». Это предположение, по ее словам, «не вызывает возражений и должно быть принято во внимание»²⁵.

Формы инфинитива на *-k'ij*, возможно, как думает Р. И. Аванесов, не очень старые. Однако доказательства, приводимые в пользу этого предположения, нельзя признать удовлетворительными.

Действительно, по мнению Р. И. Аванесова, в формах *pekij*, *tekij*, *stereki*, *bereki* «предударное *e*... более или менее недавно оказалось перед твердым согласным». На это указывает то, что они «даже в говорах с последовательно проведенным ёканьем произносятся не с *o*, хотя в них гласный предупредительного слога находится перед твердой согласной». Поэтому на них можно распространить положение, высказанное о формах типа *n'ekot*, *st'er'egot*, а именно, что они возникли «после того, как изменение *e* в *o* перестало быть действующей языковой нормой»²⁶.

Наблюдение, сделанное на формах типа *n'ekot*, *b'er'egot*, Р. И. Аванесов перенес на формы типа *n'ekij*, *b'er'ekij* на том основании, что в обоих новообразованиях гласная *e*, оказавшись «по тем или иным причинам» перед твердой согласной, не изменилась в *o*. Обратив внимание на черты сходства новообразований, он пренебрег их различием, тем, что в *n'ekot*, *b'er'egot* гласная *e* стоит просто перед твердой согласной, а в *n'ekij*, *b'er'ekij* перед твердой согласной, за которой следует мягкая, т. е. перед сочетанием согласных с твердым началом и мягким исходом. Поскольку в этом положении севернорусские ёкающие говоры показывают отсутствие перехода *e* в *o* и в других случаях, причем не только в предупредительном слоге, то необходимо было доказать, что все они объясняются нефонетически. Лишь в этом случае можно

²⁴ С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, стр. 187 и след.

²⁵ С. К. Пожарицкая. Указ. соч., стр. 122.

²⁶ Р. И. Аванесов. Об одной фонетико-морфологической особенности северновеликорусских говоров. Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ, 1947, вып. 2, стр. 11—20.

²³ См. также: *tepl'aja* (стр. 129), *kl'ep'l'u* (*kosu*), *pokl'ep'l'i*, *dr'em'l'i*, *dr'em'l'i* (стр. 138) — О. Брок. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. «Сб. ОРЯС», 1907, т. XXXIII, № 4.

было на основании произношения предударного *e* в инфинитивах на *-кч'и* типа *п'екч'и́*, *б'ер'екч'и́* делать вывод о «недавнем проникновении в эти формы *к*». Однако, поскольку это не было доказано, приходится признать недоказанным и утверждение, что инфинитивы на *-кч'и* образовались после прекращения действия закона изменения *e* в *'o*.

На самом деле, если положение перед сочетанием твердой согласной с мягкой было в древнерусском языке положением, ограничивающим переход *e* в *'o* перед твердыми согласными, то оно должно было воспрепятствовать изменению *e* в *'o* и в инфинитивах на *-кч'и*, если бы они возникли раньше, чем закончился этот процесс. Иными словами, нынешнее предударное *e* в *п'екч'и́*, *б'ер'екч'и́* вполне может восходить ко времени, предшествующему изменению *e* в *'o* перед твердыми согласными. Никаких препятствий фонетического порядка для этого не было.

Таким образом, современное произношение гласной *e*, а не *'o* в формах типа *п'екч'и́*, *б'ер'екч'и́* само по себе ничего не говорит об относительной хронологии процессов образования инфинитива на *-кч'и* и изменения гласной *e* в *'o*. Установлена она должна быть каким-то иным путем, а не тем, которым пошел Р. И. Аванесов, доказывая в общем весьма вероятное предположение о сравнительно позднем появлении в севернорусских говорах инфинитивов на *-кч'и*.

В том же самом фонетическом положении, в котором в севернорусских говорах наблюдаются отклонения от системы ёканья, среднерусские говоры обнаруживают аналогичные отклонения от системы умеренного яканья. В них перед сочетанием из твердой и мягкой согласных вместо предударной гласной *'a* произносится *и*; например, в говоре с. Балусевы починки Касимовского р. Рязанской обл., в говоре с выдержанным умеренным яканьем (собственно ассимилятивно-умеренным) произносят: *лиг'л'и́*, *п'икл'и́*, *т'ипл'ей*, *с'истр'и́ца* (по моим данным), в говоре деревни Бочкари: *п'икл'и́*, *т'икл'и́*, *ф п'иск'е*, *в в'идр'е́*, *з'имл'а́*, *в з'им'е́*, *з'имл'и́ца*, в говоре деревни Чинур: *п'икл'и́*, *т'икл'и́*, *б'ир'игл'и́*, *к с'истр'е́*, *у с'истр'е́*, *в в'идр'е́*, *з'имл'е́*, *б'ыз з'имл'и́*, *з'имл'б'и́у*. Такое совпадение ёкающих говоров с умеренно якающими вряд ли может быть случайным. Оно само по себе говорит об их тесной

исторической связи. Однако, как мне кажется, совпадение в отклонениях от системы вокализма ёкающих говоров, с одной стороны, и умеренно якающего, с другой, позволяет сделать и большие выводы.

Появление отклонений от системы умеренного яканья обычно объясняют действием аналогии. Так, Л. Н. Булатова, характеризуя умеренное яканье ряда селений Озерского р. Московской обл., отмечает, что «иногда *и* вместо *'a* бывает перед твердым не шипящим, если дальше за ним следует мягкий согласный, шипящий или *ц*: *з'имл'а́* (д. Горы, д. Протасово, д. Речицы), *п'икл'и́* (Г., П.), *л'игл'и́* (д. Ольхово), *п'об'игл'и́* (Р.), *в в'идр'е́* (Р.), *у в'итл'е́* (О.), *с'истр'е́*, *в'инц'и́* (О.), *д'ирж'ал'и́* (Г., О., Р., П.), *д'ирж'и́* (Р.)». Объясняет это она следующим образом: «В одних из указанных примеров *и* вместо *'a* перед твердым согласным может объясняться поздним отверждением этого согласного (например, *в'инц'и́*, *д'ирж'ал'к'ь*), в других — грамматической аналогией (например, *п'икл'и́*, *л'игл'и́*, *б'игл'и́* по аналогии с *в'ил'и́*, *п'ил'и́*; *в в'идр'е́*, *у в'итл'е́*, *с'истр'е́* по аналогии с *в р'ик'е́*, *в с'ил'е́* и т. д.)»²⁷.

Ограничивая произношение типа *к с'истр'е́*, *на ст'икл'е́*, *ф т'ипл'е́*, *п'икл'и́*, *лиг'л'и́* и т. п. «некоторыми морфологическими категориями», В. Г. Орлова, естественно, также считает, что оно «возникает при умеренном яканье, видимо, под влиянием морфологической аналогии: *р'ак'и́* именительный падеж, но *р'ик'е́* дательный и предложный; *в'ал'и́* ед. число, но *в'ил'и́* мн. число, а стало быть, и *с'астр'а́* — *с'истр'е́*, *п'акл'а́* — *п'икл'и́*»²⁸.

Подобным же образом «отклонения от общего правила» умеренного яканья объясняет и Р. И. Аванесов. Он полагает, что они «появились в результате воздействия тождественных форм разных слов — одних, которые не имели сочетаний согласных или имели сочетание с мягкой согласной перед мягкой, на другие, имевшие твердую согласную перед мягкой, т. е. что *т'икл'и́*,

²⁷ Л. Н. Булатова. О диалектологической экспедиции в Озерский район Московской области. «Бюлл. Диалектол. сектора Ин-та русского языка АН СССР», 1947, в. 1, стр. 64 и след.

²⁸ В. Г. Орлова. Говоры северо-восточной части Рязанской области. «Бюлл. Диалектол. сектора Ин-та русского языка АН СССР», 1948, вып. 3, стр. 48.

п'икл'и́ с *и* в предударном слоге появились под влиянием *в'ил'и́*, *пл'ил'и́*, *п'ѣдм'ил'и́*, *н'исл'и́*, *в'изл'и́* и т. д.; *нѣ-ст'икл'ѣ*, *в-в'идр'ѣ* появились под влиянием *в-с'ил'ѣ*, *нѣ-в'исл'ѣ*, *в-п'ир'ѣ* (от «перо») и т. д., *с'истр'ѣ* появилось под влиянием *нѣ-ст'ин'ѣ*, *в-р'ик'ѣ*, *в-б'ид'ѣ*, *в'исн'ѣ* и т. д.»

Р. И. Аванесов, правда, допускает, что некоторые из «аномалий», отмеченных в умеренном яканье, могли получиться и фонетическим путем. «Возможно, — говорит он, — и предположение, что некоторые из твердых согласных перед мягкими в прошлом были в какой-то мере мягкими — в частности, заднеязычные *к, г...* и что таким образом формы типа *п'икл'и́* возникли фонетически закономерно». С другой стороны, «аномалии» типа *с'истр'ѣ*, *в'идр'ѣ* фонетически объяснить нельзя, так как «у нас нет никаких указаний на мягкость в прошлом *ѣ* и *т* перед *р*». Вместе с тем, «не подлежит сомнению, что случаи типа *с'истр'ѣ*, *в'идр'ѣ* того же порядка, что и *ст'икл'ѣ*, и должны быть объяснены одинаково». А так как к тому же «случаи отклонений обычно относятся к грамматическим формам, имеющим соответствующие образцы, которые могли воздействовать на появление случаев с отклонениями», то, заключает Р. И. Аванесов, «предложенное выше нефонетическое объяснение представляется более вероятным»²⁹.

Тождество случаев нарушения системы севернорусского еканья, с одной стороны, и системы среднерусского умеренного яканья, с другой, перед сочетанием твердой согласной с последующей мягкой впервые, насколько мне известно, отметила Л. Н. Булатова. Указав, что в описываемых ею ёкающих владимирских говорах перед такими сочетаниями «гласная *е* сохраняется без изменения в 'о, так же как перед мягкими согласными», Л. Н. Булатова пишет: «В этом отношении можно провести полную параллель между вокализмом описываемых говоров и системой умеренного яканья: за редкими исключениями при умеренном яканье в тех же категориях слов в 1-м предударном слоге будет звучать *и* или *е*, как перед мягкими, а не 'а, как перед твердыми»³⁰.

²⁹ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., 1949, стр. 80.

³⁰ Л. Н. Булатова. Об акающих говорах Курловского и Гусь-Хрустального районов Владимирской области, стр. 73 и след.

Надо прямо сказать, что указанные параллельные отклонения от систем ёканья и умеренного яканья никак не могут быть объяснены «морфологической аналогией». Они не могут так объясняться потому, что формы типа *с'естр'ѣ*, *п'екл'и́* в ёкающих говорах или *с'истр'ѣ*, *п'икл'и́* в умеренно якающих, по отношению к которым только и можно говорить об аналогии, представляют собой всего лишь частный случай тех отклонений от системы вокализма, которые наблюдаются в ёкающих и умеренно якающих говорах.

На это обратил внимание Ф. П. Филин в своем описании «типичного умеренного яканья» д. Селино Дубенского р. Тульской обл. Отметив «произношение *и* перед сочетанием согласных, последний из которых является мягким, первый же твердым: *ны з'имл'ѣ*, *з'имл'ѣй*, *з'имл'ѣ*, *к с'истр'ѣ*, *у в'идр'ѣ*, *у т'ипл'ѣ*, *ны м'итл'ѣ*, *ны с'идл'ѣ*, *л'игл'и́*, *пѣт'икл'и́*, *ны п'иск'ѣ*, *ст'ир'игл'и́*, *б'ир'игл'и́*, *п'икл'и́*, *ст'икл'анай*, *и҃н'ѣнак*, *абл'ихч'ит'* и т. п.», Ф. П. Филин вместе с тем отказывается от их объяснения путем морфологической аналогии. «Эту особенность можно было бы объяснить как результат грамматической аналогии (*п'икл'и́* по образцу *ниск'и́*; *с'истр'ѣ* по образцу *с'т'ин'ѣ*). Однако некоторые слова данной группы не очень-то укладываются в рамки аналогии. Вряд ли грамматические параллели могли оказать воздействие на слово *и҃н'ѣнак* (но *ја҃н'ѣшка* — молодая овца, с чем сосуществует в том же значении *и҃н'ѣшка*), *р'имн'ѣ*, *п'итл'ѣ*, *з'имл'ѣ*, *з'имл'ѣк*, *св'итл'ѣк* и др. ввиду малочисленности этих параллелей»³¹.

Примеры, приводимые Ф. П. Филиным в подтверждение положения, что при умеренном яканье предударное *и* перед группой из твердой и мягкой согласных не может объясняться морфологической аналогией, не все одинаково убедительны. Для некоторых из них (*р'имн'ѣ*, *п'итл'ѣ*, *св'итл'ѣк*) можно предполагать сравнительно недавнюю утрату у начальной согласной группы старой мягкости³².

³¹ Ф. П. Филин. Говор д. Селино Дубенского района Тульской области (Фонетический очерк). «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I. М.—Л., 1945, стр. 291.

³² Ср. в некоторых говорах с умеренным яканьем предударное *и* «перед сочетанием *рп*, *рпн*, *рз* и т. п.», например *сирном*, *почирпнуть*, *коцирга*; см.: Н. Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I. Южновеликорусское наречие, вып. 2, стр. 70.

Говоря же о произношении *ун'бнак*, *ун'фшка*, может быть, следовало посчитаться с возможностью ассимилятивного воздействия на предударную гласную предшествовавшего ей *j* (или *i*)³³. Подобные примеры, как непоставимые со случаями типа *в в'едр'э*, *к с'естр'э*, *на ст'екл'э*, *на п'еск'э*, *п'екл'у*, *б'ер'егл'у*, *т'епл'эй* и т. д., не могут свидетельствовать против аналогического происхождения у последних предударной гласной *e*. Однако в самой сущности своего утверждения Ф. П. Филин, безусловно, прав, и такие его примеры, как *ст'икл'анай*, *абл'ихч'ит'*, *з'имл'ак*, *з'имл'ой*, число которых можно увеличить за счет примеров из других говоров с умеренным яканьем, например: *пистрит*, *стиклянка* (с. Аргаш бывш. Карсун. р. Симбир. губ.)³⁴, *систр'онка*, *кр'ипч'эй* (с. Павловка, Павл. р. Чкалов. обл.)³⁵ и др. с несомненностью доказывают несостоятельность попыток истолковать путем морфологической аналогии произношение предударного *и* вместо *'а* перед сочетанием твердой согласной с последующей мягкой в системе умеренного яканья.

Чем же в таком случае оно объясняется? Сам Ф. П. Филин склонен считать, что «скорее всего мы здесь имеем дело с явлением фонетическим». Однако предложенное им фонетическое объяснение, согласно которому «сочетание согласных, оканчивающихся на мягкий, так же воздействует в данном случае на качество предшествующего гласного, как и мягкий согласный», ничего не объясняет. Да по существу это даже не объяснение, а только регистрация факта, что в такой-то позиции произносится *и*, а не *'а*. Не помогает делу и указание, что «по отношению к предшествующему гласному первого предударного слога» это сочетание «представляет собою единый фонетический комплекс»³⁶. Ведь в итоге

³³ Ср. подобные случаи в умеренно-яканьем говоре с. Брусны Куйбыш. обл.: «*Мы г'вар'йм игн'бн'к*, *ицб*, *а кал'цб'фск'и* — *йагн'бн'к*, *йайцб* (женщина)», см.: С. В. Фролова. Говор некоторых сел Сосново-Солонецкого района Куйбышевской области. «Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та», 1954, в. 12, стр. 82.

³⁴ «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. 8. «Сб. ОРЯС», 1903, т. LXXIII, № 5, стр. 202.

³⁵ В. И. Лыткин. Краткие сведения о говорах Чкаловской области. «Бюлл. Дialeктол. сектора Ин-та русского языка АН СССР», 1949, вып. 6, стр. 91.

³⁶ Ф. П. Филин. Указ. соч., стр. 291.

все равно остается нераскрытым, почему перед этим «единым фонетическим комплексом» происходило такое же сужение предударной гласной в направлении к *и*, как и перед мягкими согласными. Позднее Ф. П. Филин более определенно указал, в чем он видит причину, по которой сочетание твердой согласной с мягкой может по воздействию на предшествующую гласную уподобляться мягким согласным. По его словам, «мы имеем здесь дело со своеобразными звуковыми комплексами, такими сочетаниями двух согласных, которые ведут себя в данном случае как один согласный, причем определяющим является мягкий согласный»³⁷. Если оставить в стороне, как ничего не говорящие, указания на «своеобразие» сочетаний, а также на то, что они «ведут себя» как одна согласная, то окажется, что произношение предударного *и*, а не *'а*, по мнению Ф. П. Филина, определяется мягкой согласной в исходе сочетания. Иначе говоря, в этом случае происходит нечто вроде дистантной ассимиляции предударной гласной с мягкой согласной следующего слога.

Не знаю, существуют ли вообще в языках такого рода процессы дистантной ассимиляции. Но во всяком случае представляется крайне маловероятным, чтобы подобная ассимиляция могла осуществляться именно в системе умеренного яканья. Ведь при умеренном яканье определяется произношение не только предударного *и* мягкостью следующей согласной, но и предударного *'а* последующей твердостью. Почему же в таком случае, когда предударная гласная находится перед твердой согласной, за которой следует мягкая, то ее твердость перестает воздействовать на стоящую перед ней гласную, и последняя, так сказать, через голову соседа уподобляется по среднеязычной артикуляции следующей за твердой мягкой согласной?

Произносительная модель с предударным *и* вместо *'а* перед сочетанием твердой согласной с мягкой, возникнув, возможно, в дальнейшем могла бы поддерживаться теми звуковыми отношениями, о которых говорит Ф. П. Филин, но совершенно неправдоподобно, чтобы они были виновником самого ее возникновения. С этой точки зре-

³⁷ Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 178, прим. 41.

ния понятна позиция Р. И. Аванесова. Он отказывается от фонетического истолкования явления и присоединяется к тем, кто усматривает здесь действие морфологической аналогии.

Иного рода фонетическое истолкование рассматриваемого явления в умеренном яканье предложил В. И. Лыткин. Он произношение предударного *и* ставит в зависимость от гласной следующего слога. Описывая умеренное яканье в говоре «районного центра» Павловки Чкаловской обл., В. И. Лыткин отмечает, что *и* в предударном слоге звучит и перед твердым согласным, если под ударением стоит гласный переднего ряда (*е, и, а* также *ё* из *е, ё*): *с'истр'ё, т'имн'ёт', кр'ипч'ёй, ф т'ипл'ё, в в'идр'ё, з'имл'и, в'ирт'и, т'икл'и, л'игл'и, з'имл'ой, с'истр'онка, в'ирн'от'и, зьв'ирн'биш, нъл'ирл'и*³⁸.

Понимание отклонений от умеренного яканья В. И. Лыткиным совпадает с точкой зрения П. С. Кузнецова, объяснявшего таким же образом аналогичные отклонения от системы ёканья во владими́ро-поволжских говорах. Естественно, что его объяснение должно быть отвергнуто на том же основании, что и объяснение П. С. Кузнецова.

Таким образом, на почве умеренного яканья, фонетическая модель которого определяется положением предударных гласных перед твердыми и мягкими согласными, произношение типа *з'имл'а, с'истр'ица, к с'истр'ё, п'екл'и* не находит себе объяснения. В этой позиции, конечно, должно бы произноситься *'а*, и в ряде умеренно-якающих говоров наблюдается тенденция подчинить эти случаи общим нормам умеренного яканья, ср. хотя бы в говоре деревни Торопово: *п'акл'и, л'агл'и, к с'астр'ё, с'т'акл'ё, ф т'апл'ё, в в'идр'ё, в з'имл'ё, з'имл'ой*; или в говоре с. Соколово: *п'акл'и, л'агл'и, к с'астр'ё, в в'адр'ё, но з'имл'ой*. Образцом последовательного произношения предударного *'а* перед группой из твердой и мягкой согласных может служить умеренно-якающий говор «переселенцев из бывш. Рязанской губ. в 1809 г.» в районном центре Шарлыке бывш. Чкаловской обл., см. примеры: *п'акл'и, л'агл'и, т'акл'и, к с'астр'ё, нъ ст'акл'ё, ф т'апл'ё, в в'адр'ё, т'амнёт'*³⁹.

³⁸ В. И. Лыткин. Указ. соч., стр. 29.

³⁹ Там же, стр. 32.

Правда, то же самое можно, по существу, сказать и о современных ёкающих говорах, в которых произношение *з'емл'а, с'естр'ица, с'естр'ё, п'екл'и* тоже не может быть выведено из условий, определяющих произношение предударного *'о* и предударного *е*. Объяснение этого произношения следует искать не в современных фонетических условиях, а в историческом прошлом ёкающих говоров.

Севернорусское ёканье является отражением в безударных слогах и прежде всего в непосредственно предударном слоге общего процесса изменения *е* в *'о* перед твердыми согласными в русском языке. В ударяемых слогах изменение *е* в *'о* определялось, несомненно, теми же фонетическими условиями, что и вне ударения. Поэтому, если случаи отсутствия перехода в ёкающих говорах предударного *е* в *о'* перед группой из твердой и мягкой согласных объяснять тем, что положение перед этой группой препятствовало изменению *е* в *'о*, или, иначе говоря, было позицией, ограничивающей действие этого процесса, то такое же отсутствие перехода *е* в *о'* должно наблюдаться и в слоге под ударением. Так оно и есть на самом деле.

В современном литературном языке гласная *е* из этимологического *е* и *ь* перед твердой согласной, за которой следует мягкая, произносится в следующих словах: *бедренный, вепрь, гребля, дебри, дешевле, дремлет, желть, землю, клевет, кремль, легче, набедренный, пестрядь, разведрилось, серебряный, сестрин, теплится, треплится, шепчет*.

Если не считать самого факта отсутствия перехода *е* в *'о*, история языка не дает указаний на былую мягкость у этих слов согласной, перед которой сейчас произносится гласная *е*. Вместе с тем трудно причислить эти слова и к разряду церковнославянизмов.

Группы согласных в словах с гласной *е* вместо ожидаемого *'о* не одинаковы по своему происхождению. В большей части слов они являются очень старыми, общеславянскими сочетаниями, и лишь в двух словах: *легче, шепчут* представляют собой более поздние новообразования, получившиеся в результате выпадения редуцированной гласной *ь*: *льгъче, шьпъчхтъ*.

То, что произношение гласной *е* вместо *'о* перед группой согласных, оканчивающейся на мягкую соглас-

ную, связано [именно [с мягкостью этой согласной, на- гадно показывают слова с тем же корнем, в которых все согласные группы, в том числе и конечная, являются твердыми. Перед такой целиком твердой группой согласных, как и следовало ожидать, произносится гласная 'о, ср. *сестрин*, но *сёстры*; *пестрядь*, но *пёстрый*; *разведрилось*, но *вёдро*; *бедренный*, *набедренник*, но *бёдра*; *теплится*, но *тёплый*; *желть*, но *жёлтый*; *клеплют*, но *заклёпка*; *легче*, но *лёгкий* (*л'бжкѣ*). Менее показательны в этом отношении слова с тем же корнем, в которых 'о произносится не перед группой согласных, а перед одной твердой согласной, ср. *землю*, но *позёмок*; *дешевле*, но *дешёвый*, *дремлют*, но *дрёма*, *шепчут*, но *шёпот*. По существу, однако, здесь то же самое явление: отсутствие мягкости после твердой согласной (или согласных), потому ли, что вместо мягкой согласной находится твердая, или потому, что вместо нее вообще нет никакой согласной, создает условия для произношения гласной 'о перед твердой согласной.

Произношение гласной *e* перед группой согласных с конечной мягкой довольно последовательно проводится в современном литературном языке. Однако некоторые отклонения от такого произношения все же встречаются. Таковы, например, слова *пёстренький*, *тёпленький*, *жёлтенький*, *ёмче*, *жёлчь*.

Если признавать, что произношение 'о в этих словах есть именно отступление от нормы и оно, следовательно, — явление новое, вытеснившее более раннее произношение *пёстренький*, *тёпленький*, *жёлтенький*, *ёмче*, то объяснить его не представляет больших трудностей.

На самом деле, в производных прилагательных *пестреный*, *тепленький*, *желтенький* гласная 'о могла явиться нефонетически в результате обобщения корневой гласной основных прилагательных *пёстрый*, *тёплый*, где гласная 'о была фонетически оправданной. Совершенно такое же обобщение гласной 'о у прилагательных на -енький, как известно, последовательно проведено в литературном языке и в том случае, когда за 'о следует мягкая согласная, ср. *зелёный* — *зелёненький*, *весёлый* — *весёленький*, *дешёвый* — *дешёвенький*, *тяжёлый* — *тяжёленький* и др. Тем более естественно ожидать гласную 'о в прилагательных на -енький перед твердыми согласными.

Подобным же обобщением корневой гласной 'о одно-коренных слов легко объясняется произношение 'о в сравнительной форме *ёмче*. В ней обобщалась гласная 'о прилагательного *ёмкий* (*ѣмкѣ*), ср. такое же обобщение и в положении перед мягкой согласной: *жёсткий* — *жёстче* (*жѣбѣ*), *хлёсткий* — *хлёстче* (*хл'бѣ*).

Несколько иначе объясняется гласная *o* в слове *жёлчь* (ср. ст.-сл. *зльчъ*) и производных от него. На судьбе его корневой гласной, по-видимому, сказались живая смысловая связь этого слова со словами корня **žlt-* (рус. *жёлтый* и др.). По всей вероятности, в этом слове и при более раннем (общеславянском) процессе «унодбления на расстоянии» начального зубного **z* пинящей аффрикаты **č* следующего слога кроме «фонетической ассимиляции могла действовать, — по словам И. А. Бодуэна-де-Куртена, — тоже „аррадикация“ или „морфологизация“ к слову *жёлтый*»⁴⁰. Иногда в литературной речи встречается произношение слова *желчь* и производных от него и с гласной *e*⁴¹. Однако — это не след старого звучания слова, а «книжное» произношение, обязанное влиянию письма.

Таким образом, случаи произношения гласной 'о вместо *e* перед группой согласных с мягкой согласной на конце легко объясняются обобщением в этом положении гласной 'о однокоренных слов, причем в большей их части гласная 'о оказывается представленной в таких формах или разрядах слов, где она была обобщена также и в положении перед мягкими согласными. Все это, как мне кажется, позволяет считать произношение гласной 'о в словах типа *пёстренький*, *ёмче* и др. по своему происхождению нефонетическим и вместе с тем вторичным. Исторически закономерным здесь, как и вообще в положении перед сочетанием твердой согласной с мягкой, необходимо признать произношение гласной *e*.

Отсутствие перехода *e* в 'о перед группой согласных, начинающейся с твердого звука и оканчивающейся мяг-

⁴⁰ И. А. Бодуэн-де-Куртена. Лингвистические заметки и афоризмы. «Журнал М-ва народного просвещения», СПб., 1903, № 5, стр. 22.

⁴¹ Против такого произношения предостерегает, тем самым признавая его существование, справочник: «Русское литературное произношение и ударение». Словарь-справочник. Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1960.

ким, достаточно ярко проявляется в современном русском литературном языке. Но это явление известно и современным русским говорам. Однако изучение его здесь затруднено тем, что примеры, свидетельствующие о нем, крайне редко встречаются в диалектологических записях. Причина этого понятна. Слов, где перед группой согласных с мягкостью на конце произносится гласная *e*, очень мало. К тому же большая их часть не отличается употребительностью в речи. Обычно поэтому соответствующие примеры оказываются не зарегистрированными по той простой причине, что они не встретились в речи, за которой велось наблюдение. Нельзя не учитывать также и того, что записи по говорам как правило наиболее обильно отражают такие черты языка, которые отличаются от литературных, так как они более заметны и, естественно, более привлекают внимание наблюдателя, чем те, которые совпадают с литературными.

Приведу из говором, где перед твердыми согласными *e* изменилось в *'o*, примеры на произношение гласной *e* перед группой согласных с мягким исходом.

Д. Парфенки Рузского у. Московской губ.⁴²: *c'up'ě²-br'инāj* (стр. 14), *c'ě²стр'йн* при *c'обстры* (стр. 17), *пат'ě²п'а'ила* (стр. 11) и *пат'ě¹п'а'илъ*, *т'ě¹п'а'и* и *т'ě²п'а'и*, *гр'ě²б'л'я*, *з'ě²м'л'ю*⁴³ (стр. 65); см. также: *ш'єпч'ят* (стр. 16), *л'єхшы*, *л'єкшы* и *л'єхч'и* (159), *пал'єхч'иит* (стр. 168) при *л'бхкѣ* (стр. 63), *л'бхка* (стр. 224). Сюда же можно, по-видимому, отнести образования *тр'єп'ьссѣ*, *тр'єп'юцца* (стр. 167), поскольку они восходят к формам, где гласная *e* находилась перед сочетанием *п'л'*, ср. литературную нейтральную форму *треплется* и разговорную *трепится*. Можно отметить также форму *ац'єкли* (стр. 119) при *c'ок* (стр. 17). Хотя этимологически в корне этого глагола гласная *ѣ* (*ѣ*), показательно, что она не заменилась гласной *'o* именно перед группой согласных, твердой в начале и мягкой на конце.

Автор описания говора Н. Н. Дурново для некоторых сочетаний указывает на полумягкость согласной, перед которой находится гласная *e*, благодаря чему в какой-то степени смягченной оказывается вся группа согласных.

⁴² Н. Дурново. Описание говора дер. Парфенок Рузского уезда Московской губ. — Отд. отт. из РФВ. Варшава, 1903.

⁴³ *e¹* — закрытое, *e²* — открытое, точка над буквой указывает на полумягкость согласной.

С полумягкостью начальной согласной группы связывает он отсутствие изменения стоящей перед такой группой гласной *'e* в *'o*. Именно по этой причине «*e* сохраняется в словах: *т'єп'а'и*, *пат'єп'а'илъ*, *ш'єпч'ят*. Здесь *п* и теперь полумягкое, так что *ш'обпчеть* в других говорах, — замечает Н. Н. Дурново, — может быть и нефонетич. (по аналогии с *шопот*, *шоптатъ* и т. п.» (стр. 16—17). Отмеченная полумягкость согласной *п* уже не является в говоре д. Парфенок обязательной, она факультативна: «Согласные губные перед *л* — средние или твердые: *пат'є¹п'а'илъ*, *т'є¹п'а'и* и: *т'є²п'а'и*, *гр'є²б'л'я* (ср. *гряб'л'я*), *з'є²м'лю*» (стр. 85).

Такую же факультативную полумягкость начальной согласной группы (точнее, сочетания *ст*) Н. Н. Дурново отмечает для слова *сестрин*. При обычном произношении *c'ě²стр'йн* с открытым *e²* перед сочетанием *ст*, несмягченным перед *р'*, в говоре «слышится, кажется, и *e* среднее: *c'єстр'йн* перед полумягкими *ст*» (стр. 17). Вместе с тем в противоречии со своим наблюдением Н. Н. Дурново утверждает, что «перед *р* все согласные тверды» и среди примеров, иллюстрирующих это положение, приводит слово *c'єстр'ин*, сопровождая его замечанием: «„*e*“ в последнем слове указывает на то, что отвердение зубных перед *р* сравнительно недавнее, хотя ср. *п'обтр'ин*» (стр. 65).

Интересные и важные для понимания рассматриваемого явления наблюдения Н. Н. Дурново над произношением групп согласных с мягким исходом могут быть запозднены в некоторой предвзятости. И дело, конечно, не только в отмеченной противоречивой характеристике произношения группы *стр'* в прилагательном *сестрин*. Настораживает прежде всего то обстоятельство, что смягчение согласных до полумягкости перед мягкими согласными он слышит лишь тогда, когда перед такими смягчающимися согласными произносится гласная *e*, не переходящая в *'o*. Правда, в этом случае, как говорит сам Н. Н. Дурново, «обыкновенное разговорное произношение *e* иногда помогает безошибочно определить степень мягкости следующей согласной» (стр. 10).

Д. Панково Тотемского у. Вологодской губ.⁴⁴: *z'ємл'и* (стр. 68, 71, 86), *d'єš'єvl'e* (стр. 86), *dr'ємл'єš* (стр. 78, 86,

⁴⁴ О. Брок. Указ. соч.

138), *klépl'eš* (стр. 78, 138), *kl'épl'öt*, *-l'et* (стр. 100), *tr'épl'eš* (стр. 138), *s'er'ébr'ena[ɨ]a* (стр. 86), *l'ékc'e* (стр. 87, 128).

Материал, извлекаемый из работы О. Брока, довольно однообразный. Он содержит главным образом примеры на произношение гласной *e* перед сочетанием губных согласных с мягким *l'*. Губные в таких сочетаниях, по наблюдениям Брока, определенно твердые. По его словам, вообще, «если перед палатализованной зубной стоит губная, то, по-видимому, палатализация обыкновенно не переходит» на эту губную. Правда, сформулированное им правило «не вполне без исключений», и в говоре Панкова встретились случаи, когда Брок «не брался решить, была ли губная палатализована или нет, но эти случаи не касались сочетаний губных с *l'*. Напротив, последние приводятся Бромом среди примеров, где сочетания губных с мягкой зубной произносятся «с бесспорно твердой губной». Колебаться в определении мягкости или твердости губной заставляли Брока сочетания губных с мягким *r*. Так, «скорее *b'*» он слышал в слове *s'er'ébr'ena[ɨ]a*. «Колеблющимся остался» Брок и «насчет *k*» перед мягкой зубной согласной, но в *l'ékc'e* «гортанное» *k* перед *s'* твердое.

Перед «описанным положением вещей, — по мнению Брока, — господствовало другое», так как «*e* не 'о в *z'eml'á*, *z'eml'u* и др. указывает на „мягкие слоги“. Спрашиваем поэтому невольно, — продолжает он, — не обозначают ли случаи, в которых наблюдатель колеблется насчет характера губной, остаток старины под еще не оконченным развитием. Это возможно, да не вероятно. Скорее, нужно объяснить описанное колебание так, что склонность палат. губных к низкому положению передней части языка делает различие между „мягкой“ и „твердой“ губными неясным и поэтому мешает решению наблюдателя»⁴⁵.

Приведу еще несколько свидетельств отсутствия в русских говорах перехода *e* в 'о перед твердыми согласными, когда они начинают группу согласных с мягкой на конце. Примеры приводятся из тех говоров, в которых широко распространен переход *e* в 'о перед твердыми согласными.

В «олонецком наречии»⁴⁶:

Вэприк (Ухтинский погост Вытегор. у.) — боров, свинья-самец.

Пэстрадь... (Петрозавод. у., Заонежье, Повенецк. у., Пудож. у.) — домашний холст, вытканый из различно окрашенных нитей, а также одежда, сшитая из ней.

Посэстрия (Петрозавод. у., р. Свирь) — двоюродная сестра.

Тэплик (Петрозавод. у., Пудож. у.) — хлеб, испеченный из пшеничной муки в медном или глиняном сосуде. В говорах Московского у.⁴⁷

Патерэбливать. Теревить понемножку. Патеревливай па нимношку (лен) д. Харугино, Дурькин. вол.

Тэплинка. Огонь, небольшой костер (стр. 155). Падайдут к тэплинки руки греть. с. Радомля, Дурькин. вол.

Тэплиночка. Уменьш.-ласкат. от *теплинка*. Тэплиначку кладешь. д. Харугино. Дурькин. вол.

Д. Калужкино Мещовского у. Калужской губ.⁴⁸: *Сирэбринской* (стр. 5), *сирэбриныва* (стр. 27, 78), *сирэбриных* (стр. 95), *сирэбри* (стр. 94 — Ю глазах сирэбри зыблястали), *сэстрину* (стр. 69), но *сэстры* (стр. 95), *зэмлю* (стр. 51, 56, 58), *дишэвэли* (160), *лэхэчи* (стр. 160).

Примеры, свидетельствующие об отсутствии в говорах изменения гласной *e* в 'о перед твердой согласной, за которой следует мягкая, можно было бы умножить. Однако в этом нет особой надобности. Диалектный материал, относящийся к рассматриваемому звуковому явлению, очень однообразен, и приведенные образцы дают о нем достаточное представление.

Данные говоров, без сомнения, показывают, что произношение гласной *e* перед группой, начинающейся с твердой согласной и оканчивающейся мягкой, — явление, общее для всего русского языка. Оно обнаруживается в говорах не только в одинаковых с литературным языком фонетических условиях, но даже в одних

⁴⁶ Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

⁴⁷ В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда. «Сб. ОРЯС», 1900, т. LXXIII, прил. № 3.

⁴⁸ Записи ученика Мещовского уездн. училища Андрея Косогорова, изданные В. Чернышевым в кн.: «Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда». «Сб. ОРЯС», 1901, т. LXX, № 7.

⁴⁵ О. Брок. Указ. соч., стр. 85—87.

и тех же или же родственных по корню образованиях. Различия между литературным языком и говорами в отношении этого явления, по-видимому, незначительны. Одни говоры пошли несколько дальше, чем литературный язык, в направлении обобщения в однокоренных словах гласной 'о, ср., например, с литературной сравнительной формой *дешёвле* при *дешёвый* диалектную *дешовле* (в бывш. Олонецкой губ.)⁴⁹ и *дешовле* (в бывш. Шенкурск. у. Арханг. губ.)⁵⁰. Другие говоры, напротив, в некоторых случаях показывают более старое употребление гласной *е*, сохраняя ее там, где в литературном языке сейчас произносится гласная 'о. Например, уменьшительно-ласкательным прилагательным литературного языка *жёлтенький*, *пёстренький*, *тёпленький*, обобщившим корневое 'о основных прилагательных *жёлтый*, *пёстрый*, *тёплый*, в говорах могут соответствовать образования с гласной *е* в корне. Так, «не вполне понятное», по словам Р. Якобсона, *жёлт'ин'кы́* встретил он в севернорусском говоре д. Костюнино бывш. Дмитровского у. Московской губ.⁵¹ С гласной *е* записала Н. П. Гринкова прилагательное *тепленький* в с. Копорье Моложского у. Ярославской губ.⁵²: *т'эп'лен'кой* и в д. Капустино Мало-Вишерского р. Новгородской обл.⁵³: *тепленькой* (стр. 181), *фсё тепленькой сушишко* (стр. 186) при *тёпло*, *тёплая* (стр. 179). В последнем селении с гласной *е* отмечено еще прилагательное *черненькой* (стр. 181), но в нем *е* произносится перед согласной или мягкой, или лишь относительно недавно утратившей свою очень старую по времени возникновение мягкость. Так или иначе, по этот пример показывает, что в говоре д. Капустино произношение прила-

⁴⁹ В. Мансикка. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. «Изв. ОРЯС», 1914, т. XIX, кн. 4, стр. 147 и 153.

⁵⁰ В. Мансикка. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губ. «Изв. ОРЯС», 1912, т. XVII, кн. 2, стр. 96.

⁵¹ Р. Якобсон. Фонетика одного севернорусского говора с начинающейся переходностью. Прага, 1927, стр. 17.

⁵² Н. П. Гринкова. Очерки по русской диалектологии, II. О говорах северо-восточной части Моложского уезда Ярославской губ. «Изв. ОРЯС», 1925, т. XXX, стр. 250.

⁵³ Н. П. Гринкова. Очерки по русской диалектологии, XIII. Мстинский говор. «Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 69. Кафедра русского языка, 1948.

гательного *тепленькой* с корневой гласной *е* поддерживается таким же произношением других слов этой словообразовательной категории. Конечно, было бы интересно знать, насколько последовательно проводится такое произношение в говоре перед мягкими и отвердевшими согласными. Но на этот вопрос как в отношении данного селения, так в отношении и других, где отмечены и не отмечены подобные образования, к сожалению, нельзя получить ответа из-за случайности и бедности материала в имеющихся диалектологических записях.

Отмечу еще один довольно типичный случай более «арханчского» употребления в говорах гласной *е* перед твердой согласной, когда за ней следует мягкая. Как показывает ряд диалектологических записей, по говорам, по-видимому, широко распространено произношение гласной *е* в личных формах глаголов с ударяемым корнем *стег-*, например д. Харугино Моск. у.: *застёгним*⁵⁴, д. Тимохино Касим. у. Ряз. губ.: *растёгнуешься* (здесь же: *повёрнешь*, *вёрнецца*), с. Кугушерга Яран. у. Вятск. губ.: *стёгнет*, д. Дубровка Зубцов. у. Тверск. губ.: *растегнется* (но и *растегнёшься*, ср. также: *повёрнешь* и *повернёшь*; «остальные, — по словам наблюдателя, — произносятся верно»), с. Соколово Нолин. у. Вятск. губ.: *стёгнёт*⁵⁵ и др., ср. предударное *е*: *рост'егн'ис'* (Выксун. р. Горьк. обл.)⁵⁶. В литературном языке в соответствующих формах ударение падает на окончание: *застегнём*, *растегнёшься* и проч.

В качестве параллельного образования к только что рассмотренным глагольным формам можно привести из говоров Пудожского у. Олонецкой губ., описанным В. Мансиккой⁵⁷, форму *припёхнёш* (стр. 147 и 148). Однако в ней этимологически не совсем ясна корневая гласная. Из *ь* она или из *ё* (< *oi)? Ударяемая гласная 'о, а не *е* перед твердыми согласными в других формах: *пёхать* (стр. 149), *пёхнута* (стр. 148), *напёхать*,

⁵⁴ В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда, стр. 41.

⁵⁵ Материалы для изучения великорусских говоров, вып. VIII. «Сб. ОРЯС», 1903, т. LXXIII, № 5, стр. 15, 163, 177 и 219.

⁵⁶ С. К. Пожарицкая. Указ. соч., стр. 123.

⁵⁷ В. Мансикка. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда, стр. 143—173.

напёхано (стр. 147) и гласная *e*, а не *и* перед мягкой согласной: *припёхивать* (стр. 149) — говорят все же в пользу *ь*. Но тогда приходится предполагать старое диалектное различие по ударению между пудожскими формами и формами с выпавшим *ь* других говоров: *запхать*, *запхнуть* и проч. Вместе с тем нельзя не упомянуть о встречающемся в пудожских говорах произношении *'o* из *ё* перед твердыми согласными, например: *тилёга*, *бисёда*, *сусёт* (стр. 147).

В своем описании пудожских говоров В. Мансикка сообщает еще один крайне любопытный случай сохранения гласной *e* перед группой с начальной твердой и конечной мягкой согласной. Это — существительное *дэ́коть*. В литературном языке и в большей части говоров оно во всей падежной парадигме имеет корневую гласную *'o*: *дэ́готь*, *дэ́гтя* и проч. Однако такое произношение нельзя считать фонетически оправданным, если признавать ограниченное действие мягкой согласной, стоящей за твердой, на переход *e* в *'o* перед группой согласных с конечной мягкой. В косвенных падежах слово *деготь* должно было сохранить гласную *e*, поскольку она находилась перед группой *гт'*: *д'э́кт'а*, *д'э́кт'у* и т. д. Современное же литературное произношение следует считать возникшим в результате обобщения косвенными падежами гласной *'o* именительного и винительного падежей. Пудожские говоры показывают первоначальное распределение гласных *e* и *'o* в формах этого существительного: им.-вин. п. *дэ́коть*, косв. п. *дэ́ктю* (стр. 149), ср. предударное *e*: *дэ́хт'áрница* (Костр. у.)⁵⁸, тем самым подтверждая вторичность литературного произношения этого слова с корневым *'o* во всех его падежах. Устранение чередования гласных *e* и *'o* в парадигме существительного *дэ́коть* происходило и в пудожских говорах, но там тенденция к единообразию основы действовала в направлении, противоположном с литературным языком: форма именительного и винительного падежей обобщала гласную *e* косвенных падежей. Поэтому в пудожских говорах, по наблюдению В. Мансикки, наряду с *дэ́коть* «местами говорят и *де́коть*» (стр. 149).

⁵⁸ Н. Н. Виноградов. О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда. «Сб. ОРЯС», 1904, т. LXXVII, № 8, стр. 8.

Рассмотренные случаи отсутствия перехода *e* в *'o* перед соответствующими сочетаниями в слоге под ударением, а в севернорусских ёкающих говорах — и в предударном позволяют вывести общее заключение, что когда в русском языке происходило изменение *e* в *'o*, то этого изменения не было в положении перед твердыми согласными, за которыми следовали мягкие. Это можно объяснить тем, что переход *e* в *'o* в древнерусском языке происходил перед лабиализованными (или лабио-веляризованными) согласными, каковыми твердые согласные были только в положении перед гласными заднего ряда и твердыми же согласными⁵⁹. Поэтому естественно, что *e* не изменилось в *'o* перед группой согласных, кончающейся мягкой согласной, так как согласная, находящаяся перед мягкой согласной, не была лабиализованной. Возможно, что эта согласная вместе с тем не была также и вполне твердой.

Таким образом, произношение в ёкающих говорах предударного *e*, а не *'o* в словах и формах типа *з'емля*, *с'эстр'йца*, *с'эстр'ё*, *п'екл'й* объясняется общими условиями перехода *e* в *'o* в русском языке. В формах же типа *с'эстр'ё*, *п'екл'й* «влияние морфологической аналогии» не вызвало произношения с предударным *e*, а лишь содействовало его сохранению, препятствуя обобщению в этих формах гласной *'o* других форм (*с'о́стра*, *п'о́кля* и др.).

Из изложенного можно сделать вывод, что в средне-русских говорах с умеренным яканьем произношение в словах и формах типа *з'имл'á*, *с'истр'йца*, *с'истр'ё*, *п'икл'й* предударного *и* представляет собой отражение подобного же явления ёкающих говоров. А это еще раз подтверждает, что умеренное яканье среднерусских говоров образовалось на основе севернорусского ёкающего вокализма под влиянием южнорусского аканья.

Происхождение умеренного яканья, как мне кажется, подтверждает взгляды авторов «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» на среднерусские говоры. Эти говоры действительно по своей основе се-

⁵⁹ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. «Энциклопедия славянской филологии», вып. 11. Пг., 1915, стр. 214 и 222.

вернорусские. О них нельзя даже сказать, как нередко говорят, что в среднерусских говорах — севернорусский консонантизм, система согласных, и южнорусский вокализм, система гласных, так как вокализм их — в основе своей — также севернорусский, лишь с наложением южнорусского аканья, из-под которого прозрачно проступает севернорусская система гласных. Если уж пытаться определить среднерусские говоры в краткой формуле, то вернее было бы сказать, что это севернорусские говоры, в которых под влиянием южнорусского аканья «всякое» предударное *'o* заменилось гласной *a*.

Не касаюсь здесь вопроса, в результате каких исторических процессов образовалась на стыке северно- и южнорусского наречий полоса переходных среднерусских говоров. Образовалась ли она благодаря смешению населения или благодаря влиянию одного наречия на другое, в результате того что население этой полосы оказалось в определенную эпоху втянутым в экономические и культурные связи, определившие языковое влияние того или другого наречия, — все эти вопросы, естественно, не могут быть выяснены на основании рассмотренных одних только языковых явлений.

Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах

В предыдущем очерке мною была сделана попытка обосновать положение, что умеренное яканье произошло из ёканья севернорусских говоров. Оно образовалось под влиянием южнорусских акающих говоров путем замены предударного *'o* после мягких согласных (*в'оснá, в л'осú*) гласной *'a* (*в'аснá, в л'асú*). Замена предударного *'o*, произносимого в ёкающих говорах только перед твердыми согласными, с необходимостью привела к образованию именно умеренного яканья, в котором предударное *'a* после мягких согласных произносится также только перед твердыми согласными. Образовавшееся таким путем умеренное яканье первоначально отличалось от обычного в современных среднерусских говорах умеренного яканья произношением предударного *'a* не только перед твердым согласным (*в'аснá, в л'асú, пр'алá*), но в соответствии с этимологическим *'a* и перед мягким согласным (*п'ат'ú, м'ак'úна*). Говоры с таким первичным умеренным яканьем сохранились до наших дней на территории среднерусских говоров; таков, например, говор д. Тороново Ермишинского р. Рязанской обл. Тороповское яканье наглядно свидетельствует о путях образования умеренного яканья в среднерусских говорах.

По большей части в основе современного умеренного яканья среднерусских говоров лежит ёканье с предударным *'o* на месте этимологических *e* и *ě* (*в'оснá, в л'осú*) и с сохранением в предударном слоге после мягких согласных этимологического *'a* (*вз'алá, п'ат'ú*). Действительно, на основе такого предударного вокализма легче всего понять образование обычного умеренного яканья, представляющего собой по существу не что иное, как акающий сленг с северного ёканья.

Однако в основе среднерусского умеренного яканья могут лежать и несколько иные системы ёкающего вокализма. В таком случае яканье, образовавшееся на их основе, должно было отличаться от обычного типа умеренного яканья. В своей статье «О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах» я уже указывал на возможность существования по крайней мере двух разновидностей умеренного яканья (помимо указанного выше тороповского), отличие которых от обычного умеренного яканья определяется особенностями лежащего в их основе северного вокализма.

Одна из таких разновидностей — это тип умеренного яканья, представленный в говоре с. Соколово Пителинского р. Рязанской обл. Соколовский тип умеренного яканья отличается от обычного умеренного тем, что в нем на месте предударного 'а перед твердыми согласными произносится гласная *и*, т. е. *пр'илá, п'итóк* при *в'аснá, в л'ас'у*, а не 'а, как обычно в умеренном яканье, т. е. *пр'алá, п'атóк* при *в'аснá, в л'ас'у*. Это яканье образовалось на основе севернорусской системы гласных с предударным 'о на месте *е* и *ѣ* и с предударным *е* на месте 'а после мягких согласных (*в'оснá, в лос'у* и *п'етóк, пр'елá, в гр'ез'у*) путем замены предударного 'о гласной 'а и предударного *е* — гласной *и*.

Другая разновидность умеренного яканья могла образоваться на основе такого ёкающего говора, в котором предударное 'о перед твердыми согласными последовательно произносится только на месте *е* (*в'оснá, с'олó*), на месте же *ѣ* гласная 'о произносится или непоследовательно, т. е. лишь в части слов (например, *в л'ос'у*, но: *б'едá*), или даже вовсе не произносится (*в л'ес'у, б'едá*). Подобного рода ёканье довольно широко распространено во владимирских говорах¹. При изменении его в яканье путем замены предударного 'о гласной 'а и предударного *е* гласной *и* должно образоваться умеренное яканье, но с некоторым отличием от обычного. А именно, в нем

¹ См. хотя бы говоры, вокализм которых описал П. С. Кузнецовым («О гласных первого предударного слога в некоторых владимирских говорах» — «Бюлл. Диалектол. сектора Ин-та русского языка АН СССР», 1948, вып. 4) и Л. Н. Булатовой («Об акающих говорах Курловского и Гусь-Хрустального районов Владимирской области». — «Бюлл. Диалектол. сектора Ин-та русского языка АН СССР», 1949, вып. 5).

на месте этимологического *ѣ* в предударном слоге перед твердыми согласными должно произноситься или *и*, или в одних словах *и*, а в других 'а, в зависимости от того, была ли в ёкающем говоре на месте *ѣ* всегда гласная *е* или в одних словах произносилось *е*, а в других — 'о.

В своей статье я мог высказать лишь предположение о существовании подобного типа умеренного яканья, так как тогда (лично мне, по крайней мере) говоры с таким яканьем не были известны. Оказалось, однако, что они имеются и, следовательно, теоретически предполагаемый тип умеренного яканья является реально существующим.

Этот тип яканья был обнаружен в 1949 г. в говоре пос. Новороссийск-второй Большеболдинского р. Горьковской обл. И. А. Оссовецким, который познакомил меня с собранными им диалектологическими материалами по говору и поделился со мной имеющимися у него сведениями о пос. Новороссийск-второй².

Вот что И. А. Оссовецкий сообщил мне о самом селе: «Поселок Новороссийск-второй, он же Церковный, расположен на крайнем юго-западе Большеболдинского района Горьковской области. Новороссийск-второй (а также соседние поселки: Новороссийск-первый, Смелóвка, Мадаёвка, Елховка и Рябиновка) — выселки из большого села Кочкурово, Починковского района. Место, где расположены эти поселки, принадлежало Кочкурову и называлось „цышшоба“ (чащоба). Сюда кочкуровцы ездили за дровами. Село Кочкурово очень большое, земли его тянулись на 10—15 верст от села, что очень затрудняло полевые работы. Поэтому в 1917 г. по постановлению кочкуровского общества несколько десятков семейств переселились на „цышшобу“ и образовали вышеупомянутые поселки. В Новороссийске-втором была построена церковь, отсюда второе его название.

В настоящее время эти поселки представляют собой небольшие населенные пункты (самый большой поселок — Новороссийск-второй), объединенные в колхозы.

До революции село Кочкурово было одним из центров местного рогожного промысла.

² За что, пользуясь случаем, приношу И. А. Оссовецкому свою искреннюю благодарность.

Во второй половине XVII в. село Кочкурово входило в состав нижегородских вотчин Б. И. Морозова, оно упоминается в его переписке. В частности, из этой переписки узнаем, что в Кочкурове примерно половину населения составляла тогда мордва, которая позднее целиком выселилась оттуда в другие места».

То, что сообщает И. А. Осовецкий о пос. Новороссийск-второй, дает все основания полагать, что этот поселок, являющийся выселком из с. Кочкурово, причем выселком очень недавним, имеет в общем тот же тип говора, что и само с. Кочкурово и другие из него выселки. Если в говоре этих селений и есть какие-нибудь диалектные различия, то скорее всего они связаны с неодинаковым усвоением языковых явлений литературного языка, проникших в говор после Октябрьской революции. Иначе говоря, можно думать, что диалектные различия в говоре с. Кочкурово и его выселков касаются только новых черт и что по традиционным языковым чертам говор этих селений одинаков. Это дает право рассматривать тип яканья, отмеченный в поселке Новороссийск-второй, в качестве языковой черты, которая свойственна не только говору этого поселка, но говору целой группы селений — с. Кочкурово и прочих его выселков.

Яканье в том виде, как оно представлено в пос. Новороссийск-второй, характеризуется следующими чертами.

1. В непосредственно предударном слоге после мягких согласных перед твердыми в соответствии с этимологическим *e* произносится гласная *a*: *в'асна́*, *хл'абáют*, *с'м'атáну*, *пр'ив'азлá*, *п'аклá*, *с'астрá*, *с'ьгр'абáиш*, *с'ам'нáтцэт'*, *м'атáт'*, *п'эв'алá*; *з'арнб*, *йáлбз'ит*, *в'аснбй*, *к'эл'асб*, *т'ап'лб*, *с'в'ит'аркбм*, *м'ат'лбй*, *с'амбй гот*; *д'аржй*, *м'арлйик'и*, *пр'ин'асй*, *б'арйт*, *з'эм'атйт*, *в'адйтцэ*, *пр'ин'асйт*, *пр'ив'азйт*; *п'ит'арйх*, *в'арстй*.

Последовательно не произносится *'a* перед группой согласных, начинающейся с твердой и кончающейся мягкой. Вместо *'a* в этом положении произносится гласная *и*: *з'имл'á*, *з'имл'á-та*, *з'имл'бй*, *у с'истр'э*, *к с'истр'э*, *с'истр'йца*, *на ст'икл'э*, *л'иглй*, *с'ьгрибл'й*, *дримл'й*, *тр'ипл'й*, *т'имнэт*³.

2. Предударное *'a* перед твердыми согласными представлено также в соответствии с этимологическим *'a*:

³ См. предыдущий очерк, стр. 122 и след.

р'адбф, *р'аббй*, *пр'амбй*, *л'н'анбй*, *св'атйх*, *п'атнáтцэт'*, *пр'адй*, *итн'алá*.

3. В соответствии же с этимологическим *ѣ* в предударном слоге перед твердой согласной произносится то *'a*, то *и*:

а) предударное *'a* на месте *ѣ*: *в'адрб*, *в в'адрб*, *н'д в'адрбм*, *п'асбк*, *п'аскй*, *с сн'агй*, *к'э п'йаздй*, *вр'адá*, *б'адá* (междометие), *сл'апбй*, *с'л'апййу*, *с'адбй*, *пр'ип'авáт*, *ад'авáтца*, *р'эз'д'авáтца*;

б) предударное *и* на месте *ѣ*: *р'икá*, *р'икбй*, *в л'исй*, *л'исá*, *л'исоф*, *д'эилбф*, *з' д'эилáми*, *гр'ихá*, *хл'ибá*, *д'итвбф*, *н'э с'н'игй*, *в'идрб*, *п'эл'изáй*.

Сюда нельзя отнести слово *п'итйх*, так как оно для говора новое (свое: *кбцэт*), и форму *в в'идрэ*, поскольку предударное *и* в положении перед твердой согласной, за которой следует мягкая, закономерно произносилось бы и в том случае, если бы в говоре на месте *ѣ* была последовательно представлена гласная *'a*.

Следует отметить, что мало показательны для случаев с предударным *'a* из *ѣ* примеры: *ад'авáтцэ*, *раз'д'авáтца* и *п'асбк*, *п'аскй*. В первых предударное *'a* может соответствовать не *ѣ*, а *e*, которое могло обобщиться в этих глаголах из других образований с тем же корнем (вроде *од'ожа*). Что же касается слова *п'асбк*, то нельзя не учитывать, что с предударным *'a* оно произносится в ряде окающих говоров владими́ро-новола́жского типа. Такое произношение, например, отмечено Л. Н. Булатовой во Владимирской обл. в говоре селений Вешки, Васюнино и Заколпье Гусь-Хрустального р., а также Купреево и Икшево Курловского р.⁴ Таким образом, в говоре пос. Новороссийск-второй предударное *'a* в *п'асбк*, *п'аскй* может восходить не к *ѣ*, а к *'a*, отражая без какого-либо изменения соответствующее произношение севернорусских говоров⁵.

4. В предударном слоге между мягкими согласными в соответствии с *e* и *ѣ* произносится *и*:

а) *и* на месте *e*: *пл'им'áнн'ик*, *д'ив'áтйй*, *д'эис'áтка*, *ф с'ур'гáх*, *пл'ит'э́н'*, *в д'ур'эвн'и*, *л'ип'э́цут*, *н'ид'э́лу*,

⁴ Л. Н. Булатова. Указ. соч., стр. 74.

⁵ Этимологически в *песок* могло быть *'a* из *e*, ср. санскр. *pāṁśús* (*pāṁśuṣ*) «пыль, песок, распахавшая земля», Zendk. *pā-snuš* — см.: А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1910—1914, слово «песок».

т'ил'эшк'и, н'ис'бш, н'ис'бм, н'ис'бт'а, пр'ин'ис'бт, в'и-д'бт, раз'б'ир'бм, т'ил'бнак, п'ир'йна, п'ин'к'и, пр'и-в'из'л'и, с'им'й'у, но: п'ир'ис'ал'ил'ис';

б) *и* на месте *ѣ*: *с'м'ин'ам, с'м'ин'алас', с'м'ий'ал'ис', с'м'ий'б'ца, л'ил'б'шка, с'м'ий'б'ца.*

5. Предударное *и* между мягкими согласными произносится и на месте *'а*: *гл'ид'эт', п'гг'ид'и, п'гг'ид'и, м'ик'ины, з'пр'иг'бт.* Однако такое произношение не проведено последовательно, и большая часть примеров, записанных И. А. Оссовецким, дает для этого положения гласную *'а*: *н'ъ гр'аз'э, в гр'аз'э* (ср. *па гр'аз'и, гр'аз'иу*), *д'ис'ат'ины* (род. п. ед. ч.), *з'им'л'ан'ик'ъ, х'лст'ак'и, н'пр'ад'бм, н'ъ с'ий'а п'гг'ад'и.*

Приведенный материал по предударному вокализму после мягких согласных в говоре пос. Новороссийск-второй показывает, что этот вокализм в целом умеренно якающий. Однако это не обычное умеренное яканье, при котором на месте *е, ѣ* и *'а* в предударном слоге последовательно произносятся: перед твердыми согласными — *'а* (*в'асн'а, р'ак'а, п'ат'ок*), а перед мягкими согласными — *и* (*б'ир'и, б'ил'ей, п'ит'и*). Яканье в Новороссийске-втором отстает от такого произношения в двух пунктах.

Наиболее характерной чертой новороссийского яканья, которой оно отличается от обычного умеренного, является произношение в значительном числе случаев предударного *и*, а не *'а* на месте *ѣ* перед твердыми согласными: *рик'а, л'ис'бф, н'ъ с'ни'г'у* и др. Другое отступление от обычного типа умеренного яканья обнаруживается в произношении между мягкими согласными предударного *'а*, а не *и* в соответствии с этимологическим *'а*: *н'ъ гр'аз'э, д'ис'ат'ины, з'им'л'ан'ик'ъ* и др.

Эти отклонения от обычного умеренного яканья генетически легко объяснить, если предположить, что в основе яканья, представленного в пос. Новороссийск-второй, лежит ёкающий севернорусский вокализм с непосредственным произношением предударного *'о* из *ѣ* перед твердыми согласными и предударным *'а* в соответствии с этимологическим *'а* между мягкими согласными. При изменении такого вокализма под влиянием акающих говоров в якающий предударное *'о* должно было замещаться гласной *'а*, а предударное *е* — гласной *и*, в резуль-

тате чего закономерно должен был образоваться тип яканья, обнаруженный в пос. Новороссийск-второй:

Севернорусский вокализм,
лежащий в основе
новороссийского яканья

Новороссийское яканье

1. *в'осн'а, т'оп'лб, б'ор'ит*
2. *утн'ал'а, р'аб'ой, пр'ад'ит*
3. а) *пр'ип'ов'ат, в'од'рб,*
с'од'ьи
- б) *р'ек'а, л'ес'бф, н'ъ сн'ег'у*
4. *д'ев'атай, п'лет'ен';*
см'ен'ам, л'еп'бшка
5. *в гр'аз'э, з'им'л'ан'ика*

1. *в'асн'а, т'ап'лб, б'ар'ит*
2. *утн'ал'а, р'аб'ой, пр'ад'ит*
3. а) *пр'ип'ав'ат, в'ад'рб,*
с'ад'ьи
- б) *р'ик'а, л'ис'бф, н'ъ сн'иг'у*
4. *д'ив'ат'ей, п'лит'ен';*
см'ин'ам, л'ип'бшка
5. *в гр'аз'э, з'им'л'ан'ика.*

Тип ёканья, лежащий в основе новороссийского яканья, довольно широко распространен среди говоров владими́ро-поволжской группы севернорусского наречия. Между ним и новороссийским яканьем наблюдается полный параллелизм, сказывающийся в том, что предударной гласной *'о* северных говоров совершенно в тех самых фонетических условиях соответствует гласная *'а* в новороссийском говоре, а гласной *е* северных говоров — в тех же самых фонетических положениях гласная *и* новороссийского говора. Такой полный параллелизм в системе предударных гласных с очевидностью доказывает, что новороссийское яканье возникло на основе севернорусского ёканья, в котором сохранялось различие предударных этимологических *е* и *ѣ*.

Различие в отражении предударных *е* и *ѣ* проявляется в владими́ро-поволжским говорам двояко. При последовательном произношении перед твердыми согласными на месте *е* гласной *о* (*в'осн'а, т'оп'лб, б'ор'ит*) в одних говорах в соответствии с *ѣ* всегда произносятся *е* (*пр'ип'ев'ат, в'ед'рб, с'ед'ьи, р'ек'а, л'ес'бф, н'ъ сн'ег'у*), в других — то *е* (*р'ек'а, л'ес'бф, н'ъ сн'ег'у*), то *'о* (*пр'ип'ов'ат, в'од'рб, с'од'ьи*).

Из этих двух разновидностей ёканья в основе новороссийского яканья может лежать только ёканье с непосредственным произношением предударного *'о* на месте *ѣ*. Именно по отношению к нему новороссийское яканье обнаруживает полный параллелизм в системе предударных гласных, в частности показывая такое же

отсутствие последовательности в произношении 'а на месте ѣ.

Соотношение предударных гласных после мягких согласных перед твердыми сохранилось в новороссийском яканье примерно в том же виде, в каком оно было в момент своего возникновения. Напротив, система предударных гласных между мягкими согласными, по сравнению с первоначальным состоянием, в нем несколько изменилась. Это изменение коснулось произношения предударного 'а между мягкими согласными, которое наблюдается в говоре на месте этимологического 'а, ср. *нѣ граз'ѣ, в граз'ѣ, дис'ат'ины, з'им'ан'и'къ, х'лст'ак'и, нѣпр'ад'ѣм, нѣг'лад'и*. По этой черте новороссийское яканье сближается с тороповским.

Однако в новороссийском яканье произношение предударного 'а в соответствии с этимологическим 'а перед мягкими согласными в настоящее время не проводится последовательно. Наряду с гласной 'а в этом положении наблюдается, правда, по-видимому, реже, и произношение гласной *и*, ср. *г'лид'ѣт', нѣг'лид'и, нѣг'лид'и, м'ин'ины, зѣпр'иг'ѣт*. Подобное же явление обнаруживается и в говорах с умеренным яканьем тороповского типа, например в говоре деревень Бочкари и Чинур Касимовского р. Рязанской обл.⁶ Как там, так и здесь оно объясняется тенденцией обобщить в предударном слоге между мягкими согласными произношение гласной *и*, которая, будучи представленной на месте большей части гласных, а именно: *е, ѣ, и*, можно сказать, господствует в этом положении.

Новороссийское яканье, представляющее собой разновидность умеренного яканья, до сих пор не было известно. Высказанное мной предположение, что такого типа яканье может существовать среди среднерусских говоров, — предположение, основанное на убеждении, что умеренное яканье возникло на почве владимиро-поволжского ёканья, теперь подтвердилось. Тем самым нашло себе сильнейшее подкрепление и само положение об образовании умеренного яканья на основе севернорусского вокализма. И дело здесь не только в том, что действительные языковые явления совпали с теорети-

⁶ В. Г. Орлова. Говоры северо-восточной части Рязанской области. «Бюлл. Диалектол. сектора Ин-та русского языка АН СССР», 1948, вып. 3, стр. 46—56; см. также выше, стр. 111.

чески предполагаемыми, а и в самом существе этих явлений.

На самом деле, владимиро-поволжские говоры довольно значительно различаются между собой по своему предударному вокализму. Поэтому, если умеренное яканье среднерусских говоров действительно образовалось на основе этого вокализма, то оно, отражая особенности исходного звукового материала, не может быть полностью единообразным, однотипным.

Наблюдения над среднерусскими говорами показывают, что это так и есть. Умеренное яканье в них представлено в ряде разновидностей. Наряду с обычным умеренным яканьем с последовательным произношением перед твердыми согласными 'а, а перед мягкими *и*, в среднерусских говорах наблюдается тороповская разновидность этого яканья, сохраняющая в предударном слоге между мягкими согласными гласную 'а в соответствии с этимологическим 'а (*н'ам'и, пр'ад'ѣт, г'лад'ѣт*), а также соколовская его разновидность, в которой произношение гласной *и* на месте 'а перед твердыми согласными (*н'ит'ак, н'ити'ѣ, пр'им'и'и*) отражает севернорусское изменение безударной гласной 'а в *е*. В настоящее время И. А. Осовецким в поселке Новороссийск-второй открыта новая разновидность умеренного яканья, в которой, как и в других, наглядно проступает одна из разновидностей владимиро-поволжского ёкающего вокализма.

Наличие в среднерусских говорах ряда разновидностей умеренного яканья, отражающих в тех языковых чертах, которыми они различаются между собой, соответствующие различия в системах предударных гласных севернорусских говоров, является убедительнейшим доказательством происхождения этих разновидностей умеренного яканья на основе севернорусского вокализма, причем эту основу имеют не только тороповская, соколовская и новороссийская разновидности умеренного яканья, в которых следы их происхождения ярко проступают и теперь, но и наиболее распространенное в среднерусских говорах обычное умеренное яканье. В последнем следы его севернорусского происхождения несколько стерты. Это объясняется тем, что обычное умеренное яканье, в котором произношение предударных гласных после мягких согласных полностью определяется мягкостью и твердостью последующих согласных, не образовалось прямо из ка-

кого-нибудь типа севернорусского ёканья. Оно представляет собой результат дальнейшего развития яканья, непосредственно сложившегося на севернорусской основе под влиянием якающих говоров. Иначе говоря, современное умеренное яканье представляет собой вторичное образование, развившееся из яканья несколько иного типа, являвшегося по отношению к умеренному первичным образованием.

Таким первичным типом яканья, из которого вышло умеренное, было яканье тороповского типа. В настоящее время тороповское яканье встречается в среднерусских говорах сравнительно редко, но есть все основания полагать, что раньше оно было распространено значительно шире. Так, Е. Ф. Будде в своем описании касимовских говоров, относящемся к 90-м годам прошлого столетия, признавал наиболее характерным для них именно этот тип яканья⁷.

Наблюдения же последних лет показали, что теперь в этих говорах господствует умеренное яканье или его разновидность — ассимилятивно-умеренное⁸. Кроме того, среди среднерусских говоров и сейчас наблюдаются говоры с яканьем, переходным от тороповского к умеренному. Таковы, например, упоминавшиеся выше говоры деревень Бочкари и Чинур Касимовского р. Рязанской обл.

Таким образом, тороповское яканье можно рассматривать в качестве пережиточного диалектного явления, сохранившегося в настоящее время лишь в незначительных остатках. В большей же части случаев оно изменилось в умеренное яканье, которое теперь является наиболее распространенным типом яканья в среднерусских говорах. Изменение тороповского яканья происходило путем обобщения в предударном слоге между мягкими согласными гласной *и*, представленной на месте этимологических *и*, *е*, *ѣ*. Это обобщение устранило ту черту, которой тороповское яканье отличалось от умеренного, а именно произношение между мягкими согласными

в соответствии со старым *ʼа* предударного *ʼа* (*nʼamʼu*, *prʼadʼot*, *glʼadʼat*).

Две другие разновидности умеренного яканья, в которых наглядно проступают черты севернорусского вокализма, — соколовский и новороссийский типы яканья — встречаются в среднерусских говорах еще более редко, чем тороповское яканье. Они отмечены буквально в единичных случаях: соколовское яканье — только в с. Соколово Пителинского р. Рязанской обл., а новороссийское — в пос. Новороссийск-второй Большеболдинского р. Горьковской обл. Последнее, впрочем, по всей вероятности, представлено также в с. Кочкурово Починковского р. Горьковской обл. с грункой недавних выселков из него, одним из которых является и сам пос. Новороссийск-второй.

Возможно, что последующие наблюдения обнаружат еще говоры с подобными типами яканья, однако то обстоятельство, что до сих пор, несмотря на наличие весьма большого количества материалов по среднерусским говорам, о соколовском и новороссийском типах яканья почти нет сведений, не может быть случайным. Это, безусловно, указывает на то, что эти типы яканья действительно являются печастыми образованиями в среднерусских говорах.

Незначительность числа говоров с соколовским и новороссийским типами яканья не может быть объяснена тем, что для их образования не было подходящих условий. По крайней мере, в отношении новороссийского яканья этого сказать никак нельзя. Напротив, достаточно широкое распространение среди владими́ро-поволжских говоров ёканья с непоследовательным произношением предударного *ʼо* на месте *ѣ*, на основе которого складывалось новороссийское яканье, казалось бы, открывало для его образования большие и вполне реальные возможности. Однако, несмотря на это, говоры с новороссийским яканьем все же исключительно мало.

Это позволяет поставить вопрос: не потому ли говоры с новороссийским яканьем теперь так малочисленны, что в большей части этих говоров новороссийское яканье, подобно тороповскому, изменилось в обычное умеренное, ставшее благодаря этому основным типом яканья на территории среднерусских говоров? На этот

⁷ Е. Будде. К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском у. Рязанской губ. Казань, 1896, стр. 55 и 60.

⁸ И. А. Оссовецкий. К диалектологии говоров Рязанской области. «Бюлл. Диалектол. сектора Ин-та русского языка АН СССР», 1949, вып. 5, стр. 54—57.

вопрос приходится отвечать отрицательно. Конечно, известное число говоров с новороссийским яканьем могло утратить отличительные черты своего предударного вокализма под влиянием соседних говоров с умеренным яканьем, но, как мне кажется, самостоятельно измениться в умеренное новороссийское яканье не могло. Для этого в самой его системе не было внутренних условий.

Действительно, чтобы из новороссийского яканья могло развиваться умеренное, оно должно было утратить две свои особенности, отличающие его от умеренного яканья: во-первых, произношение предударного 'а между мягкими согласными на месте этимологического 'а (*п'ам'и, пр'ад'от, г'ад'ат*) и, во-вторых, произношение на месте ъ предударного и перед твердыми согласными (*р'икá, л'исбф, нъ сн'игу*).

Первая особенность вполне могла быть утрачена путем обобщения в предударном слого между мягкими согласными численно преобладающей здесь гласной и. Этот процесс переживался тороповским яканьем, и он фактически наблюдается в говоре пос. Новороссийской, где в ряде случаев в предударном положении между мягкими согласными вместо 'а произносится и.

Однако если бы подобным же образом происходила утрата второй отличительной черты новороссийского яканья, то это бы не вело к образованию умеренного яканья. На самом деле, обобщение в предударном слого перед твердыми согласными гласной 'а распространилось бы не только на и из ъ (*р'икá, л'исбф, нъ сн'игу*), что только и нужно было бы для образования умеренного яканья, но и на и, соответствующее этимологическому и (*з'имá, гн'илбй, п'илу*), а также на и из е и ъ перед группой согласных, кончившейся мягкой согласной (*п'икл'и, т'ипл'эт', с'истр'ица, в'идр'е*). Таким образом, вместо умеренного яканья образовалось бы яканье с предударным 'а перед твердыми согласными на месте всех гласных, кроме у, т. е. 'а произносилось бы не только в таких случаях, как *пр'алá, в'аснá, р'акá*, но и в таких, как *з'амá, п'алу, п'акл'и, с'астр'ица, в'в'адр'е*. Как известно, в среднерусских говорах подобного типа яканья не существует.

Трудно себе представить, каким другим путем, кроме обобщения гласной 'а в предударном слого перед твер-

дыми согласными, могло бы из новороссийского яканья образоваться умеренное, а между тем это обобщение не приводило к его образованию. Такого обобщения по всей вероятности, и не было, так как иначе бы существовали говоры с типом яканья, отражавшим это обобщение. Скорее можно предположить, что в новороссийском яканье происходило обобщение предударного и, а именно, предударная гласная и перед твердыми согласными, представленная в говоре на месте этимологических и и ъ, а также е и ъ перед группой согласных, оканчивающейся мягкой, обобщалась в положениях, где было 'а на месте е, ъ и 'а. В результате такого обобщения в предударном слого гласной и из новороссийского яканья образовалось бы иканье, т. е. тип предударного вокализма, также достаточно характерный для среднерусских говоров.

Предположение, что из новороссийского яканья развивалось иканье, дает простое объяснение тому факту, что говоры с новороссийским яканьем исключительно малочисленны в настоящее время. Их мало потому, что в большей их части это яканье сменилось иканьем. Однако такое предположение, как оно ни правдоподобно, не дает ответа на другой вопрос: почему же все-таки иканье в среднерусских говорах распространено значительно меньше, чем умеренное яканье? И это несмотря на то, что широко распространенное владимиро-поволжское ёканье с непоследовательным 'о из ъ, к которому в конце концов через посредство новороссийского яканья восходит такое иканье, представляло для его образования, пожалуй, не меньшие возможности. А ведь иканье к тому же может восходить и к другим типам северного вокализма, например к ёканью, в котором на месте предударного ъ перед твердыми согласными всегда произносится гласная е.

Такое противоречие между широкими возможностями образования иканья на основе севернорусского вокализма и сравнительной ограниченностью его распространения в среднерусских говорах позволяет сделать вывод, что, по-видимому, в прошлом, т. е. в то время, когда формировалась основная масса среднерусских говоров, во владимиро-поволжских говорах было совсем иное, по сравнению с современным, распределение типов ёканья. В частности, было еще мало или даже вовсе

не было тех типов ёканья, из которых позднее развилось иканье. Преобладающим типом было ёканье с последовательным предударным 'о перед твердыми согласными на месте *e* и *ѣ*, из которого под влиянием акающих говоров через посредство тороновского яканья образовалось умеренное яканье, ставшее преобладающим типом яканья в среднерусских говорах. Из ёканья с последовательным 'о на месте *e* и *ѣ* уже после того, как сформировалась основная масса среднерусских говоров, стало развиваться во владими́ро-пово́лжских говорах, не подвергшихся влиянию аканья, ёканье с непоследовательным 'о на месте *ѣ*, которое, таким образом, является, по сравнению с первым, более новым образованием, как это уже предполагал П. С. Кузнецов⁹. Это ёканье затем широко распространилось во владими́ро-пово́лжских говорах, и уже на его основе, под влиянием аканья, начало складываться яканье новороссийского типа, из которого, в свою очередь, могло развиваться иканье. При таком объяснении становится понятным и то, почему в среднерусских говорах преобладает умеренное яканье, и то, почему в них относительно ограниченно представлено иканье, и то, наконец, почему в них так исключительно редко встречается яканье новороссийского типа. Все это, думается, говорит о правдоподобности такого объяснения.

Говор поселка Новороссийск-второй может служить типичным примером такого среднерусского говора, в котором помимо аканья, отражающего в своих характерных чертах легшую в его основу систему владими́ро-пово́лжского оканья, все прочие диалектные черты, за незначительными исключениями, являются типично севернорусскими. Не давая полного описания говора, остановлюсь на тех его чертах, которые обычно привлекаются для установления принадлежности говора к определенной диалектной группе.

Некоторые из языковых черт в говоре Новороссийска-второго являются общими с чертами, которые свойственны севернорусскому наречию в целом или, по крайней мере, большей его части. К ним относятся:

1. Взрывное образование звонкой заднеязычной согласной *г*: *гот*, *гар'ачий*, *гул'авъ*, *пъган'ат*, *нъ стагъ*, *угл'ей*, *гл'ид'эт'* и др., но: *гбспъд'и*, *баг'аты*, *аг'а*. На конце

слова ей соответствует глухая взрывная: *ф крук*, *врак*, *зъ налбк*, *сапбк*, *ум'у́к*.

2. Утрата межгласного *i* (*й*) и стяжение гласных: *худб в'идрб*, *н'и б'арск'и мы*, *б'елы*, *ст'ары*, *горбша*, *дл'инна пун'*, *красну кофту*, *пъган'ат*, *знат*, *ст'арый бат цбрт*, *пасп'эт*, *ум'эт*, *знам*, *знаш*, *пън'имам*, *ругаш*.

3. Изменение сочетания *ви* в мн: *ми́жа майа́*, но: *в д'ир'эви'и*.

4. Произношение согласной *ф* в заимствованных словах: *фунт*, *фунт'ф*, *форма*.

5. Форма родительного и винительного падежей у личных и возвратного местоимений на *-а*: *у м'ин'а*, *пра с'ийа́*, *нъ с'ийа́*.

6. Согласная *в* в окончании род. п. ед. ч. муж. и ср. р. местоимений и прилагательных: *цавб*, *н'ицавб*, *у бал'швбъ с'ала́*, *ис худбвбъ в'идра́*, *у йавб фс'б бал'ит*, *кавб*, *харбшвбъ ц'лав'экъ*, ср. также: *къравбт*.

7. Гласная 'о в ударяемых личных окончаниях глаголов 1 спряжения: *вид'бш*, *н'ис'бш*, *раз'б'ир'бш*, *н'ис'бм*, *нъпр'ад'бм*, *нис'бт'ъ*, *в'из'бт'ъ*.

8. Твердое *т* в окончании 3-го лица ед. и мн. ч. глаголов: *в'из'бт*, *п'ах'ит*, *в'аз'ит*, *рбйит*, *с'ид'ит*, *хбд'ит*, *с'ид'ит*, *н'ос'ит*.

9. Мягкое *с'* в суффиксе прилагательных и наречий *-с'к-*: *па-р'ус'к'и*, *пъ-старикбс'к'и*, *пъ-мардбс'к'и*, но: *н'и б'арск'и мы*.

10. Формы инфинитива на *-ц'и* и *-с'т'и* у глаголов с основной наст. времени на заднеязычные и твердые зубные согласные: *п'акц'и*, *н'и л'иц'и* (лечь); *п'аис'т'и*, *пас'т'и*.

11. Постпозитивная изменяемая усилительная частица: *м'эд-ат*, *гбр'к-ат* (горький-то), *з'имл'а-та* и *н'их б'арска*, *дабрб-тъ* и *пъгар'ела*, *дабытку-тъ н'ету*, *мы ст'ары-т'и б'уд'им*, *н'и твари́ла в'рат'а-т'и*.

Если перечисленные явления указывают на связь говора Новороссийска-второго вообще с севернорусским наречием, то другие говорят о его непосредственной близости с владими́ро-пово́лжской группой говоров этого наречия. Таковы, например:

1. Гласная 'а между мягкими согласными под ударением: *з'ат'*, *п'лим'анн'ик*, *вз'ат'*, *п'ат'*, *хаз'анн*.

2. Та же гласная 'а в предударном слоге перед твердыми согласными: *р'абб'и*, *пр'ад'у*, *ум'ала́*, ср. *ржанб'и*, *пъцала́*, и перед мягкими: *в граз'е́*, *з'имл'ан'и́ка*, *нъпр'а-*

⁹ П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 85.

д'бм, н'глад'ау, ср. после шипящих: н' л'шад'ах; однако после ц перед шипящими: цышибба, цыжблыи.

3. Гласная е из ѣ в слогe под ударением перед твердыми и мягкими согласными, как и в большей части владими́ро-поволжских говоров: хл'ён, с'ёнъ, н'ет д'ёлъ, ф сл'ябад'е, в в'идр'е, н'ид'ёл'у, на м'ес'т'ь, гар'ёл'и.

4. Предударная гласная а в соответствии с владими́ро-поволжским предударным о из е перед твердыми согласными, за которыми не следуют мягкие: с'астр'а, т'апл'б, в'арст'ь, п'акла; ср. в положении после шипящих и ц, ч: жан'а, пшан'а, н'шант'ат', пшан'б, жан'бй, жалт'бк, цасн'бк, жан'ь, цат'ьр'ь, чат'ьр'и, жан'у.

5. Произношение в предударном слогe перед твердыми согласными гласных а и и в соответствии с гласными о и е из ѣ, представленными в том же положении в ряде владими́ро-поволжских говоров: сл'анб'й, в'адр'б, с'ад'би, ф сн'аг'у и др., но: р'ик'а, в л'ис'у, д'ил'бф, гр'их'а, н'ь с'н'иг'у, в'идр'б и др.

6. Предударная гласная и перед мягкими согласными: п'лит'ён', в д'ир'евн'и, д'ив'атай, т'ил'бнак; с'м'ин'ам, л'ин'бика, см'ий'утца и перед твердыми, за которыми следуют мягкие: с'истр'йца, к с'истр'е, з'имл'а, з'имл'бй, н'ь ст'икл'е, с'ьгр'ибл'й, л'игл'й — в соответствии с гласной е из е и ѣ в том же положении во владими́ро-поволжских говорах. Ср. в положении перед шипящими, ц и ч: л'ижат', д'ишевл'и, д'ишевл'ь, л'ижьш, л'ижьт, л'ижьу, пл'иц'у; м'ишат', р'ьзб'ижальс', м'ишк'й, л'ичьл'и, к м'ишк'у, но: изв'ашиён'йе; — после шипящих: жьн'е, пшын'е, жьн'йли, пшын'йца, но: у жан'е.

7. Гласная у на месте о в начале слова во втором слогe от ударения: утн'ала, утым'й, но: абарвал'и. Эта черта показательна в особенности для поволжских говоров, к которым территориально примыкает говор Новороссийска-второго.

8. Произношение в как губно-зубного звука: в в'адр'б, в'ат', д'ишевл'ь, д'ир'евни, с изменением его в ф перед глухими согласными и на конце слова: афц'ь, марк'бфка, р'афкн'ул, фс'б, кар'бф, гн'езд'ф, мард'вбф, б'ан'еф.

9. Сохранение мягких губных согласных на конце слова: кр'бф', луб'бф', мура'ф', г'олун', кар'ан', в'с'ьм', с'ьэм'.

10. Сохранение л перед согласными и на конце слова: жб'лта, талк'у, валк'бф, в'илк'бф; н'и м'йнул, абмаз'л, аб-

м'ёр'ул; — и мягкости л перед согласными: ббл'шъ, бал'шб'й, ббл'нъ, на ц'ёл'ни, ц'ёл'ник'ьм.

11. Отсутствие смягчения заднеязычных к, г, после мягких согласных: Т'ан'ка, В'ит'ка, гбр'к-ат, Ол'га, к'ьц'ьр'га, ц'ьтв'ёр'к; ср. также: д'бца, р'еца, с'в'ергу.

12. Долгие твердые шипящие ш, ж: цышибба, таиш'ьл, иши'е, изв'ашиён'йе, др'ожжы, но: д'бжд'ик, в'бжд'и и виж'ат (по-видимому: в'ижд'жат). На стыке морфем наряду с ш: ишыт'ал, са шшбту, произносят шч: шчыт'ат', в'бшч'ьк, разн'бшч'ьк, и сц: с'цас'л'йвьй.

13. Сохранение сочетания дн: адн'у, фс'б в адн'бм, два дн'а, халб'дна.

14. Как во многих поволжских говорах Горьковской обл., форма твор. п. мн. ч. имен существительных и прилагательных оканчивается на -ми: з'ь дам'ам'и, с кан'ам'и, с л'уд'ам'и, снахам'и; с м'лад'ьм'и, с худ'ьм'и, з д'ббры'м'и, различаясь с дат. п. мн. ч.: к л'шад'ам, к лат'там, у дв'артам.

15. Форма дат. и предл. п. ед. ч. у существительных ж. р. на -а, имеет окончание -е: к с'истр'е, г жан'е, н'ь вад'е, в бр'игад'и-т'и.

16. Прилагательные в форме род. п. ед. ч. ж. р. имеют окончание только -ой: у м'лад'бй жан'е, у бал'шб'й изб'е, у адн'бй стар'йшк'и, у стар'ьй дар'б'и.

17. У глаголов 2 спряжения основа 1-го лица ед. ч. оканчивается на шипящую, аффрикату ц и на сочетание губной с л': праи'у, важ'у, м'лац'у, купл'у. При этом у глаголов с подвижным ударением оно сохраняется на окончании.

18. У глаголов «дать», «есть» форма 2-го лица ед. ч. представлена в виде д'аш, й'еш.

19. У глаголов 1 спряжения, с основой наст. времени на заднеязычные к, г, в формах 2-го и 3-го лица ед. ч. и 1-го и 2-го лица мн. ч. основа оканчивается на среднеязычные к', г': т'ик'бш, п'ик'бш, з'ьпр'иг'бш, ср. ст'ир'аг'у, ст'ир'аг'ут.

Кроме перечисленных языковых явлений, следует указать на сохраняющееся в говоре цоканье с твердой аффрикатой ц как на месте этимологического ц: афц'а, к'ур'ица, работн'ица, так и на месте ч: цышибба, пац'ьнк'и, цорт, цасн'бк, цав'б, мы цав'бк'ьл'и. По наблюдениям И. А. Оссовета, «старшее поколение и женщины средних лет цоканют последовательно. Среднее поколение

Мужчин и молодежь не цокают, в их говоре представлено ч твердое, у немногих ч мягкое».

Наконец, записи по говору отмечают еще «шепелявое» произношение мягких свистящих согласных *с', з'*, встречающееся в речи повороосийцев, например: *с'алá, с'эм', на м'эс'т'ь, на с'н'агú, с'л'апúу, с'м'атáну, з'имл'бú, нь гр'аз'э, гр'аз'úу, раз'б'ир'бм, пр'ив'из'л'ú* и др., а также произношение мягкой взрывной зубной согласной *ð'* с довольно сильной фрикацией: *ð'илбф, з ð'илáми, ð'ис'áтка, ньгл'ад'ú*.

Все перечисленные явления представляют собой или такие черты, которые характерны только для севернорусского наречия и отсутствуют в южнорусском, или такие, которые, будучи свойственны севернорусским говорам, в частности владими́ро-пово́лжским, встречаются и в южнорусском наречии. Взятые в совокупности, они дают картину типичного севернорусского говора, который отличается от владими́ро-пово́лжских говоров, по существу, одним лишь аканьем. Только по этой единственной южнорусской черте новоросийский говор, согласно принятой классификации, может быть отнесен к группе среднерусских говоров.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От автора	3
Редуцированные гласные <i>ъ</i> и <i>ь</i> в древнерусском языке XI в.	5
Из истории сочетаний типа * <i>ььт</i> в русском языке (Возникновение мягкости <i>р'</i> перед заднеязычными и твердыми губными согласными)	38
Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье	98
Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах	141

Владимир Николаевич Сидоров

Из истории звуков русского языка

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства В. А. Ицкович
Художник В. П. Заикин
Технический редактор Н. П. Кузнецова

Сдано в набор 18/XI 1965 г. Подписано к печати 9/II 1966 г.
Формат 84×108^{1/32}. Печ. л. 5. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 8,4.
Тираж 5000 экз. Изд. № 634/66. Тип. зак. № 597.

Цена 50 коп.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подосенский пер., д. 21
1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

СПИСОК
ОПЕЧАТОК И ИСПРАВЛЕНИЙ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
7	7 св.	е (закры-	ê (е закры-
35	7 св.	и	в
46	2 св.	примыкала	она примыкала
53	22 св.	близости,	близости
55	8 сн.	и др.)	и др.
59	13 св.	308	308 ₁
66	7 св.	XII в.	XI в.
72	1 св.	<i>prav'édnogo</i>	<i>prav'éd'nogo</i>
79	16 св.	г и * <i>tъrt</i>	г из * <i>tъrt</i>
107	12 сн.	в <i>гр'аз'и</i>	в <i>гр'аз'и</i>
112	10 сн.	Савровского р.	Ставровского р.
128	10 св.	что и	что «и
152	11 сн.	кончившейся	кончавшейся